

Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»
№ 4 (28) 2010
ISSN 1996-0522

Учредители
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы» и
НП «Институт развития города»

Издатель
Челябинский институт (филиал)
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Философия
Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
Ю.В. Зацепилин – к.ф.н.
В.А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
А.В. Павлов – д.ф.н., профессор
В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
А.С. Чупров – д.ф.н., профессор

Политология
С.Г. Зырянов – д.полит.н., доцент
А.В. Понеделков – д.полит.н., профессор
О.Ф. Русакова – д.полит.н., профессор

Социология
Е.В. Грунт – д.ф.н., профессор
Н.Б. Костина – д.с.н., профессор

Юриспруденция
В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
А.Л. Фартыгин – к.ю.н., доцент

Экономика и управление
О.В. Артемова – д.э.н., профессор
Т.Ю. Савченко – к.э.н., доцент

Культурология
С.С. Загребин – д.и.н., профессор
Л.Б. Зубанова – к.с.н., доцент
А.Н. Лукин – к.культурологии, доцент

История
С.В. Нечаева – к.и.н., доцент
В.Н. Новоселов – д.и.н., профессор

Главный редактор
доктор политических наук
С.Г. Зырянов

Заместитель главного редактора
доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров

Редакция
А.Н. Лукин – зав. рубрикой философии
С.Г. Зырянов – зав. рубрикой политологии
Е.В. Грунт – зав. рубрикой социологии
А.Л. Фартыгин – зав. рубрикой
государства и права
Т.Ю. Савченко – зав. рубрикой
экономической политики и управления
С.С. Загребин – зав. рубрикой культуры
В.Н. Новоселов – зав. рубрикой истории

А.В. Павлов – ответственный
за международные контакты
Ответственный секретарь
кандидат философских наук
А.А. Куштым

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-16702 от 15.10.2003 г.
Выдано Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций
Подписано в печать 10.12.2010 г.
Формат 70x108^{1/16}
Усл.п.л.10.85 Тираж 1000 экз.
Заказ № 1348.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в ООО «Полиграф-Мастер»
454004, г. Челябинск, ул. Ак. Королева, 26
Цена свободная

СОЦИУМ

В.Н. Сагатовский
Новый взгляд на историю 4

Г.Е. Зборовский
Региональное социальное пространство
как социологический феномен 11

Т.Е. Зерчанинова
Процедура социального аудита деятельности
органов местного самоуправления 21

ВЛАСТЬ

Д.А. Жуковский
Эволюция политологической концепции
А.А. Зиновьева 26

О.П. Черных
Онтология политики в контексте
информационной парадигмы М. Мак-Люэна 30

Ю.Д. Далаева
Феномен «гибкой» информационной власти:
потенциал и проблема развития 35

Е.В. Коган
Коммуникативные и социальные аспекты
возрастания роли репутации в современном
русском политическом процессе 38

И.В. Денисова
Участие в выборах как фактор политической
социализации в современном российском
обществе 43

О.Г. Горчакова
Анализ трендов избирательной явки за период
с 1979 по 2009 годы на примере выборов
в Европейский парламент 48

Д.В. Нежданов
«Политический рынок» современной России:
модель «В.О.П.А.Д.» как инструмент
ретроспективного анализа особенностей
становления политических партий
в 1993 – 2003 гг. 54

Э.В. Павленко
Базовые проблемы повышения эффективности
осуществления в регионах России политического
руководства социально-экономическим развитием 60

С.В. Яровая Публикация отозвана 25.05.2013
Трансформация политического дискурса
в ювенальной сфере в контексте современных
тенденций развития семьи 64

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

А.Н. Пиптюк
Передача органами местного самоуправления
осуществления части своих полномочий
в сфере земельных отношений 68

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ****Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, права, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся данными проблемами.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношений с государственной и муниципальной властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика и управление, культурология и история

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей, предоставляемых для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 134.

**Ваши материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: kushtym@urags-chel.ru

Адрес в Интернет

<http://urags-chel.ru>

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна

Журнал выходит 4 раза в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

В.А. Воропанов

Изменения в организации и юрисдикции местной имперской администрации в Восточном Казахстане в 1840-х – первой половине 1860-х гг. 72

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ**И.В. Лавров**

Перспектива как модель будущего в экономике счастья – новой нормативной теории благосостояния 77

М.С. Норекиян

Возможности сотрудничества государства и рынка на основе государственно-частного партнерства 81

Т.П. Черкасова

Денежно-кредитный инструментарий государственной политики инициализации посткризисного роста 84

Д.В. Шарков

Диалектические противоречия в развитии малого и среднего бизнеса в современной России 89

Я.Ю. Моточенкова

Объективность и субъективность как необходимые условия оценки продукции 94

КУЛЬТУРА**Л.П. Саенкова**

Особенности современной медиакультуры в условиях глобализации 97

И.А. Трушина

Концепты Средневековья в культуре Серебряного века 103

ИСТОРИЯ**С.И. Кубицкий, А.В. Власова**

К вопросу о реагировании Русской Православной Церкви на проблемы социальных патологий в начале XX века 107

В.Н. Новоселов

Строительство первого промышленного ядерного реактора для производства плутония на Южном Урале 110

Л.В. Шубарина

Отражение генезиса оборонно-промышленного комплекса СССР в документах Объединенного государственного права Челябинской области 113

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XVIII Уральские социологические чтения 116

Куда пойдет гражданское общество? 118

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на сборник «Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии» 120

SOCIUM

V.N. Sagatovskiy A new view to the history	4
G.E. Zborovsky The regional social space as a sociological phenomenon	11
T.E. Zertchaninova The procedure of the social audit of the local government activity	21

POWER

D.A. Zhukovsky Evolution of the conception of A.A. Zinoviev of political science	26
O.P. Chernykh Ontology of a policy in a context of McLuhan's informational paradigm	30
Yu.D. Dalaeva Phenomenon of the "soft" information power: potential and a development problem	35
E.V. Kogan Communicative and social aspects of the increasing role of the reputation in modern Russian political process	38
I.V. Denisova Participation in elections as a factor of political socialization in modern Russian society	43
O.G. Gorchakova The turnout trends analysis from 1979 to 2009 on the example of the elections to the European Parliament	48
D.V. Nezhdanov The political market of modern Russia: V.O.P.A.D. model as the retrospective analysis instrument of political parties development peculiarities in 1993 – 2003 period	54
E.V. Pavlenko Basic problems of increasing the political administration effectiveness of the socio-economic development in the regions of Russia	60
S.V. Yarovaya Transformation of political discourse in the juvenile field in the context of modern tendency of the development of family	64

STATE AND LAW

A.N. Pipyuk Transmission by the local government of the realization of a part of their power in the sphere of the ground relations	68
V.A. Voropanov Changes in the organization and jurisdiction of the local imperial administration in the East Kazakhstan in 1840 – first half 1860th	72

ECONOMIC POLICY AND MANAGEMENT

I.V. Lavrov Prospect as a model of the future in the happiness economy – new normative theory of well-being	77
M.S. Norekian The possibility of the state and market cooperation on the basis of the state-private partnership	81
T.P. Cherkasova Monetary-credit instruments of the state policy of the postcrisis growth initialization	84
D.V. Sharkov Dialectical contradictions in the development of small and medium businesses in modern Russia	89
Ya.Yu. Motochenkova Objectivity and subjectivity as necessary conditions of the product valuation	94

CULTURE

L.P. Sayenkova The peculiarities of the modern media culture in the globalization society	97
I.A. Trushina The Medieval concepts of the Silver Age culture	103

HISTORY

S.I. Kubitski, A.V. Vlasova To the problem of the Russian Othodox Church reaction to the social pathologies in the beginning of the XX century	107
V.N. Novoselov The construction of the first industrial nuclear reactor for the plutonium production in the South Urals	110
L.V. Shubarina The reflection of the genesis of the USSR defense-industrial complex in the documents of the United State Archives in the Chelyabinsk region	113

SCIENTIFIC LIFE

XVIII Ural sociological reading	116
What is the civil society heading for?	118

CRITICS AND REVIEWS

The review of the article collection «Local mangement in the post-reform Russia: the power mechanisms and their effectiveness. The summary of the correspondence discussion»	120
---	-----

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ (ПОПЫТКА ОБОСНОВАНИЯ)

УДК 304.2

В.Н. САГАТОВСКИЙ

Прежде чем перейти к динамике, к проблемам развития, перехода от одних этапов взаимодействия к другим, выяснению направленности и движущих сил развития, подведем краткий итог изложенного в предыдущем номере журнала «Социум и власть», попытаемся дать краткую «формулу» предложенной общей модели.

Для обеспечения существования социально-антропологической целостности (САЦ) как взаимодополняющего соотношения её природного, социального и психологического уровней, необходима и достаточна её жизнедеятельность во взаимодействии предметных сфер: материальной, духовной, формирования человека и организационной. Ни одна из этих сфер ни в каком смысле не является ни выводимой, ни сводимой с другими. Любые проявления жизнедеятельности САЦ включают в себя естественноисторический процесс, подчиняющийся объективным законам, деятельность как реализацию идеальных проектов и ценностей, и глубинное общение субъективной реальности с трансцендентной (души с духом). Эти стороны жизнедеятельности реализуются в таких сторонах САЦ как естественноисторическая формация, культура и духовная атмосфера, формирующие в своих взаимоотношениях образ жизни САЦ. Названные стороны жизнедеятельности и САЦ также не выступают по отношению друг к другу как причины и следствия, но взаимно дополняют друг друга во взаимодействии, конституирующем и жизнедеятельность и состояние САЦ как её субъекта и результата.

Похоже, что в таком понимании имеет место искомая суть так называемого цивилизационного подхода, который пытаются противопоставить подходу формационному, хотя я и не употребляю такой терминологии.

Следует различать историю САЦ как развитие на базе уже состоявшихся категориальных характеристик, выявленных выше, и историю становления такого – человеческого типа взаимодействия, т.е. социоантропогенез или филогенез человечества. Не сомневаясь в исключительной важности последнего вопроса, мы не занимаемся им в рамках данного исследования. Ограничимся лишь замечанием, что и там действует наша общая методология: не искать единственную причину, которая порождает все прочее, уйти от проблемы «курицы и яйца»; ориентироваться на поиски дочеловеческих форм взаимодействия, породивших в определенной «точке бифуркации» новое взаимодействие, обладающее в качестве предикатов описанными выше категориальными рядами: природное, социальное и психологическое, естественноисторический процесс, деятельность и глубинное общение и такие сферы жизнедеятельности, как материальная, духовная, формирование человека и организационная.

Понятно, что все эти категориальные характеристики, оставаясь инвариантными по сути, претерпевают в ходе истории существенные изменения в своих конкретных характеристиках. Очевидно, качественное различие, к примеру, религиозных верований первобытного человека и «философской веры» К. Ясперса, социализации в традиционном или постиндустриальном обществе и т.д. Но нельзя удовлетворительно понять соотношение конкретных форм без предварительного понимания проявляющихся в них инвариантных атрибутов человеческой истории, ибо нет человека без отношения к религии, социализации и т.д.

Здесь нас, однако, интересует не описание конкретного развития, но выявление его общего механизма. Продолжим противопоставление подходов с позиций моно-

* Продолжение. Начало в № 2, 2010

каузализма и целостного взаимодействия. Для марксистской модели характерно признание единой «магистральной линии развития», каждый этап которой в сущности своей детерминирован уровнем развития материальных производительных сил и соответствующими этому уровню производственных (экономических) отношений, в которые люди вступают независимо от их воли и сознания. Этот базис определяет те задачи, которые люди сознательно ставят перед собой (свобода как осознанная необходимость). Сознание может облегчить усилия на этом пути, но сам путь предначертан объективно. Вероятность выбора разных путей сводится до уровня внешней формы и не очень существенных случайностей, но общая линия – от первобытного общества до коммунизма – остается заданной в духе лапласовского детерминизма. Непонятно, как могут развиваться производительные силы без творческих усилий человеческого сознания и почему в жизнедеятельности надстройки и форм общественного сознания, в свою очередь, не фиксируются собственные объективные законы, не являющиеся простым следствием и отражением развития экономики. Мы же исходим из того, что в любой форме существования и жизнедеятельности общества имеет место взаимодополнительность всех указанных категориальных рядов, ход истории определяется их взаимодействием в каждой точке и моменте развития.

Каков характер и каковы «движущие силы» такого развития? Выяснение характера развития включает в себя ответ на следующие вопросы:

- Существует ли единая направленность развития общества?
- Каков категориальный механизм реализации направленности?
- Имеет ли место прогресс в развитии общества и каковы его критерии?

Вопрос же о «движущих силах» – это, по сути, вопрос о субъекте исторического процесса.

Единой жестко детерминированной направленности («от простого к сложному, от низшего к высшему») нет ни в бесконечности мирового бытия, ни в многообразии исторического процесса развития общества. В мировой жизни идет постоянная борьба и переплетение двух про-

тивоположных тенденций: добра и зла в религиозно-нравственном понимании и негэнтропийной и энтропийной направленности, говоря языком современного естествознания. Возможно только локальное и временное преобладание одной из них. В обществе, как в сложной системе, противоположность этих общебытийных направленностей расцветивается множеством возможностей самых разнообразных путей или появлением, как говорят в синергетике, новых «стрел времени». Детерминистские «коридоры» в развитии общества, естественно, существуют, но только до тех пор, пока сохраняется определенный набор условий, не меняющих своего качества. Это же является и условием-ограничением достоверности социальных прогнозов. Тенденции общественного развития выступают именно как более или менее вероятные тенденции, степень вероятности которых также не является постоянной величиной.

Означает ли сказанное, что мы «отдаем» ход истории на волю случайностей? Роль случайностей прямо пропорциональна величине неопределенности в какой-либо ситуации. К примеру, приход к власти Ленина в 1917 году в России, Гитлера в 30-е годы прошлого века в Германии и Обамы в настоящее время в США, разумеется, имел объективные предпосылки. Но роль случайностей в выдвижении именно этих лидеров была велика прямо пропорционально степени неопределенности соответствующих исторических ситуаций. Если бы положение дел в данных странах было бы более устойчивым и традиционным, соответствующие возможности (силы, возглавляемые указанными лидерами, активно стремились к власти) вообще могли бы не реализоваться, так же как и в том случае, если бы противоположные силы имели сопоставимых по харизматичности лидеров. Однако списывать все отклонения за счет случайности как пересечения различных тенденций и возможностей, было бы весьма поспешным.

В «точке бифуркации» (или, точнее говоря, полифуркации), т.е. в момент, когда в том или ином отношении меняется качество исторического процесса, можно выделить три решающих обстоятельства. Во-первых, это предшествующий данной точке «детерминистский коридор», т.е.

линию развития («стрелу времени»), ставшую преобладающей на определенный период господства устойчивых условий. Если эти условия сохраняются, то никакой точки полифуркации и не возникает. Однако, во-вторых, воздействие других факторов (так сказать, «вторжение бесконечности») рано или поздно создает ситуацию пересечения иных возможных (с разной степенью вероятности) путей развития, конкурирующих друг с другом. Разрешение ситуации такого рода в первом приближении возможно двояким путем: 1) одна из возможностей становится необходимостью в рамках естественно-исторического процесса, т.е. в соответствии с объективными законами жизни общества, по «правилам», сложившимся в экономике, политике и т.д.; 2) выбор из веера возможностей осуществляется именно как выбор, т.е. в рамках деятельности, когда степень вероятности одной из тенденций целенаправленно усиливается одним из субъектов, участвующих в данном процессе. В действительности оба пути оказываются задействованными, но с возможным доминированием одного из них.

В случае деятельностного выбора может заявить о себе и третье обстоятельство. Оно возникает, если ни одна из наличных возможностей не удовлетворяет какого-либо из участников разрешения ситуации. Вот тогда жесткий детерминизм и вероятностная обусловленность уступают место творчеству как проявлению свободы. Свобода здесь предстает на своем высшем уровне: не как осознанная необходимость (техническое обеспечение свободного выбора) и не как возможность выбора, но как создание нового, качество которого не вытекает из предшествующего «детерминистского коридора» и не представляет собой реализацию одной из наличных возможностей, но является «овозможнением невозможного» (С.А. Левицкий), т.е. творится в самой точке полифуркации, в сам момент «скачка», начала новой «стрелы времени», hic at nunc.

После качественного скачка, совершаемого тем или иным способом, развитие идет по новому «детерминистскому коридору», пока вторжение случайностей (по отношению к данной детерминистской линии) и появление новых возможностей не подведет развитие к новой точке поли-

фуркации. Думаю, что наиболее радикальным «локомотивом истории» (К. Маркс) является все же не конкуренция наличных возможностей, совершаемая в соответствии с объективными законами и благодаря активности участвующих субъектов, но творчество новых возможностей и превращение их в новую действительность, доопределяющую наличное бытие. Иными словами, люди могут ставить и решать задачи, которые не вытекают однозначно из предшествующей детерминации и наличных возможностей. В этом смысле творчество здесь и сейчас действительно выглядит как «творение из ничего».

Жесткий детерминизм, вероятностная обусловленность и свобода как творчество дополняют друг друга, внося свой специфический вклад в общий процесс развития. Естественно-исторический процесс дает исходный материал для осмысления в идеальных проектах и полагает условия для их реализации в человеческой деятельности. Пересечение различных линий естественно-исторического процесса вкупе с конкуренцией деятельностных активностей порождает разнообразие наличных возможностей для выделения новой «магистральной линии». Творческая деятельность способна порождать новые возможности и новые пути их реализации.

Означает ли отсутствие раз и навсегда заданной объективными законами (или волей Абсолюта) магистральной линии развития невозможность выделения такой линии, инвариантность которой подтверждается фактически, и которая может быть оценена как преобладающая и имеющая прогрессивную направленность? В истории человечества мы фактически видим, к примеру, явные тенденции нарастания разрушительной силы войн, увеличения технического потенциала, объема и качества знаний, отрицательного воздействия на окружающую среду и т.д. Наверное, можно и нужно выстроить из таких ведущих тенденций, имеющих явно поступательный характер, некую систему, характеризующую направленность человеческого развития в целом. Но можно ли столь же объективно и однозначно оценить итоговую тенденцию как прогресс или регресс? Нет, этого сделать нельзя. Нетрудно видеть, что любой из только что

приведенных примеров с позиций разных мировоззренческих идеалов может иметь прямо противоположные оценки. Это ещё раз подтверждает, что нельзя понять характер истории, только исходя из объективных предпосылок и отводя идеальной деятельности субъекта лишь вторичную, в лучшем случае катализирующую роль. Мы можем доказать фактичность какого-либо сражения, но его роль с точки зрения различных «версий истории» всегда – и почти без надежды на силу логического доказательства и компромисс – будет получать различные оценки. Поэтому к проблеме прогресса и критериев прогрессивной направленности мы вернемся после результатов, которые надеемся получить в последующем разделе, посвященном проблеме мировоззренческого идеала.

А пока остановимся на вопросе о «движущих силах» истории, о субъекте исторической деятельности и реализаторе объективных тенденций естественноисторического процесса. Поскольку марксизм исходит из примата материального производства, то, естественно, движущей силой оказываются массы его непосредственных участников, материальные результаты деятельности которых могут быть однозначно измерены («народ – творец истории», и способные организовать их «передовые классы»). Но, простите, по чьим проектам осуществляется и материальное производство, и организация масс производителей, и вообще любая деятельность? Ведь зависимость здесь взаимная: без результатов материального производства невозможна никакая иная деятельность, но и само производство невозможно ни осуществить, ни понять без учета положенных в его основу идеальных проектов и деятельности по его организации.

Исходя из сказанного, мы положим в основу понимания того, кто же и как «движет историю», иные категориальные схемы классификации подсистем САЦ. «Полным» субъектом развития САЦ является не какая-то её строго фиксированная часть (производители материальных благ, передовые классы), но САЦ как единство общества в целом, социальных групп и личностей. В каждой конкретной ситуации эти три подсистемы выступают, конечно, не целиком, но в лице определенных своих представителей, взаимодействие

которых оказывается необходимым и достаточным для получения определенно-го качественного изменения. Выделяются именно данные выдающиеся личности, на первый план выходят именно эти социальные группы, в обществе, взятом в целом, образуется именно данная «критическая масса» активистов (процент которой никогда не является очень большим). Далее, несмотря на конкретное разнообразие жизнедеятельности этих подсистем, решающим функциональным делением в них является то, которое фиксирует основные уровни любой деятельности: идеальный проект, его реализация и организация данного вида деятельности. Соответственно выделяются функциональные группы: генераторы идей, реализаторы и организаторы – посредники. Первым, пока ещё частным, вариантом такой классификации послужило предложенное Платоном деление людей на философов, воинов и ремесленников.

Группа генераторов идей, стоящих у истока любых исторических свершений в любой сфере жизнедеятельности, образует консорцию (термин, предложенный Л.Н. Гумилевым и обозначающий пассионарное сообщество единомышленников и/или единоверцев, несущих в жизнь новые идеи и ценности). Консорция может состоять из относительно равновеликих выдающихся личностей (например, французские просветители XVIII столетия) или группироваться вокруг харизматического лидера (Христос и апостолы). Появление социальных идей и проектов, конечно, имеет и объективные и субъективные предпосылки и потому является, в терминологии А. Тойнби, Ответом на Вызов эпохи. Но появление и уровень качества такого Ответа не является неизбежным следствием наличия объективного Вызова и принципиальных субъективных возможностей. Воистину эпохальные Ответы, как правило, оказываются результатом творчества гениев, образующих согласно Тойнби творческое меньшинство.

Но для того, чтобы организовать реализацию этих идей, так или иначе привлечь для этого заинтересованные или подвергшиеся манипуляции сознанием группы реализаторов, нужны посредники-организаторы, те, кого Тойнби назвал правящим меньшинством. Нет никаких

оснований приписывать абсолютно ведущую роль ни одному из членов нашей триады. Без идей нет ни реализации, ни организации, но идеи бессильны без тех, кто их реализует и организует процесс реализации. Только взаимодополняющее единство названных групп и представляет собой «движущую силу» истории. Другой вопрос, что это единство чаще всего бывает очень противоречивым, неэффективным, напоминающим образ Лебеди, Рака и Щуки. Но другого нам пока не дано.

Данная триада наполняется различным конкретным содержанием в зависимости от эпохи и сфер жизнедеятельности, если качественное изменение в одной из них не затрагивает немедленно общество в целом. Приведем иллюстрации из богатой практики XX столетия. Исламская революция в Иране: харизматический лидер аятолла Хомейни в центре консорции из ведущих религиозных деятелей; создаваемые этой консорцией специальные организации по созданию и управлению религиозным государством; реализаторы – активные группы шиитов. Создание государства Израиль: консорция – теоретики сионизма конца XIX – начала XX веков; плеяда организаторов переселения, обустройства, ведения военных действий; этнические евреи как активные переселенцы. Реставрация капитализма в России начала 90-х годов: консорция – лидеры диссидентов; организаторы – сплав диссидентов, переориентировавшейся номенклатуры и криминалитета (причем «идейные» диссиденты скоро были вытеснены); реализаторы – лица, предпочитающие риск «свободного предпринимательства» и\или вообще поверившие во всепоспешность «свободы». Попробуйте это объяснить как следствие экономического базиса и исключительно в терминах классовой борьбы... Конечно, и ориентация на экономическую выгоду и классовые интересы тут тоже имеют место (последнее очевидно в случае с Россией). Но не надо превращать эти факторы в главную причину, «в конечном счете» пробивающую себе дорогу.

Вспомним, что за идеальными проектами стоят базовые ценности. И направленность исторического процесса, а также разнообразие его форм определяется господством тех или иных ценностей. Разу-

меется, если эти ценности воплотились в проекты, а объективные условия и деятельность субъектов реализаторов и организаторов позволила им доопределить бытие. В развернутой и систематизированной форме ценности образуют мировоззренческие идеалы. Именно к рассмотрению этого явления мы и вынуждены теперь обратиться, если хотим задать какие-то критерии той направленности развития, которую можно именовать прогрессом.

Мировоззренческий идеал

Можно ли найти такую объективную позицию, с которой удастся преодолеть и «снять» «субъективизм» оценок, если вспомнить приведенные выше примеры, иранской революции – со стороны США и правоверных шиитов, создания государства Израиль – со стороны сионистов и палестинцев, событий в России – со стороны коммунистов и либералов-западников? Исторический материализм готов оправдать все «издержки», если «исторически прогрессивным оказался твой жизненный путь». Ведь «история не знает сослагательного наклонения», а отдельные исторические отклонения от магистральной логической линии не делают погоды. В целом путь предопределен саморазвитием материальных производительных сил. И человек с необходимостью перейдет из царства необходимости в царство свободы, понимаемой как его творческое саморазвитие без заранее заданного масштаба. К сожалению, во-первых, история пока не подтверждает этот утопически-оптимистический прогноз, и, во-вторых, свобода и творчество сами по себе, без выяснения их аксиологической направленности способны привести к самым неожиданным последствиям. Примем ли мы их как «осознанную необходимость», невзирая на наши внутренние устремления? Опять-таки, история показывает, что это далеко не так. Вспоминая девиз «Свобода или смерть», можно представить себе такую свободу, что смерть покажется предпочтительней.

Ценности и мировоззренческие идеалы аксиоматичны для принявших их личностей и общностей, но это не значит, что нет никаких возможностей для их сравнительной оценки. Такую оценку можно производить по двум критериям: по характеру

стоящего за ними глубинного отношения души к Духу (субъективной реальности к реальности трансцендентальной) и по тем объективным последствиям, к которым ведет следование данным ценностям и идеалам. Конечно, носитель определенных ценностей может пренебречь этими критериями, посчитать сделанную на их основе оценку для себя несущественной. Но её полезность для мыслящих людей, способных отказаться от догматизма и иллюзий, я полагаю, не вызывает сомнений.

Рассмотрим с данных позиций основные мировоззрения, претендующие на глобальный характер. Таковыми являются догматически-религиозное, т.е. опирающееся на каноны определенной религиозной веры, не подлежащие критическому анализу, и светское, в рамках которого в качестве основных можно выделить либеральное, тоталитарное (в пределе фашистское) и коммунистическое.

Положительным моментом религиозного мировоззрения является осознание того, что стремление субъекта к самовыражению не является последней инстанцией, определяющей оценку его деятельности. Направленность последней задается не творчеством как таковым, но его духовной значимостью, тем насколько оно служит обожению мира, становлению его всеединства на духовной основе. Но при этом мир как объективная реальность объявляется изначально греховным, и сколько бы мы не старались, рай на Земле невозможен, апокалипсис неизбежен и мы не знаем, что будут представлять собой «новое небо и новая земля». Наиболее последователен здесь буддизм, видящий возможность избавления от страданий только в полном слиянии индивидуальной души с духом, в переходе в состояние нирваны. Но люди, стремящиеся навести порядок здесь на Земле, не примут отрицания самоценности земной жизни и неотвратимость апокалипсиса.

Светские мировоззрения антропоцентричны и прагматичны, т.е. полагаются только на разум и волю человека, обустроивающего свою жизнь в соответствии со своими интересами, не заботясь особо о «лирике» сопричастности к духовному единству бытия. Либеральное мировоззрение ставит в центр отдельную личность, стремящуюся к максимальному самовыра-

жению и самоутверждению, надеясь, что «борьбу всех против всех» в «свободной конкуренции» как-то отрегулирует следование юридической законности и рыночная саморегуляция. Ориентируясь на максимальную прибыль, престижное потребление и волю к власти, это мировоззрение ведет мир к глобальной – экологической и военной – катастрофе. Тоталитарное мировоззрение, напротив, поднимает на абсолютную высоту общество (нацию, народ), отрицая самоценность индивидуальности. В его основе лежат идеи социал-дарвинизма, якобы неизбежной борьбы между людьми, в которой побеждают сильнейшая раса или нация. Оно может сплотить общество в ситуации «мобилизационного режима», но подавление свободы личности чревато взрывом, а лживость «спланирующей» идеологии рано или поздно саморазоблачается.

Говоря о коммунистическом мировоззрении, следует различать его суть и различные искажения как в теории, так и на практике. Попытки отождествить его с мировоззрением тоталитарным несостоятельны, если иметь в виду его подлинную специфику. Образно говоря, я всегда был за коммунизм по И. Ефремову, а не по Н. Хрущеву или Л. Брежневу. Либеральное и тоталитарное мировоззрения проповедают свободу зла, т.е. эгоцентрического противопоставления какого-то субъекта миру и другим субъектам. Либералы делают эгоцентрическим центром «свободную личность», надеясь, что утилитарные соображения и юридическое право способны обуздать исходный эгоизм. Фашисты уже безоговорочно воспевают силу зла, противопоставляя избранную общность и свободу личности и всем другим общностям. В коммунистическом мировоззрении, бесспорно, присутствует начало свободы добра, поскольку оно ориентирует на единство человечества, равноправие людей и образ жизни, основанный не на конкуренции, но на созидательном творчестве.

Однако это мировоззрение, тесно связанное с марксизмом, впитало в себя и его ограниченность, которая проявляется в следующем:

– нельзя выводить все характеристики жизни общества, включая его недостатки общества, только из экономического базиса;

– утопично надеяться, что, ликвидировав частную собственность, удастся покончить с отчуждением и человеческим неравенством;

– невозможно «сформировать нового человека», уповая лишь на изменение внешней социальной среды и сознательные воспитательные воздействия и забывая о том, что помимо социализации человек есть производное природных предпосылок, саморазвития его души (экзистенции) и связи с духовной основой бытия (трансценденцией);

– коммунистическое мировоззрение, будучи продуктом определенной эпохи и культуры, осталось в рамках антропоцентризма, рассматривая природу лишь как средство для самореализации человека, что не позволяет дать адекватный ответ на Вызов глобальной экологической проблемы современности.

С моей точки зрения мировоззрение, способное дать стратегические ответы на вызовы современности, должно снять в себе положительные моменты предшествующих мировоззрений: включение духовного измерения мирового и человеческого бытия (религиозное мировоззрение), но без отрицания самоценности субъективной и объективной реальности; признание самоценности индивидуальности (либеральное мировоззрение), но без противопоставления ее самоценности целого; признание самоценности целостности общности (тоталитарное мировоззрение), но без противопоставления ее самоценности индивидуальности и других общностей; указанные выше положительные черты коммунистического мировоз-

зрения, которые в значительной степени призваны стать основой мировоззрения пост-новой эры.

Избежать эклектики при такой постановке задачи, можно только опираясь на определенное философское основание. Искомое мировоззрение я называю ноосферным, а его философским основанием является философия развивающейся гармонии или антропокосмизма. Рискну заявить, что если брать исходные интенции, основной замысел, то ноосферное мировоззрение это коммунистическое мировоззрение сегодня.

Следование иным мировоззрениям ведет к глобальной катастрофе или пассивному ожиданию апокалипсиса. Техническая мощь человечества вкупе с установкой на максимальную эксплуатацию природы и друг друга, на ничем неограниченное потребление, разрушающее и окружающую среду и самого человека, делает экологическую и военную глобальные проблемы современности неразрешимыми. Религиозное мировоззрение выступает против такой самоубийственной позиции, но не предлагает радикальной положительной программы. Коммунистическое мировоззрение признавало возможность и необходимость такой программы, но его программа в силу отмеченных выше ограничений приводила к неизбежным искажениям в процессе реализации. Неудача социалистического эксперимента должна ориентировать не на отказ от движения в данном направлении, но на совершенствование мировоззренческой программы.

(Продолжение следует)

1. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 13. С. 6.

2. Сагатовский, В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения) в 3-х частях [Текст] / В.Н. Сагатовский. – Ч. 3: Антропология. – СПб., 1999; Сагатовский, В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении [Текст] / В.Н. Сагатовский. – СПб., 2004.

3. Сагатовский, В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основания мировоззрения) в 3-х частях [Текст] / В.Н. Сагатовский. – Ч. 2: Онтология. – СПб., 1999; Сагатовский, В.Н. Бытие идеального [Текст] / В.Н. Сагатовский. – СПб., 2003; Сагатовский, В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении [Текст] / В.Н. Сагатовский. – СПб., 2004; Сагатовский, В.Н. Триада бытия (введение в неметафизическую коррелятивную онтологию) [Текст] / В.Н. Сагатовский. – СПб., 2006.

4. <http://vasagatovskij.narod.ru>.

5. Сагатовский, В.Н. Заключение: мировоззрение для XXI столетия? [Текст] / В.Н. Сагатовский/ Философия развивающейся гармонии (Философские основы мировоззрения). – Ч. 3: Антропология. – СПб., 1999.

6. Сагатовский, В.Н. Есть ли выход у человечества (критика образа жизни)? [Текст] / В.Н. Сагатовский. – СПб., 2000.

РЕГИОНАЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

УДК 316

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ

Понятие региона на этимологическом и словарном уровнях связано в первую очередь с географическими, экономическими и политическими коннотациями. В академическом словаре русского языка регион определяется как «обширный район, соответствующий нескольким областям страны или нескольким странам, объединенным экономико-географическими и другими особенностями» [5, с. 694].

Научный интерес к изучению региона сформировался достаточно давно. Так, особое направление в экономической науке, широко известное в мире как «региональная экономика», возникло в США в 1950-е гг. В нашей стране оно утвердилось с начала 1960-х гг. Целью этого направления стала разработка теоретических основ рационального размещения предприятий и отраслей, формирования ареалов сбыта продукции, организации пространства урбанизированных территорий, а также соответствующих практических рекомендаций.

Понятие «регион» широко используется в международной практике. Немало способствовали этому социальные и политические процессы в Европе, имеющие место в связи с объединительными тенденциями на континенте. Европейский парламент принял в 1988 г. Хартию регионализма, в которой дается понятие региона (в связи с имеющей место европейской региональной практикой), под которым подразумевается «гомогенное пространство, имеющее физико-географическую, этническую, культурную, языковую общность, а также общность хозяйственных структур и общность исторической судьбы» [8, Р. 43-44].

Соотношение понятий «регион» и «социальное пространство»

Сразу же хотелось бы обратить внимание на основные составляющие понятия «регион», которые даются в приведенном определении и на которых в дальнейшем мы специально остановимся. Это пространство

(для нас – социальное пространство) и общность (для нас – социальные общности). Нам представляется чрезвычайно важным в методологическом плане рассматривать регион именно через пространственные и общностные составляющие. Правда, наша трактовка этих характеристик заметно отличается от предложенных в европейской Хартии регионализма, что следует уже из приведенных уточнений терминов. Но об этом – чуть позже.

На европейском континенте прочно утвердилось понятие «Европа регионов». По всей видимости, этот термин принадлежит бывшему французскому президенту Валери Жискарю д'Эстену, который в свое время прогнозировал приход на смену «Европе государств» «Европы регионов». Многие современные политики и исследователи вполне согласны с этим прогнозом, хотя и осознают немалые трудности в его реализации.

В 1990 – 2000-е годы, в связи со значительным расширением Европейского союза и включением в него большой группы стран Восточной и Юго-Восточной Европы, это понятие приобретает новые очертания, поскольку региональные различия становятся очень значительными и часто превосходят региональные сходства. Собственно говоря, сам Европейский союз является одним из наиболее интересных примеров региональных объединений, базирующихся на социальной солидарности социокультурных и национально-этнических сообществ. Его можно рассматривать как новое межрегиональное или даже надрегиональное сообщество, по существу как новый тип социальной общности. Об этом подробнее специально будет сказано дальше.

В этом смысле социальная солидарность может выступать значимым фактором не только эффективного функционирования социальных общностей в регионе, но и формирования новых межрегиональных сообществ, создающих межрегиональное или даже надрегиональное социальное

пространство. Выше мы уже говорили о появлении «Европы регионов», которая базируется на солидарности стран, входящих в Европейский Союз. Конечно, социальная солидарность этих стран не является пока достаточно сформировавшейся, но она основана и на новом разделении общественного труда, и на иных экономических, политических и культурных реалиях, сближающих эти страны и позволяющих открывать границы между ними, создавать общую финансовую систему, вводить единую валюту. Другими словами, эта социальная солидарность находится сегодня на уровне государств и правительств, политика которых, в свою очередь, должна учитывать общественные настроения и общественное мнение в отдельных европейских странах.

Можно ли называть субъектами складывающейся новой социальной общности (может быть, точнее, сообщества) европейцев? По всей видимости, в чем-то да, в чем-то нет. Конечно, сохраняют свое господствующее значение национально-этническая и конкретно-государственная принадлежность людей, поэтому социальные (национально-этнические) общности французов, немцев, итальянцев и др. являются определяющими в системе современного европейского общества. Но если оно со временем будет приобретать все больше объединительных признаков, а различия станут меньше, чем общие характеристики, может появиться реальная возможность появления новой социальной общности – европейцев.

Однако в ее основе обнаружится, по всей видимости, новый, более высокий уровень социальной солидарности – уже не только государств и правительств, политических партий и общественных движений, но и значительной части населения европейских стран. Пока же оно весьма неохотно реагирует на призывы к сближению и созданию межрегиональных сообществ, причем даже там, где, казалось бы, налицо имеются благоприятные предпосылки для этого. Один из примеров – скандинавские страны, население которых плохо поддерживает идею сближения их друг с другом в рамках межрегионального (тем более, надрегионального) сообщества.

Проблема региона и регионального социального пространства на международном уровне получила свою конкретизацию в связи с распространением концепции глобализации. В отдельных работах

даже ставится вопрос о соотношении глобализации и регионализации как своего рода антиподов, выражающих противоположные тенденции международного развития, – центристские и центробежные. Есть и еще один международный аспект регионализации, сводящийся к предельно широкой трактовке понятия «регион», объединяющей большие группы стран (северо-американский регион, регион Юго-Восточной Азии и т.д.).

Как видно из сказанного, проблема социального пространства региона выходит далеко за его пределы и позволяет ставить новые для социологии вопросы, касающиеся складывания межрегионального и надрегионального пространства, появления ранее не существовавших социальных общностей (сообществ), формирующихся в его границах и, что особенно важно, принципа социальной солидарности, лежащего в основе этих процессов, – принципа, без реализации которого последние не могут быть успешными.

Тем не менее основное внимание далее мы уделим социологическому анализу региона, его социального пространства в условиях нашей страны. Для этого рассмотрим, прежде всего, вопрос о том, какое социологическое содержание вкладывается в понятие «регион».

Вначале приведем две точки зрения на этот счет, высказанные в последнее время. Н.И. Лапин считает, что «в общетеоретическом смысле регион – это исторически сложившееся социокультурное сообщество, в котором первичные поселенческие общности и индивиды, создающие свои жизненные миры, непосредственно взаимодействуют со структурами большого общества – социальными институтами, организациями» [3, с. 29]. Автор предложенного определения рассматривает регион как сообщество, находящееся между обществом как социетальной системой и поселениями как первичными территориальными общностями, т.е. занимающее некий мезоуровень. При этом он выделяет три базовые сферы жизнедеятельности региона: антропокультурную, социоэкономическую и институционно-регулятивную.

Еще одна важная особенность региона, которую рассматривает Н.И. Лапин (вслед за американским социологом Дж. Коулменом): он характеризует его как асимметричное территориальное сообщество, что проявляется в доминировании

макросоциальных структур над первичными общностями. Далее мы коснемся этой особенности в ходе анализа очень важной и больной проблемы российского общества, формулируемой как неравноправное соотношение центра и регионов.

Вторая точка зрения на регион принадлежит Р.Х. Симоняну, который пишет: «Для социологии регион выступает не только как форма территориальной организации социальной структуры общества, но и как локализованная совокупность социокультурных общностей и процессов в их развитии и воспроизводстве социальной жизни, сохранении и укреплении территориальной идентичности на основе органичного взаимодействия глобальных и локальных тенденций» [4, с. 57].

Из двух приведенных выше позиций следует, что можно говорить о нескольких основных характеристиках региона: его территориальной организации, имеющейся совокупности социальных (социокультурных) общностей, создании ими своих жизненных миров, воспроизводстве территориальной идентичности региона, превращении его в асимметричное территориальное сообщество, взаимодействии в нем глобальных и локальных тенденций. Мы бы сюда обязательно добавили в качестве основной социологической составляющей еще и социальное пространство региона.

Как видно, все эти характеристики имеют объективный характер. Однако представляется целесообразным усилить или, точнее говоря, расширить социологическое содержание понятия «регион» за счет выявления и некоторых аспектов субъективного плана. Это целесообразно сделать вследствие того, что социальные общности, взаимодействующие в рамках региона, отличаются рядом субъективных характеристик их деятельности. Среди них мы бы выделили в качестве центральной идентификацию (самоидентификацию) социальных общностей с регионом. Когда жители области (города) определяют себя как представителей определенного региона (мы – екатеринбуржцы, мы – жители Свердловской области), то они тем самым прибегают к региональной самоидентификации. Определенным обобщением такой идентификации является понятие «земляки» (уроженцы одной с кем-либо местности).

Рассматривая понятие «регион» с социологической точки зрения, отметим,

что оно является достаточно динамичным вследствие и объективных, и субъективных причин. Объективные причины динамичности этого понятия вряд ли требуют специальных доказательств. Они вполне очевидны и обусловлены реальными процессами трансформации регионов. Одни из них развиваются, другие теряют свое значение, одни расширяются, другие – наоборот, «скукоживаются».

Однако анализ социальных преобразований, происходивших в нашей стране в последние два десятилетия, убеждает в том, что понятие «регион» может изменяться не только в результате таких объективных процессов в обществе. В некоторых наших прежних работах мы уже отмечали это обстоятельство, фиксируя внимание, прежде всего, на субъективных моментах, связанными с политическими стремлениями руководства страны изменить понятие регионов, а вслед за этим – содержание и структуру многих из них [2].

Так, раньше (до 1990-х гг.) регион традиционно трактовался как определенная часть страны, отличающаяся от других ее частей некоторой совокупностью относительно устойчивых естественных (природных) и экономико-географических связей и особенностей, нередко сочетающихся со спецификой национального состава населения. Существовали четко выраженные экономические регионы, а научная дисциплина «региональная экономика» фиксировала наличие 12 таковых в Российской Федерации (Центр, Поволжье, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток и т.д.). Начиная с 1990-х гг., понятие региона существенно изменилось и стало обладать больше политическими, нежели социально-экономическими характеристиками. К регионам стали относить республики, края, области, округа, называемые чаще всего субъектами Федерации. Среди них были крупные (многомиллионные) и очень маленькие (несколько десятков тысяч) по числу жителей. В максимуме их насчитывалось 89, сейчас же число субъектов Федерации сократилось (за счет присоединения небольших округов к краям и областям). Процесс укрупнения, видимо, будет происходить и дальше.

В постсоветский период было заметно определенное стремление некоторых новых регионов (субъектов Федерации)

и их властных структур к усилению самостоятельности, автономии, к тому, чтобы стать у себя полными хозяевами. Со временем это вызвало несогласие кремлевской администрации и, как результат, ее действия, направленные на усиление вертикали власти. С этой целью (хотя, вероятно, были и другие соображения) на территории России было создано 7 федеральных округов. С их появлением понятие регионов претерпевает дальнейшую трансформацию с неясно выраженными экономическими и социально-политическими последствиями, особенно в условиях переходов многих областей и республик из традиционных для них в прошлом регионов в другие, с необходимостью создания новых экономических и иных связей и отношений и неизбежной при этом утратой уже сложившихся взаимодействий.

Ряд исследователей не без оснований усмотрел в этом переделе регионального социального пространства определенные политические намерения кремлевской администрации, связанные с тем, чтобы не давать усиливаться местной региональной политической элите, а наоборот, ослабить ее традиционные связи. Один из примеров такого передела – разрушение «старого», традиционного социального пространства Уральского региона с его прочно сложившимися экономическими, торговыми, культурными и иными «полями» и связями и попытка создания нового социального пространства – Уральского федерального округа.

По нашему мнению, еще никто не сумел доказать экономическую, социальную и иную эффективность такого передела регионального социального пространства. Зато вред этой акции изначально оказался заметным для всех. Так, политическое поле социального пространства характеризуемого нами региона – Урала – оказалось под очень сильным напряжением, ставшим результатом противоборства традиционных и новых управленческих структур. Это напряжение существует и сегодня, хотя перешло из области прямых и жестких конфликтов в сферу скрытой неприязни между упомянутыми структурами. Но если кто-то думает, что дело в персоналиях – губернаторах и руководителях федерального округа, то это ошибочное мнение. По всей видимости, порочна сама идея – искусственной надстройки над сложившимся

социальным пространством региона еще одного, более широкого регионального поля, которое объективно, в силу природы и заложенных функций, всегда будет выступать антиподом этого пространства и никогда не войдет в него органически.

Опыт создания федеральных округов с точки зрения теории регионов и регионального социального пространства показывает необходимость осознания критериев и границ его эффективности. Излишнее искусственное расширение региона не демонстрирует успешных результатов в управлении им. Зато материальный ущерб, нанесенный созданием федеральных округов, вполне нагляден, поскольку потребовались серьезные затраты на создание громадного количества управленческих мест, материально-технической базы для деятельности соответствующих кадров и т.д. Вместо появления новых эффективных рабочих мест возникло большое количество новых чиновничьих мест с несущественными зарплатами, командировочными фондами и т.д.

Главное же состоит в том, что ответственность за процессы, происходящие в республиках, краях, областях, округах, по-прежнему несет их непосредственное руководство, и она никак не делится между ним и руководством федеральных округов. Нам представляется, что ликвидация этой ненужной надрегиональной надстройки не только не ухудшила бы, а заметно улучшила ситуацию на местах. По крайней мере, была бы сэкономлена значительная часть времени, которая расходуется чиновниками на составление громадного количества бумаг по требованию федерального окружного руководства. Нелишними для бюджета страны оказались бы и сэкономленные деньги.

В связи с процессами, происходящими в нашей стране в последние два десятилетия (с точки зрения развития регионов и их взаимоотношений с федеральным центром) и носящими то центробежный, то центростремительный характер, активизировался интерес к региону и в постсоветской отечественной социологической науке, что нашло отражение в конституировании ее особой отрасли – социологии региона. Предпосылки ее появления были созданы в доперестроечный период, они были связаны с усиливающимся вниманием социологов к исследованиям социальных процессов, имеющих местный, ло-

кальный характер и свойственных данной территории, городу, области. Именно эти исследования, их тематика, актуальность, количество и качество формировали определенный имидж социологии и ее отдельных представителей в конкретных регионах. Многие из исследований проводились по заказу и при поддержке региональных властных структур, становились достоянием общественного сознания (в том числе благодаря деятельности СМИ) и способствовали становлению «публичной социологии» (термин, предложенный американским социологом М. Буравым в последние годы и прочно вошедший в социологический лексикон).

Сразу отметим, что часто используемый в литературе термин «региональная социология» (по аналогии с региональной экономикой) является, мягко говоря, неточным, поскольку позволяет допустить наличие какой-то особой, присущей только регионам, социологической науки. Но такой, как известно, не существует. Социология – единая и неделимая наука, и в регионе она ничем не отличается от «столичной». Специфика названной выше отрасли состоит в том, что ее предметное поле составляет исследование конкретных, характерных именно для данного региона общественных процессов и взаимодействий социальных общностей непосредственно в его социальном пространстве.

Для социологии имеет определенный научный и практический смысл включение ее конкретной отрасли – социологии региона в трехуровневую парадигму социологического исследования (макро-, мезо-, микросоциология) и выявление ее места в ней. Если в рамках макросоциологии изучается общество в целом как социетальное образование (предельно широкие проблемы, характерные для всего мирового сообщества и страны), а микросоциологию волнуют межличностные и внутриобщностные (групповые и внутригрупповые) проблемы и процессы, то мезосоциологический уровень предполагает интерес к исследованию социальных проблем промежуточного характера, конкретным проявлением которого (уровня) и является социология региона.

Это означает, что в предметном поле социологии региона происходит пересечение и взаимопроникновение двух уровней процессов и проблем – социетальных

и социальных, глобальных и локальных, общих и особенных. Другими словами, социология региона представляет мезоуровень социологических исследований, в рамках которого определенным образом сочетаются их макро- и микроуровни.

С методологической точки зрения представляет интерес еще одно суждение, касающееся социологии региона. Речь идет о характере социологической теории, которая разрабатывается в данной отрасли. Если исходить из трехуровневой структуры социологических теорий (общая, или большая социологическая теория; микротеория, или эмпирическая теория по Штомпке; специальная социологическая теория, или теория среднего уровня по Мертону), то для социологии региона наиболее характерной окажется теория среднего уровня, или специальная социологическая теория.

Говоря о разработке специальной социологической теории в рамках социологии региона, следует отметить, что осуществить ее без осмысления регионального социального пространства невозможно. Это понятие несет в себе две принципиальные характеристики региона: его территориальный, физический, географический аспект и взаимодействие социальных общностей. Пространство региона в социологическом плане представляет собой, прежде всего, определенный социум, обладающий сложной структурой, включающей в себя целый ряд элементов экономического (хозяйственного), политического, социокультурного, национально-этнического, языкового, религиозного и иного плана.

Для трактовки социального пространства региона существенное значение приобретает использование концепции социального пространства французского социолога П. Бурдьё. У него социальное пространство выступает изначально как абстрактное пространство. Конкретным оно становится тогда, когда конституируется ансамблем подпространств или социальных полей. Социальное пространство включает в себя социальные поля, выступающие как системы объективных связей между различными позициями (например, государство, церковь, политические партии, система образования и т.д.). П. Бурдьё выделяет самые различные социальные поля: экономическое, политическое, рели-

гиозное и др. Эти поля представляют собой структурированные пространства позиций, определяющих основные свойства самих полей. Особое значение придается полю экономического производства [1].

Приведенные суждения вполне удачно могут быть применены к характеристике регионального социального пространства, которое целесообразно рассматривать как единство экономического, политического, социального, культурного, образовательного, религиозного и иных подпространств. Целостность и единство регионального социального пространства обеспечивается за счет связей и взаимодействий между этими подпространствами (полями). Еще один важный признак (помимо целостности и единства) – непрерывность каждого из них, достигаемая за счет, во-первых, территориальной всеохватности, повсеместной распространенности любого из подпространств, во-вторых, включенности в него всех социальных общностей, населения региона в целом.

Так, непрерывность регионального образовательного пространства (образовательного поля) означает наличие системы образовательных учреждений разных уровней, их доступность (как территориальная, так и социальная) для самых различных социальных общностей, возможность перехода каждого жителя региона от одного образовательного уровня к другому, более высокому, создание возможностей для развития самообразования всем, кто к нему стремится.

По всей видимости, имеет смысл говорить и о полях социальных общностей в структуре регионального социального пространства, что было бы в духе концепции П. Бурдьё. Ведь социальные общности реально выступают как системы объективных связей между различными позициями, которые они занимают в обществе (профессиональные, национально-этнические, образовательные, производственные и иные общности). Из этих полей также «складывается» определенный «вектор» или «ракурс» социального пространства региона.

В связи с приведенными рассуждениями имеет смысл ставить вопрос о наличии скрытого регионального социального пространства как искусственно конструируемой социальной реальности, не совпадающей с наблюдаемой нами в повседневной, обыденной жизни. Можно считать, что создание такой разновиднос-

ти социального пространства в регионе – это латентная, не наблюдаемая функция социальных общностей. Особенно характерна она для общностей, находящихся у власти, поскольку выступает в качестве механизма манипулирования общественным сознанием.

Властные структуры в регионе в результате своей деятельности создают некие иллюзорные и в то же время скрытые от повседневного видения модели социального пространства, которыми они стремятся искусственно отгородиться от широких, массовых социальных общностей, создавая у них потребности в тех или иных видах демонстративного поведения – как политического, так экономического и культурного. При этом социальное пространство общностей, находящихся у власти, представляет собой «полупрозрачное» стекло, с помощью которого они дистанцируются от социального пространства большинства иных социальных общностей. «Полупрозрачное» – потому, с той целью, чтобы создавалась некоторая видимость узнавания для последних.

Регион как взаимодействие социальных общностей

Основными субъектами регионального социального пространства, как мы стремимся доказать, являются самые разные социальные общности, взаимодействующие в нем. Именно они придают этому пространству определенный облик. Так, когда мы говорим, к примеру, «сильный регион» (часто он отождествляется в нашем социально-политическом лексиконе с термином «регион-донор», в отличие от слабого региона, в этом же терминологическом ряду называемом «дотационным» или «депрессивным»), то имеем в виду хорошо освоенное его пространство, за которым стоит успешная деятельность многих социальных общностей как традиционных, так и новых для нашего общества. При этом подразумеваются как их достижения в основных сферах жизни общества, в первую очередь, производственной, так и высокий уровень социального благополучия и социального самочувствия, возможность удовлетворения основных потребностей социальных общностей в рамках именно данного региона, а не за его пределами.

В этой связи имеет смысл постановка проблемы изучения социально-психологического климата в регионе (в отличие от

традиционной в прошлом для социологии проблемы социально-психологического климата коллектива). Ее исследование представляется весьма актуальным в рамках социологии региона. Одним из аспектов этой проблемы могло бы стать выявление общих социально-психологических черт, присущих представителям социальных общностей того или иного регионального социума.

В связи с рассмотрением регионального социального пространства, характеризующегося взаимодействием в нем определенных социальных общностей, хотелось бы отметить наличие в литературе точки зрения, в которой социальное пространство региона сводится к социокультурному, а социальные общности – к социокультурным [4]. По нашему мнению, это ограничивающая, суживающая трактовка понятий социального пространства и социальных общностей. Ведь, наряду с социокультурным пространством, мы можем говорить о политическом, экономическом, национально-этническом, языковом и ином пространстве региона, а социокультурные общности не в состоянии заменить большого количества иных социальных общностей – профессиональных, семейных, религиозных, национально-этнических и других (их перечень занял бы немало места).

Поскольку речь далее пойдет о социальных общностях и общностнообразующих признаках, считаем необходимым предложить наш вариант их обобщающей, собирательной характеристики. Под социальной общностью будем понимать один из основных типов социальной системы, выступающей в качестве реально существующей, эмпирически фиксируемой, относительно единой и самостоятельной совокупности (взаимосвязи) людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям. Социальные общности характеризуются рядом образующих их признаков: относительной целостностью, осознанием людьми своей принадлежности к ним (идентификацией и самоидентификацией), схожими условиями жизни и деятельности, наличием определенных пространственно-временных полей бытия, реализацией функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов.

Особое значение приобретает анализ социальных общностей с точки зрения выявления у них тех общностнообразующих признаков, которые важны, прежде всего, в границах социального пространства региона. Здесь в первую очередь мы бы обратили внимание на такие признаки, как обладание социальными общностями ресурсами – экономическими, социальными, политическими, культурными, символическими, наличие социальной солидарности между общностями и внутри них, существование схожих ценностей, интересов, установок как основы устойчивых форм совместной жизни и взаимодействия в регионе, осознание социальными общностями своей региональной идентичности, принятие и соблюдение социальными общностями традиций, правил, норм, образцов поведения в регионе.

Каждая из этих характеристик социальной общности в условиях регионального социального пространства может быть учтена и социологически измерена, хотя и не без методологических и методических трудностей. Но для этого нужно вначале четко представлять себе тот «набор» (совокупность) социальных общностей, который присущ данному конкретному региону и имеет для него принципиальное значение.

В указанном отношении регионы могут отличаться друг от друга, порой весьма значительно. На эти отличия влияют самые разные факторы: природные, климатические, существующие месторождения полезных ископаемых, возможности заниматься эффективным сельским хозяйством, транспортные (железнодорожные, воздушные, автомобильные), торговые и иные сети, наличие крупных городов, развитие образования, здравоохранения, культуры и др. Существенную роль играют демографические различия (рождаемость, смертность, возрастные пропорции, когда в одних регионах молодежи значительно больше, чем в других и др.).

Так, при выявлении и анализе «набора» (совокупности) социальных общностей должно быть учтено содержание и состояние производительных сил в регионе, от которых зависят взаимодействующие профессиональные общности. К общностям, располагающими аллокативными (по Гидденсу), производственными ресурсами и характеризующимся экономическим (по Бурдье) капиталом, могут быть отнесены

общности бизнесменов. В этом же смысловом ряду целесообразно рассматривать общности мигрантов. Начатый таким образом анализ может получить значительное расширение и коснуться всех видов ресурсов (капитала) с точки зрения владения ими и их использования в границах регионального социального пространства.

Говоря о ресурсах как обязательной характеристике социальной общности, необходимо отметить динамизм этого признака. Общность может приобретать ресурсы, но, вместе с тем, способна и терять их. В первом случае имеет смысл рассматривать ресурсные приобретения социальной общности, во втором – ее ресурсные потери. Поскольку общность, как говорилось выше, может владеть различными группами ресурсов (например, капитала), постольку вполне вероятны ситуации ресурсных приобретений в одном их виде и потерь – в другом. К примеру, социальные общности протестного характера в сфере производства (например, забастовочные движения) на определенном этапе своей деятельности теряют экономические ресурсы (экономический капитал), но зато приобретают социальные ресурсы (социальный капитал).

Усиление социальной общности, укрепление ее позиций, расширение границ действия, включение в нее все новых и новых членов означает на самом деле увеличение и оптимизацию ее ресурсной базы. Наоборот, ослабление социальной общности, расшатывание ее позиций, уход какой-то части членов из нее сопряжен с соответствующими негативными процессами, касающимися ресурсной основы. Следует также иметь в виду, что ресурс социальной общности – это и ресурс ее идентичности: региональной, семейной, государственной, этнической, культурной, профессиональной, образовательной и т.д.

Рассуждая о ресурсах социальной общности, мы обнаруживаем еще один общностнообразующий признак, тесно с ними связанный. Речь идет о ценностях социальной общности, которые могут рассматриваться в качестве одного из ее главных ресурсов. Ценности составляют основу социальной общности и являются наиболее притягательной силой для ее членов. Интегративная функция социальной общности реализуется именно благодаря наличию такого ценностного ресурса.

Наличие общих или близких ценностей у членов социальной общности в качестве ее ресурса позволяет ставить вопрос о том, что именно на их основе возникает социальная солидарность, без которой осмысление сущности, процесса формирования и функционирования социальной общности вряд ли возможно. Стало быть, есть достаточные предпосылки рассматривать социальную солидарность как еще один общностнообразующий признак.

Под солидарностью будем понимать единство убеждений и действий, взаимопомощь и поддержку членов социальной общности, основывающиеся на сходстве ценностей, целей и интересов ее членов. Солидарность может выступать также как поддержка ими действий или мнений других членов общности либо как сочувствие им. Отсутствие солидарности внутри социальной общности в значительной мере ослабляет ее.

Социальная солидарность, формируясь на основе различных ценностей, выступает в определенных обстоятельствах важным фактором идентификации членов социальной общности. В случае, интересующем нас, мы можем говорить о солидарности тех или иных общностей с ценностями регионального характера. Такими ценностями могут выступать достижения в области культуры, науки, спорта и др. К примеру, наличие в регионе имеющих российскую, тем более, международную известность спортивных команд формирует чувство гордости у многих социальных общностей (не говоря уже о болельщиках) за свой регион.

Большую роль в формировании и функционировании социальных общностей в регионе имеет соблюдение традиций, обычаев, образцов поведения, сложившихся в нем. По существу речь идет об определенной субкультуре региона, вне которой представить себе в полной мере взаимодействие социальных общностей в нем трудно. Эта субкультура включает в себя региональные праздники, фестивали, спортивные соревнования и др. Они становятся традиционными, органично включаются в жизнь региона, представители самых различных социальных общностей их ждут, к ним готовятся, осуществляют значительную деятельность по их организации, стремятся к тому, чтобы год от года они становились все более интересными, разнообразными, привлекали внимание самых широких слоев населения.

Говоря о взаимодействиях социальных общностей в региональном социальном пространстве, необходимо коснуться вопроса об особой их разновидности – виртуальных общностях. Ясно, что границы этого взаимодействия выходят далеко за пределы региона, причем настолько далеко, насколько позволяет это сделать Интернет. Региональная локализация взаимодействия социальных общностей заменяется виртуальным пространством, в котором их социальное «соприкосновение» приобретает совершенно иной характер. Но в любом случае в этом соприкосновении в качестве центра притяжения интересов и мнений, так или иначе, будут присутствовать региональные проблемы, потому что люди в виртуальном пространстве только разговаривают, общаются, обсуждают различные вопросы, а реально живут (спят, едят, одеваются, воспитывают детей и т.д.) в повседневном, обыденном пространстве собственного региона. И именно ситуация, существующая в нем, накладывает печать на социальное самочувствие тех или иных общностей. Еще П. Сорокин в своей «Системе социологии» (1921) писал: «Из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов» [6, с. 210].

Выше уже отмечалось, что регионы в стране весьма заметно отличаются друг от друга по многим параметрам повседневной жизни (состоянию производства и потребления, уровню заработной платы, развитию систем образования и здравоохранения, социальной защищенности различных категорий населения, нуждающихся в ней и т.д.), что становится предметом активного обсуждения как в реальном, так и в виртуальном пространстве. Эта ситуация приводит к постановке проблемы социального неравенства регионов и поиска путей его ослабления (ставить вопрос о его преодолении сегодня просто нереалистично). Важность проблемы возрастает в связи с тем, что социальное неравенство регионов усиливает социальное неравенство в обществе в целом.

В последние годы в отечественной социологической литературе постоянно обсуждается вопрос об усилении поляризации социальных слоев в российском обществе, которая в полной мере отвечает известному клише «бедные становят-

ся беднее, богатые – богаче». На первый взгляд, напрашивается применение этого клише и в отношении регионов, когда так и хочется сказать: богатые регионы (регионы-доноры) становятся богаче, а бедные, дотационные, депрессивные регионы становятся беднее. Действительно, надежды на то, что численность депрессивных регионов будет неуклонно снижаться, пока не оправдываются. Соответственно не возрастает в целом количество регионов-доноров (а именно этот показатель является одним из основных, характеризующих успешность процесса преодоления социального неравенства среди регионов).

Однако, по нашему мнению, на самом деле имеет место совершенно иное положение дел, когда нет значительного улучшения ситуации не только в бедных, но и в богатых регионах. Причина этого – в решении проблемы «центр – регионы», наносящем явно выраженный ущерб последним. Причем этот ущерб имеет как экономический и социальный, так и политический характер. Когда 66% налогов, собираемых в регионах, поступает в центр (вместо еще недавно 44%), ожидать эффективного экономического и, тем более, социального развития даже в богатых регионах не приходится. Дрейф государственного устройства от федеративного в сторону унитарного, усиление центра по всем направлениям жизни общества, полная зависимость от него регионов, отмена выборов руководителей регионов и участия в этом процессе населения и т.д. означает по существу ограничение регионального социального пространства и деятельности социальных общностей, возможности волеизъявления которых все более и более суживаются.

Необходим новый импульс для саморазвития регионов. Он, по нашему мнению, лежит на пути решения, в первую очередь, политических проблем, демократизации политических процессов как в центре, так и в регионах, реального (а не декларируемого) создания институтов гражданского общества, которые могли бы без помех со стороны государства (носящего сегодня явно выраженный авторитарный характер и подавляющего деятельность этих институтов) реализовывать стремления самых широких слоев населения к свободному волеизъявлению.

Социологи не могут стоять в стороне от участия в решении региональных

проблем. Нам видятся два аспекта их деятельности. Первый – это возвращение к проведению полномасштабных социологических исследований в регионах по волнующей их проблематике. При этом не следует говорить о повторении тех, что проводились в 1970 – 1980-е гг. Хотелось бы быть правильно понятым: у нас нет ностальгии по тем временам. Возвращаться к цензуре и несвободе в науке – что может быть хуже? Социология с тех пор шагнула вперед, в нашей стране – далеко вперед и в методологическом, и в методическом отношении. Да и проблемы стали другими.

Но нельзя сводить конкретные исследования в социологии к массовым опросам общероссийского масштаба, гегемония которых сегодня является бесспорной. Мы согласны с О.Н. Яницким, который считает, что «массовые опросы недостаточны, нужно идти вглубь региональных и местных проблем и стоящих за ними сил» [7, с. 26].

Вопрос в том, чтобы найти заинтересованных лиц, обладающих необходимыми ресурсами для проведения такого рода исследований и стремящихся к получению объективной и достоверной информации. Для социологов в регионе эта проблема является наиболее сложной и трудно решаемой. По существу социология в регионе проходит сегодня испытание на выживаемость. На этом экзамене социологам предстоит найти ответ на три связанных друг с другом вопроса: 1. Кого заинтересовать исследованиями региональных проблем? 2. Как заинтересовать ими? 3. Какими должны быть эти проблемы, чтобы вызвать интерес к ним? Порядок ответов может быть разным, но в любом случае нельзя будет пройти мимо хотя бы одного из сформулированных вопросов.

Сказанное выше касается лишь первого аспекта деятельности социологов в регионе. С ним связан и второй аспект, который мы определили бы как практический или, если угодно, поведенческий. Он, в известной мере, противостоит точке зрения о том, что основная функция социологии – быть «зеркалом общества», отражать в массовых опросах состояние сознания больших групп людей, выводя его усредненные показатели («средняя температура по больнице»), вооружать этим данными власть и бизнес имущих, наивно полагая, что на основании использования полученных социологами результатов они будут действовать более эффективно в интересах общества.

Здесь важно понять, что сегодня нужны не только исследования, но и реальные действия их авторов. Отсюда следует, что второй, поведенческий аспект их деятельности выступает как «каждодневная, длительная и упорная работа социолога с лидерами и активистами любого социального движения прежде всего с целью понять их, вникнуть в строй их мыслей, а затем помочь им грамотно выразить свои требования, овладеть навыками общественной жизни, быть публичными фигурами, просчитывать возможности и ресурсы – свои и противостоящих сил» [7, с. 24]. Это и есть так нужная сегодня нам всем работа в направлении создания социологии гражданского общества.

Ее не следует противопоставлять исследовательской, равно как и публичной социологии. Наоборот, должны быть предприняты совместные усилия всеми теми представителями социологической науки и практики, которые ощущают свою ответственность за реальную (а не декларируемую) модернизацию общества и его демократическое развитие.

1. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики [Текст] / П. Бурдые. – СПб.: Алетейя, 2005.

2. Зборовский, Г.Е. Методологические проблемы социологического исследования регионального социального пространства [Текст] / Г.Е. Зборовский // Социум и власть. – 2006. – № 2.

3. Лапин, Н.И. Новые проблемы исследований региональных сообществ [Текст] / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2010. – № 7.

4. Симонян, Р.Х. Концепция мезоуровня применительно к региону [Текст] / Р.Х. Симонян // Социологические исследования. – 2010. – № 5.

5. Словарь русского языка [Текст]. – Т.3. – М., 1987.

6. Сорокин, П. Система социологии [Текст] / П. Сорокин. – Т. 2. – М., 1993.

7. Яницкий, О.Н. Социальные ограничения модернизации России [Текст] / О.Н. Яницкий // Социологические исследования. – 2010. – № 7.

8. The Cultural Challenge for Europe's Region [Text]. – Strasbourg, 1993.

ПРОЦЕДУРА СОЦИАЛЬНОГО АУДИТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

УДК 352

Т.Е. ЗЕРЧАНИНОВА

Социально-экономическое развитие страны во многом зависит от результатов деятельности органов местного самоуправления. Одним из новых направлений исследований деятельности органов местного самоуправления является социальный аудит. Оно еще достаточно слабо разработано методологически и методически, практически не описано в литературе. Поэтому рассматриваемая тема представляется достаточно актуальной и перспективной как в плане разработки процедуры социального аудита, так и в плане применения социоинженерного подхода к решению проблем муниципального управления, основанного на внедрении в практику управления социальных технологий, направленных на оптимизацию муниципального управления. Таким образом, целью статьи является характеристика процедуры социального аудита деятельности органов местного самоуправления как социальной технологии.

Аудит как технология проверки системы организации и управления известен уже давно. Прежде всего, это финансовый, хозяйственный аудит. В последнее время широкое распространение получил также управленческий аудит, аудит персонала. К исследованию социальных аспектов управления аудит стал применяться сравнительно недавно. Сущность и процедура социального аудита описана в работах французских авторов П. Кандо [13], А. Куре и Ж. Игаленса [14]. Это направление применительно к бизнесу, к управлению персоналом на предприятии развивается в России в рамках экономических наук благодаря сотрудничеству Академии труда и социальных отношений (г. Москва) с Международным институтом социального аудита (г. Париж) [10]. Российские социологи Р.З. Халиуллин, Д.В. Резниченко, В.Г. Попов, А.И. Кузьмин, Т.Е. Зерчанинова адаптировали методологию социального

аудита для исследования социальных аспектов муниципального управления методами социологии [8; 9].

Социальный аудит является «комплексной процедурой, включающей социальную диагностику, экспертизу, прогнозирование и проектирование социальных процессов и объектов» [9, с. 34]. В таком значении социальный аудит вполне применим для социологического анализа муниципального управления. Социальный аудит предстает в виде «относительно универсальной и достаточно строгой аналитико-экспертно-проективной системы, способной не только оценить, но и неопровержимо доказать необходимость введения соответствующих инноваций в социальную политику, направленную на сохранение или развитие позитивных тенденций в динамике социальной сферы, либо социума в целом» [9, с. 36].

Социальный аудит применяется социологами для диагностики состояния и функционирования социальной системы и системы управления, оценки эффективности управления, а также разработки социальных прогнозов и проектов. «Под социальным аудитом понимается технология осуществления системы методологических процедур и приемов анализа, диагностики, контроля, экспертизы и прогнозирования состояний в развитии социального объекта и управляемой им системы» [8, с. 12]. Таким образом, основной целью социального аудита является оптимизация управления, повышение его эффективности. «Социальный аудит как технология проверки надежности системы предназначен для оптимизации принятия управленческих решений. Поэтому основой социального аудита муниципального управления городским социумом выступает детальное рассмотрение реальных, наиболее «острых» социальных проблем,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках научно-исследовательского проекта РФГФ «Социальная эффективность деятельности органов местного самоуправления», проект № 10-03-83311 а/У.

потребностей, жизненных ценностей, социальных ожиданий и предпочтений горожан, степени эффективности работы социальных служб и др.» [12, с. 15].

Таким образом, сущность социально-аудита вполне соответствует принципам социальной инженерии, которая позволяет осуществлять диагностику преобразуемого объекта, разрабатывать научный прогноз динамики его изменений, моделировать и проектировать новое желаемое состояние объекта, принимать грамотные управленческие решения.

Согласно процедуре социального аудита, на первом этапе исследования осуществляется социологическая диагностика состояния и функционирования социальной системы.

Исследование проблем муниципального управления должно постоянно осуществляться посредством социальной диагностики и социальной инженерии. Городской социум рассматривается как сложная система, в которой заложены возможности различных вариантов развития. «Это предполагает необходимость многомерной интерпретации предмета социального управления как сложной системы, которое начинается с оценки ее состояния, определения возможных вариантов развития. В связи с этим значительно усиливается роль диагностического аспекта социального управления» [5, с. 9–10]. Для диагностики необходима научно обоснованная, методологически выверенная комплексная социологическая методика, основанная на системе объективных и субъективных, количественных и качественных показателей, которые могут быть измерены с помощью различных социологических методов. Диагностическая методика основана на интеграции таких методов исследования, как опрос населения, фокус-группа, экспертный опрос, анализ официальных документов, характеризующих деятельность администрации города, опрос работников местной администрации и Главы города, а также анализ статистических показателей уровня социально-экономического развития города.

Под руководством автора статьи были организованы и проведены эмпирические социологические исследования в нескольких малых и крупных городах: Екатеринбург, Нижняя Салда – Свердловской области, Магнитогорск – Челябинской области. Объем выборки в каждом городе –

400 человек. Выборки репрезентативны по полу и возрасту, ошибки выборки не превышают 5%.

Опрос показал, что 64% жителей Екатеринбурга считают социально-экономическое положение города Екатеринбурга в целом благополучным, 60% выразили удовлетворенность условиями жизни в Екатеринбурге. Однако население обеспокоено такими проблемами, которые долгое время не решаются в городе: состояние автомобильных дорог, услуги ЖКХ и охрана окружающей среды.

Диагностика отношения населения города Екатеринбурга к представительному органу местного самоуправления показала, что разную степень доверия к нему выражают только 31% респондентов, недоверия – 58%, не могут определить свое отношение 11%. Одной из причин выраженного недоверия является то, что население города плохо информировано о деятельности городской Думы. На это указало 77% респондентов. Население города плохо знает состав городской Думы: даже на вопрос «Кто является председателем Екатеринбургской городской Думы?» правильно ответили только 28% респондентов, остальные сказали, что не знают или назвали другие фамилии.

Все это затрудняет формирование персонального доверия. На открытый вопрос «Кому из депутатов городской Думы Вы доверяете?» только 13% респондентов назвали фамилии депутатов, 30% опрошенных ответили «ни одному», 57% не дали ответа на этот вопрос. Отвечая на открытый вопрос о причинах недоверия, респонденты указали следующие варианты: «ставят свои интересы выше других», «им всем в отдельности до нас нет дела», «обманывают население», «воры», «мало компетентны», «демагоги», «бюрократы», «не было личных контактов с депутатом», «плохо их знаю». Однако основной причиной, на наш взгляд, является то, что депутаты не выполняют, по мнению населения, основную свою функцию: они не представляют интересы населения. 70% респондентов считают, что депутаты защищают в основном свои собственные интересы и интересы коммерческих структур, а не интересы населения города.

Разработанная нами социологическая диагностическая методика предполагает использование такого метода исследования как фокус-группа. Он позволяет полу-

чить глубинную качественную информацию и установить причины низкой оценки социальной эффективности деятельности органов местного самоуправления. Особенно интересные данные были получены при проведении фокус-групп в Нижней Салде, когда обсуждались проблемы социальной сферы. По результатам фокус-групп были выявлены наиболее острые проблемы города в социальной сфере:

«Никакой, по-моему, у нас и культуры нет, спорта нет, ничего нет...».

«Самый главный центр культуры – Дворец культуры – превратили в торговый центр, доходное место. Вот, 25-го будут оренбургские платки».

«Есть проблема при работе с молодежью однозначно. Наша молодежь она в буквальном смысле не занята. Ну, допустим, возьмем тот же Советский Союз, то есть молодежь была более занята, было больше кружков там, ими больше занимались там. Допустим, у нас сейчас нет кинотеатра. То есть куда ходила молодежь? На дискотеки там, кружки там. А сейчас этого меньше стало, молодежь вынуждена больше гулять на улице».

«Никаких кружков, секций, молодежь нигде не увлечена. Только немного танцевальных... Детского хора нет» [4].

Второй этап социального аудита – оценка социальной эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Социальный аудит позволяет не только диагностировать состояние и тенденции развития такой системы, как муниципальное образование, но и оценить результаты деятельности управляющей системы (органов местного самоуправления) с точки зрения эффективности. «Мы исходим из той методологической позиции, что социальное действие всегда имеет конечные результаты. Эти результаты – отнюдь не показатели достижения целей управления, а новая социальная реальность, которая принципиально отличается от старой, «исходной» реальности, поскольку действующими субъектами к ней было добавлено нечто такое, что отсутствовало в момент начала деятельности» [11, с. 407].

Под социальной эффективностью деятельности органов местного самоуправления будем понимать положительный совокупный результат, полученный населением от внедрения органами местного самоуправления социально-ориентированных

технологий управления, направленных на обеспечение устойчивого развития города, соблюдение баланса интересов и удовлетворения социальных потребностей населения муниципального образования.

Социально эффективное управление предполагает, что его результаты должны соответствовать социальным ожиданиям людей. Поэтому в муниципальном управлении особое значение имеет не только объективная информация о состоянии городского социума и тенденциях его развития, но и знание об отношении самих людей к жизнедеятельности города. В связи с этим особую актуальность приобретает разработка концептуальных моделей социальной эффективности деятельности органов местного самоуправления, поиск критериев ее оценки, а также выявление факторов, оказывающих влияние на социальную эффективность. Необходима также и сбалансированная система количественных и качественных статистических и социологических показателей, характеризующих достижение целей управления в муниципальном образовании, степень его управляемости.

На сегодняшний день в России создана нормативная база оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов [6]. Кроме статистических показателей предлагается измерять и социологические показатели, связанные с удовлетворенностью населения качеством услуг в сфере образования, здравоохранения и культуры и т. п. Такие данные можно получить только методом опроса населения. Поэтому в нашем опросе населения был предусмотрен такой показатель – удовлетворенность населения работой местных администраций, который был измерен по 5-балльной шкале (табл. 1).

Таблица 1.

Степень удовлетворенности населения работой местных администраций

Город	Средний балл
Нижняя Салда (Свердловская область)	2,78
Магнитогорск (Челябинская область)	3,19
Екатеринбург	2,77

Население города Екатеринбурга в меньшей степени удовлетворено работой местной администрации. Низкая степень

удовлетворенности населения деятельностью органов местного самоуправления объясняется низким уровнем доверия населения к ним. Таким образом, доминирование недоверия к органам власти в общественном мнении приводит к снижению оценки результатов их деятельности.

Оценка осуществляется нами в соответствии с системой критериев, предложенной Г.В. Атаманчуком для конкретной социальной эффективности, то есть эффективности деятельности отдельных органов власти или должностных лиц. Им предложено несколько критериев: 1) степень соответствия направлений, содержания и результатов управленческой деятельности органов и должностных лиц тем ее параметрам, которые обозначены в правовом статусе органа и государственной должности; 2) законность решений и действий органов государственной власти и местного самоуправления, а также их должностных лиц; 3) реальность управляющих воздействий; 4) содержание любых управленческих актов (решений, поступков, действий и т.д.) с точки зрения отражения в них запросов и нужд людей, направленности на их благополучие и развитие; 5) характер и объем взаимосвязей соответствующих управленческих органов и должностных лиц с гражданами, их объединениями и коллективами, различными слоями населения; 6) мера обеспечения в решениях и действиях управленческого органа и должностного лица государственного престижа соответствующего органа и государственной должности; 7) правдивость и целесообразность управленческой информации, выдаваемой управленческими органами и должностными лицами; 8) нравственный критерий [2, с. 269-271].

По каждому критерию нами определялся уровень социальной эффективности, а затем рассчитывался сводный индекс эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Третий этап социального аудита – проектирование, разработка и внедрение социальных технологий, которые способствовали бы оптимизации муниципального управления, повышению его социальной эффективности.

У российской социологии есть достаточно богатый опыт разработки и реализации социальных технологий на уровне городского управления. В 1986 г. на базе Института социологии РАН был создан Ме-

жотраслевой научный коллектив, который работал под руководством Т.М. Дридзе. Коллектив сформировал концепцию прогнозного социального проектирования, которая основывается на теоретико-методологических основаниях, получивших название проблемно-ориентированного (проблемно-целевого, прогнозного) подхода. Исследователи поставили перед собой задачу разработать фундаментальную теорию и методологию «прогнозной социально-проектной деятельности как специфической социальной технологии, ориентированной на интеграцию гуманитарного знания в процесс выработки вариативных образцов решений текущих и перспективных социально значимых проблем с учетом данных социально-диагностических исследований, доступных ресурсов и намеченных целей развития регулируемой социальной ситуации» [7, с. 7].

По итогам диагностики разрабатывается концепция социально-приемлемой стратегии развития поселения, предусматривающая рациональное и согласованное с заинтересованными сторонами решение вопросов, связанных:

- с социально-ориентированным освоением территории и организацией местного самоуправления;

- с социально-ориентированным развитием местной социальной, культурной, транспортной и прочих инфраструктур в контексте поселения и его связей с другими поселениями;

- с созданием экологически благополучной среды и обеспечением условий для здорового образа жизни разнообеспеченных и разновозрастных групп населения, для людей с разными интересами и запросами;

- с развитием условий для обучения и приобщения к спорту, игровой и общей культуре детей, для их образования, а также для решения проблемы занятости и связанных с ней проблем повышения и смены квалификации;

- с развитием новых форм самоорганизации населения, направленных на повышение качества жизни, а также новых служб, способных обеспечивать социальную, экономическую, экологическую и юридическую защиту интересов жителей и местных сообществ в целом;

- с оптимизацией системы местного самоуправления и использования территории [3, с. 9].

Развитие идей Т.М. Дридзе на современном этапе продолжается сотрудниками Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН. Например, Е.М. Акимкин считает, что одной из форм деятельности, выводящей науку в практику управления, может быть социально ориентированное консультирование. «Социально ориентированное консультирование в муниципальном управлении стремится найти и реализовать решения, удовлетворяющие нескольким условиям, во-первых, они направлены на разрешение проблемных ситуаций, которые возникают в жизни людей, и могут создавать, в случае их игнорирования или некачественного решения, сложные локальные социальные ситуации; во-вторых, при их подготовке и в ходе реализации не просто возникает обратная связь между субъектами управления, но эта связь является диалогической, т.е. положительной обратной связью. Она отличается от имитации диалога или воздействия, которые не предполагают адекватной интерпретации намерений других участников процесса управления. И именно в такой форме положительная обратная связь целенаправленно организуется на всех этапах управленческого цикла» [1, с. 10-11]. Нам представляется, что в современных

условиях такая форма взаимодействия социологической науки и практики муниципального управления может быть достаточно полезной и эффективной.

Подводя итоги, можно констатировать, что процедура социального аудита соответствует принципам социоинженерного подхода, поэтому достаточно успешно может применяться для исследования проблем муниципального управления. К преимуществам данной методики можно отнести: технологичность, алгоритмичность, комплексный характер, сочетание статистических и социологических показателей, применение количественных и неколичественных методов, позволяющих получить достоверные данные. Ограничения применения данной методики связаны с затратностью подобных исследований. В местных бюджетах, особенно в дотационных муниципальных образованиях, не предусмотрены средства на проведение таких комплексных исследований. Поэтому местные администрации вынуждены проводить опросы населения собственными силами, зачастую нарушая методику и процедуру исследования. Однако в целях получения достоверного знания и адекватной оценки рекомендуется проводить независимую социологическую диагностику, оценку и проектирование.

1. Акимкин, Е.М. Стратегии развития и социальные технологии [Текст] / Е.М. Акимкин // Управление социальными процессами в регионах: VI Всероссийская научная конференция, 30-31 октября 2008 г.: Сб. статей. – Екатеринбург: УрАГС, 2008. – С. 9–11.
2. Атаманчук, Г.В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы): учеб. пособие [Текст] / Г.В. Атаманчук. – М.: ОАО «НПО Экономика», 2000. – 302 с.
3. Дридзе, Т.М. Предложения по научному обеспечению проектов социально ориентированного развития населённых мест [Текст] / Т.М. Дридзе // Муниципальная власть. – 1998. – № 3. – С. 9.
4. Зерчанинова, Т.Е. Методика анализа и оценки социальной эффективности деятельности местной администрации в социальной сфере [Текст] / Т.Е. Зерчанинова, К.Н. Самков // Русская философия и российская государственность: сборник научных трудов. – Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. – С. 408–425.
5. Касьянова, А.Н. Средний город России: диагностика жизнедеятельности социума и социальное управление: автореферат дис. ... канд. социол. наук [Электронный ресурс] / А.Н. Касьянов. – Ростов-на-Дону, 2007. 27 с. // Режим доступа: URL: http://www.znb.rsu.ru/referat/D212-208-01/22-00-08/20070528_D212-208-01_22-00-08_KasyanovaAN.doc (дата обращения 30.06.2009).
6. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов: Указ Президента Российской Федерации № 607 от 28.04.2008 г. (в ред. Указа Президента РФ от 13.05.2010 N 579). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Прогнозное социальное проектирование: Теоретико-методологические и методологические проблемы [Текст] / отв. ред. Т. М. Дридзе. – М.: Наука, 1994. – 304 с.
8. Резниченко, Д.В. Социальный аудит деятельности местных администраций: автореферат дис. ... канд. социол. наук [Текст] / Д.В. Резниченко. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.
9. Социальный аудит в управлении малым северным городом [Текст] / Попов В.Г., Кузьмин А.И., Зерчанинова Т.Е., Халиуллин Р.З. / под ред. В.Г. Попова. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – 236 с.
10. Социальный аудит: учеб. пособие [Текст] / под ред. А.А. Шулуца, Ю.Н. Попова. – Москва: Издательский дом АТИСО, 2008. – 620 с.
11. Тихонов, А.В. Социология управления. Теоретические основы [Текст] / А.В. Тихонов. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 472 с.
12. Халиуллин, Р.З. Муниципальное управление социумом малого северного города: опыт социального аудита: автореферат дис. ... канд. социол. наук [Текст] / Р.З. Халиуллин. – Екатеринбург, 2002. – 22 с.
13. Candau, P. Audit social [Text] / P. Candau. – Vuibert, 1985. – 282 p.
14. Couret, A., Laudit social [Text] / A. Couret, J. Igalens. – Paris: Universitaires de France, 1988. – 128 P.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А.А. ЗИНОВЬЕВА

УДК 323

Д.А. ЖУКОВСКИЙ

Можно утверждать, что А.А. Зиновьев является одним из наиболее значительных и, в то же время, самобытных политических мыслителей России не только в XX – начале XXI вв., но и на всем протяжении ее истории. С этой точкой зрения соглашаются многие авторитетные отечественные и зарубежные исследователи, государственные деятели, ведущие функционеры политических партий и общественных организаций. Как отмечает российский политолог И.М. Ильинский, «Зиновьев создал свою собственную социологическую концепцию и утверждал, что современный мир не может быть объяснен и понят в существующих категориях, понятиях и терминах, что это можно сделать лишь в том случае, если использовать его, зиновьевский понятийный аппарат» [8, с. 5].

В условиях современной ситуации в российском обществе критический пафос Зиновьева, которым пронизаны его работы, по утверждению С.Н. Бабурина, является констатацией фактов, необходимой для понимания происходящих социальных процессов и для подлинного решения стоящих перед российским государством и обществом политических и социальных проблем [1, с. 32]. Важно и то, что для Зиновьева всегда было характерно стремление понять проблему, не оглядываясь на тенденциозную критику.

А. Зиновьев, как отмечает Ю.Ю. Болдырев, прекрасно знал и понимал социальную систему, сложившуюся в странах Запада, относился к ней с уважением и, даже, с определенной долей симпатии, но, при этом, он всегда рассматривал Запад как естественного противника России, заинтересованного в ее ослаблении, если не сказать больше, в разрушении [2, с. 27].

Уникальность политической концепции А. Зиновьева в том, что в ней дан анализ трех основных моделей общественного устройства, в той или иной степени оказавших крайне существенное влияние на социально-политическую жизнь российского общества в XX – начале XXI вв. –

коммунистической, капиталистической (западнистской) и постсоветской.

А. Зиновьев отмечает, что, несмотря на западное происхождение коммунизма как политической философии и идеологии, коммунистическое общество впервые возникло в России, к чему, разумеется, вели свои определенные предпосылки. Исходя из марксистской теории, объяснить почему коммунистическое общество возникло именно в России, в условиях краха Российской империи, не представлялось возможным. Видимо, коммунистические отношения существовали в российском обществе и прежде; «Коммунистическое общество в России, – пишет А. Зиновьев, – возникло не в качестве случайного исключения из общих законов эволюции общества, а в удивительном соответствии с ними» [5, с. 124]. Поэтому революцию можно рассматривать лишь в качестве события, непосредственно воплотившего в жизнь предпосылки коммунистического общества, складывавшиеся в России на протяжении столетий ее истории.

Осознание природы Октябрьской революции возможно лишь посредством осознания того общественного строя, который сложился в России в результате ее победы, при этом знание хода событий и даже всех причин, приведших к победе революции, не могут дать о ней исчерпывающего представления. Поэтому на первое место выходит анализ социальных отношений, восторжествовавших после революции, и «бытовые аспекты», в этом ключе, играют гораздо большую роль, чем все бурные события, сопутствовавшие кардинальному перевороту в политической жизни российского государства.

Как отмечает А. Зиновьев, произошло чрезвычайное расширение самой сферы власти и ее полномочий, численность бюрократического аппарата увеличилась во много раз по сравнению с дореволюционным периодом. Декларируемой передачи всей полноты власти трудящимся массам, организованным в Советы и направляе-

мым коммунистической партией, на практике не произошло. В Советском Союзе, в особенности после установления культа личности Сталина, бюрократический аппарат превратился в правящий слой, диктующий свои идеологические установки и модели поведения.

Подчеркнем, что помимо вопроса о сущности русской революции, основополагающим для А. Зиновьева, как, впрочем, и для многих других левых критиков советской системы, стало изучение проблемы диктатуры пролетариата и положения пролетариата в советском государстве. И здесь следует отметить специфику взгляда философа на данную проблему. В частности, и троцкизм, и левый коммунизм, и социалистические направления анархизма признавали, что рабочий класс находится в Советском Союзе в угнетенном положении или же имеет недостаточный доступ к власти и материальным ресурсам, но ни одно из этих направлений левой политической мысли не ставило под сомнение сам факт существования рабочего класса в советском обществе.

В то же время, А. Зиновьев пришел к выводу, что, поскольку в коммунистическом обществе пролетариат исчезает как класс, термин «диктатура пролетариата», используемый официальной советской идеологией, абсурден. Рабочие, как отмечает философ, представляют собой, в первую очередь, членов определенных деловых коллективов. Однако данные коллективы, во-первых, неоднородны в силу того, что состоят из представителей разных социальных групп, а во-вторых, не объединяются в единое целое сами по себе. Объединение же этих коллективов может функционировать только как система власти и управления, представители которой уже не являются рабочими [5, с. 128].

Размышления над природой советского государства натолкнули А. Зиновьева на мысль о необходимости борьбы с существующим строем. Отметим, что во второй половине 1930-х – 1940-х гг. существование нелегальных молодежных кружков левокоммунистической направленности было, несмотря на общую атмосферу страха, господствовавшую в стране, достаточно распространенным явлением. Как отмечают исследователи, создание подобных организаций «было неизбежным следствием и характерным признаком одного из внутренних противоречий тоталитарного строя» [10].

Первоначально антисталинизм А. Зиновьева, основывавшийся на понимании того тяжелого положения, в котором оказалось советское общество, основывался исключительно на критике самого диктатора и созданной им системы. Однако, постепенно, под влиянием анализа советского социума, а также исторических событий, в которых А. Зиновьеву довелось участвовать, в частности, Великой Отечественной войны, философ от персонификации сталинизма в лице И.В.Сталина и его ближайшего окружения «вождей партии и государства» перешел к критике сталинизма как социально-политического феномена, связанного даже не столько с самой фигурой Сталина, сколько с той моделью общественного устройства, которая утвердилась в России после Октябрьской революции.

А. Зиновьев, пытаясь преодолеть существующие расхождения по вопросу о трактовке понятия «сталинизм», представляет свое собственное его определение, подразумеваемое под сталинизмом определенную историческую эпоху, во время которой, усилениями лично Сталина, его окружения и его последователей в коммунистической партии и государственном аппарате, в стране создавалось коммунистическое общество, формирующееся в результате субъективного переложения тех объективных закономерностей и предпосылок к его появлению, которые присутствовали уже в дореволюционной России [5, с. 252].

После официальной десталинизации советского общества и, в особенности, после распада советской системы как таковой, отношение к репрессивной политике государства, к деятельности карательных органов и связанному с ними доносителюству наполнилось чисто негативным содержанием, лишенным, как отмечает А. Зиновьев, строгого научного анализа.

А. Зиновьев оказывается одним из немногих мыслителей, способных выступить с критикой подобных утверждений, руководствуясь не стремлением произвести историческую реабилитацию сталинизма как политической системы, а целями наиболее полного научного исследования сталинизма.

Как известно, прежде чем получить известность в качестве политического философа, А.А. Зиновьев продолжительное время занимался вопросами логики, опубликовав целый ряд научных работ по данной дисциплине. Впоследствии опыт

изучения логики был применен философ к исследованию социальных феноменов, в результате чего им была предложена концепция логической социологии. Рассматривая социальные объекты, под которыми подразумевались социальные феномены и явления как объединения людей, А. Зиновьев стремился проанализировать специфику функционирования этих объединений посредством применения к социальным наукам методов логической социологии.

Для решения этой задачи, от исследователя, по мнению А. Зиновьева, требуется, в первую очередь, следовать принципу субъективной беспристрастности, то есть рассматривать природу явлений, стремиться проникнуть в их суть, вне зависимости от личных симпатий или антипатий, которые исследователь может питать в данном вопросе.

Можно отметить, что, разделяя нарративный и научный историзм, т.е. стремление к выяснению и описанию происходивших фактов, с одной стороны, и использование социологических концепций для объяснения исторического процесса, А. Зиновьев все же склоняется к последней точке зрения, будучи убежденным в том, что лишь действенный социологический анализ даст наиболее полное и беспристрастное представление о реальной природе тех или иных социальных феноменов прошлого и настоящего [6, с. 38].

Для объяснения социально-политических явлений в логической социологии А. Зиновьева используется оригинальный категориальный аппарат. Поэтому рассмотрим основные понятия, используемые философом в своих работах, посвященных социальным феноменам.

В первую очередь, отметим, что, говоря о социальных объектах, А. Зиновьев выделяет два подхода в понимании их природы – как на множества, объединяемого определенными общими признаками и обладающего, соответственно, общими качествами, и как индивидуальности, природа которых оригинальна и не имеет аналогов [7, с. 61–62].

А. Зиновьев подчеркивает ошибочность подхода, господствующего во многих современных исследованиях, посвященных социальным проблемам. Отношение к сталинизму здесь может выступать в качестве наилучшего примера, поскольку сегодня практически на офи-

циальном уровне проводятся параллели между сталинским режимом и нацизмом А. Гитлера, совершенно разные по внутреннему содержанию, хотя, возможно, и сходные в некоторых проявлениях диктаторские режимы в самых разных странах мира объединяются неким общим понятием «тоталитаризм», которое фактически игнорирует региональные, национальные и временные особенности [7, с. 62]. А. Зиновьев же, подчеркивая, что поиск общих свойств социальных объектов является одним из важнейших элементов в их познании, утверждает, что все же исследователю социальных процессов чаще всего приходится работать с индивидуальностями, с неповторимыми социальными объектами.

Поскольку логическая социология А. Зиновьева имеет в качестве основного объекта исследования человеческие объединения, мы можем выделить в качестве центрального понятия его политической концепции концепт «общество», которое определяется философом как «скопление более или менее большого числа людей, объединенных в некоторое относительно замкнутое целое. Оно достаточно долго сохраняется в этой целостности и замкнутости, воспроизводится в самых существенных чертах деятельности своих членов» [6, с. 39].

В то же время, как отмечает С.В. Костов, поскольку понятие «общество» в обыденной речи, да и в научных исследованиях, употребляется в самых разных контекстах и наделяется различным смыслом, необходима его экспликация [9]. Как мы можем видеть, А. Зиновьев эту экспликацию осуществляет, выделяя из множеств социальных объединений сообщества, называемые им «человейниками» и характеризующиеся как «объединения людей, обладающие следующим комплексом признаков». Философ проводит параллели между человеческими сообществами и сообществами животных, о чем свидетельствует и сам термин «человейник», построенный по аналогии с муравейником. Это позволяет, как отмечает А.А. Гусейнов, охарактеризовать социологическую концепцию А. Зиновьева и как, своего рода, социозоологию, поскольку стада и стаи животных предшествуют челоуейникам [4, с. 22].

Человейник обладает определенной территорией, внутренней самоидентифи-

кацией, производит средства к существованию и обеспечивает свою безопасность от посягательств других сообществ, рассматриваемых в качестве «чужаков» [4, с. 22]. «Члены человеиника живут совместно исторической жизнью, т.е. из поколения в поколение, воспроизводя себе подобных людей. Они живут как единое целое, вступая в регулярные связи с другими членами человеиника» [7, с. 107]. Эти связи, как отмечает А. Зиновьев, основываются на экзистенциальном эгоизме, побуждающем индивидов действовать для сохранения и укрепления своей социальной позиции, в то же время стремясь к согласованию индивидуальных эгоистических побуждений с определенными нормами, по которым существует человеческое сообщество.

Можно сделать вывод о том, что концепция человеиника, разработанная А. Зиновьевым, является логическим продолжением той линии, начало которой задолго до него положили мыслители эпохи Возрождения и Нового времени, в первую очередь Н. Макиавелли и Т. Гоббс. Это отмечает и ряд исследователей. Если в обществе господствует рациональный расчет, основанный на экзистенциальном эгоизме, то законы, по которым функционирует политическая жизнь общества, не могут в корне отличаться от более общих социальных законов.

Наоборот, в сфере политики социальные законы проявляются наиболее отчетливо, рациональный расчет там куда более явен. В этой связи можно сделать вывод о том, что целью политики становится захват и удержание власти, при этом наиболее искусные политические деятели способны реализовать эту цель с наимень-

шими затратами, с наибольшей экономией тех средств, которые используются в завоевании и сохранении господствующих позиций в обществе. Однако в процессе политической деятельности сильнее, чем в других сферах, работают законы естественного отбора по принципу «выживает сильнейший» (хитрейший, с наиболее развитой системой связей).

Мы можем согласиться с исследователями, отмечающими, что начавшийся в юности конфликт между коммунистическими идеалами А. Зиновьева и советской реальностью, которая им соответствовала в самой малой степени, продолжался на протяжении всей жизни философа [3, с. 75]. Нельзя сказать, что расхождение теории и практики в советском обществе А. Зиновьев заметил первым, поскольку с самых первых лет нахождения коммунистической партии у власти не прекращалась ее критика с левых позиций, осуществляемая не только противниками партии извне, но и оппонентами ее руководства внутри самой партии. Достаточно упомянуть линию «рабочей оппозиции», более позднюю критику советского строя Л.Д. Троцким и его последователями.

Однако, среди многочисленных критиков советской системы «слева», А.А. Зиновьев занимает совершенно особое место. Значимость разработанной им политической концепции не только в ее оригинальности и правоте многих сделанных выводов, но и в том, что А. Зиновьев стремился подвести под нее философскую базу, вывести некие общие законы, позволявшие бы не только критиковать советскую систему, но и обосновать, почему развитие страны пошло именно по такому сценарию.

1. Бабурин, С.Н. Зиновьев сегодня [Текст] / С.Н. Бабурин // Зиновьевские чтения. Материалы I Международной научной конференции / под ред. О.М. Зиновьевой, В.А. Лукова. – М., 2007.

2. Болдырев, Ю.Ю. Суверенная личность и любовь к отечеству [Текст] / Ю.Ю. Болдырев // Зиновьевские чтения. Материалы I Международной научной конференции / под ред. О.М. Зиновьевой, В.А. Лукова. – М., 2007.

3. Большаков, В.В. Что такое истинный коммунист [Текст] / В.В. Большаков // Зиновьевские чтения. Материалы I Международной научной конференции / под ред. О.М. Зиновьевой, В.А. Лукова. – М., 2007.

4. Гусейнов, А.А. Об Александре Зиновьеве и его социологии [Текст] / А.А. Гусейнов // Зиновьев, А.А. На пути к сверхобществу. – М.: Центрполиграф, 2000.

5. Зиновьев, А.А. Исповедь отщепенца [Текст] / А.А. Зиновьев. – М., 2005.

6. Зиновьев, А.А. Коммунизм как реальность [Текст] / А.А. Зиновьев. – М., 1994.

7. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу [Текст] / А.А. Зиновьев. – СПб., 2004.

8. Ильинский, И.М. Вступительное слово [Текст] / И.М. Ильинский // Зиновьевские чтения. Материалы I Международной научной конференции / под ред. О.М. Зиновьевой, В.А. Лукова. – М., 2007.

9. Костов, С.В. Социологическое направление в отечественной социоистории [Электронный ресурс] / С.В. Костов. – Режим доступа: http://www.kostov.ru/History_in-Russian.htm

10. Печуро, С. Дело джалал-абадских школьников. К истории молодежных антисталинских организаций [Текст] / С. Печуро, В. Булгаков // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. – М., 1991.

ОНТОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ М. МАК-ЛЮЭНА

УДК 111:321.01

О.П. ЧЕРНЫХ

В настоящее время работы канадского теоретика в области коммуникаций М. Мак-Люэна используют, как правило, для демонстрации теории информационной эволюции. Между тем, его широкий междисциплинарный подход к исследованию литературы, культуры и медиа, базирующийся на анализе трудов литераторов, биологов, физиков, экономистов, философов, историков, социологов, психологов позволяет обнаружить точные параллели между, скажем, политической системой и культурой определенного времени. Причем уровень развития культуры, а, следовательно, и политических отношений, по Мак-Люэну, напрямую зависит от уровня овладения социумом информационными технологиями.

Исходной точкой в исследовании Мак-Люэна является тот факт, что он представляет историю цивилизаций через эволюцию информационных технологий (используя мысль, подсказанную ему книгой Г.А. Инниса). В соответствии с культурными традициями и формами чувственного восприятия он делит общества на два основных типа: аудиотактильные и визуальные. Современное аудиовизуальное общество представлено синтезом двух предыдущих культур и являет собой, в некоторой степени, положительный возврат к аудиотактильной культуре.

Предпочтения Мак-Люэна лежат на стороне аудиотактильных культур, царствовавших в первобытной устной культуре, в бесписьменной цивилизации Древней Греции, а затем цивилизации рукописных текстов Древней Греции, Древнего Рима и Европейского Средневековья, вплоть до XVI века, до появления книгопечатания. Мак-Люэн находит параллели между владением техникой чтения и рисунка и формированием индивидуальной «точки зрения», влияющей на политическое самосознание и формирование политической власти и политических отношений в

обществе. Эту мысль он демонстрирует на факте использования плоских двумерных изображений (геометрия Евклида, художественные изображения с отсутствующей перспективой) в аудиотактильный период развития общества. Причем отсутствие перспективы Мак-Люэн рассматривает не как ее отсутствие вообще, а как отсутствие единой «точки зрения», из которой строится общая перспектива. Иными словами, в двумерной форме перспектив множество, каждая вещь имеет свою перспективу, «модулирует свое собственное пространство» [1, с. 24]. При этом он считает, что через медленное проговаривание букв и слов текста, через последовательное созерцание объектов двумерного изображения, так же как через устную форму языка (мифы, легенды), человек бессознательно и эмпатически сливается с объектом мысли и, тем самым, как бы принимает последовательно множество «точек зрения». На уровне общественно-политического сознания это выражается в том, что члены устного общества воспринимают себя в биологическом единстве друг с другом и с природой (в современном понимании это выражено в понятии «ноосферы» – здесь Мак-Люэн обнаруживает возврат к племенному сознанию), они чужды индивидуализма, выстроенного на собственной «точке зрения». Открытость их восприятия различным «точкам зрения» приводит к идее многоуровневости бытия (то, что сейчас в физике называют полем, – в чем Мак-Люэн опять находит возрождение идей аудиотактильного восприятия мира). Такие общества Мак-Люэн, вслед за Поппером [2], называет «открытыми обществами». Действие и мысль в восприятии людей «открытого общества» не дифференцируются. Так, плохая мысль приравнивается к плохому действию, и наоборот. Такие народы живут одним племенем, как одной семьей, в которой каждый хорошо знает и столь же хорошо играет свою роль:

«Члены племенного сообщества, – пишет он, – воспринимали свое общество подобно тому, как ребенок воспринимает свою семью и свой дом, в которых он играет определенную роль» [1, с. 15]. Для иллюстрации специфики человеческого восприятия в аудиотактильных обществах он использует политический и культурный опыт древнегреческого города-полиса (в основном на материале Пoppers), сравнение его жителей с аристотелевским «политическим животным», а также проводит аналогии с бытом современных африканских племен, сохранившим аудиотактильное восприятие.

Переход от «культуры уха» к «культуре глаза» начинается с возникновением фонетического алфавита (что, заметим, не относится к иероглифам и идеограммам), а также с изобретением письменности и завершается книгопечатанием, чеканкой и т.п., т.е. массовым распространением печатной продукции. Частичное разложение прежнего образа жизни отражается в политических революциях (как, например, в Спарте в VI в. до н.э.), направленных на сохранение племенного строя. Этот процесс шел постепенно, проявляясь в «напряжении цивилизации» [1, с. 15]. Основным признаком появления цивилизации, по Мак-Люэну, было изобретение человеком расширений своих чувств, основанных на различных технологиях. Отметим, что под цивилизацией он понимал термин, «подразумевающий человека, вышедшего из племенного общества, человека, в мышлении и поведении которого определяющую роль играют визуальные ценности» [1, с. 40]. Даже в макиавеллизме канадский исследователь символично находит технологическое расширение, подтверждающее уход от естественного племенного состояния: «Макиавеллевское абстрагирование личной власти от социальной матрицы можно сравнить с гораздо более древним абстрагированием колеса от животной формы» [1, с. 26].

Решающим изобретением, расширившим человеческую память, было изобретение фонетического алфавита. Причем, уже факт появления алфавитного письма был следствием оседлого образа жизни, появления архитектуры и «огражденного пространства» государства: «Ибо письмо представляет собой заклю-

чение в визуальные границы не визуальных пространств и чувств <...>» [1, с. 65]. По мнению Мак-Люэна, этот процесс хотя и нес «угрозу онтологического ослабления сознания», «обеднения бытия» [1, с. 78], но был исторически неизбежен. Беглое чтение, требующее умения фокусировать свой взгляд перед текстом и схватывать текст целиком, породило способность человека воспринимать и изображать общую перспективу с позиции единственной «точки зрения». Причем, ссылаясь на исследование Э. Гомбриха, ученый доказывает, что трехмерная перспектива (так же как умение распознавать буквы алфавита или понимать последовательное хронологическое повествование) является приобретенной, а не естественной, формой видения мира. Единственная «точка зрения» индивидуализирует человека, делает его обособленным от остальных, подготавливает националистические чувства, развивает шизофрению. Ссылаясь на исследование А. Пиренна «Экономическая и социальная история средневековой Европы», Мак-Люэн отмечает, что «...национализма как такового до XV века не существовало...» [1, с. 173]. К слову заметим, что Томас Мор в свое время отмечал, что в его историческую эпоху впервые появляются централистские и националистические политические организации.

Фиксированная «точка зрения» приводит любую систему (научную или общественную) к детерминизму и абстрактности. В такой период создаются научные и политические теории, основанные на законах механики, линейности, каузальности, атомарности. Так, суть макиавеллевской техники осуществления политической власти состоит в том, что политик разбирает человека как машину, то есть смотрит, как он «работает», определяет его главную страсть и затем определяет способы воздействия на него. Посредством сегментации и каталогизации люди редуцируются до уровня вещей так же, как овеществляется в печатном слове живая человеческая речь.

Интересным в связи с этим видится его взгляд на эволюцию политического ораторского искусства. Ссылаясь на исследование С.Ф. Боннера, изложенные в книге «Римское ораторское искусство», он замечает, что при республиканском уст-

ройстве, во времена свободы слова, политическое красноречие играло важную роль в достижении успеха. У греческих и римских риториков речь строилась на *thesises* (тезисах или положениях, посвященных важным проблемам человеческой жизни). В эпоху же принципата ораторское искусство утратило свою политическую ценность, т.к. многое теперь зависело от императорского и придворного покровительства, стало необходимым тщательно выбирать слова, «...поэтому ораторское искусство переместилось на более безопасную арену школ, где человек мог выставлять напоказ свой республиканизм, не опасаясь последствий, и где можно было найти компенсацию за утрату политического престижа с помощью аплодисментов своих сограждан» [1, с.151]. Сам термин *scholastica* – «школьное ораторское искусство» – означал, как замечает ученый, противоположность подлинной публичной речи. Окончательно разрыв с классическим ораторским искусством (наиболее ясно изложенным в «Риторике» Цицерона и «Воспитании оратора» Квинтилиана) произошел в XII столетии в эпоху возникновения университетов, программа которых была сосредоточена на *dialectica*, или схоластическом методе. Ораторская практика схоластики была основана на технике афоризма, в то время как цicerоновский ораторский метод базировался на ясном изложении информации в прозаической форме. То есть на смену тщательному, методическому анализу, лежащему в основе тезисов, приходит схоластический способ убеждения публики, который «...при более глубоком рассмотрении <...> оказывается совершенно ничтожным пустяком» [1, с.154].

Человек эпохи Гутенберга буквально впадает в гипноз, вызванный несоразмерным выделением визуального чувства и атрофии других. Такого в принципе не происходило в аудиотактильных культурах, так как слух изначально богаче зрения и задействует целую гамму чувств. В печатных культурах звук и устное слово теряют свою первобытную магическую силу. Власть над сознанием получает визуальный образ (печатное слово, изображение) и человек перестает доверять своей памяти, своему внутреннему голосу, в итоге, самому себе. Этот гипноз, недоверие себе

и абсолютное доверие печатному слову активно стало использоваться в политических целях.

Еще одну важную черту в политическом устройстве визуального общества обнаруживает Мак-Люэн: на смену миру ролей приходит мир должностей, в котором правит расчет, отсутствуют страх и совесть. Именно при крахе «открытого общества» впервые возникают трения между политическими классами. Классовые конфликты оказывают на людей такое же пугающее действие, какое производит на детей серьезная семейная ссора и крах семейного очага. Причем, в ситуации краха «естественного» мира и неурядиц чувствуют себя неуютно обе стороны, особенно привилегированные классы, но исторически они все-таки находятся в лучшем положении. Привязанность к ролям сказывается и на том, что угнетенным часто не удается воспользоваться своими победами над классовыми врагами.

Эти наблюдения заставили обратиться Мак-Люэна к «Королю Лиру» Шекспира, который представляет новую стратегию культуры и власти на рубеже XVI и XVII веков. Революция в сознании людей и в политическом устройстве общества, описанная в трагедии, своей причиной, по мнению Мак-Люэна имела Гутенбергову технологию, и он находит символические подтверждения своим догадкам: появление печатной карты, обособление зрения как вида слепоты (слепота Глостера, притворный отказ от зрения Гонерильи), использование двумерных и трехмерных перспектив словесного искусства Шекспира. Несмотря на то, что действие в трагедии происходит в древние времена, в пьесе все принадлежит феодальной эпохе Шекспира: дробление государства, обнищание народа, новые нравы правящей элиты, перемены с общественном сознании, связанные с перемещением людей из мира ролей в мир должностей. Так, когда Король Лир раскрывает свою «темную цель» разделения королевства на части, он, тем самым, высказывает в политическом отношении дерзкое и авангардное для своего времени намерение делегирования власти центром периферии, демонстрирующее левый макиавеллизм.

Мак-Люэн обращает внимание на главную черту визуальной культуры –

стремление к индивидуализму во всех его проявлениях. Так, Лира он называет «великим фрагментатором», вдохновленным «...идеями установления конституционной монархии путем делегирования власти» [1, с.19] и подтверждает свои слова строками из трагедии:

Мне с этих пор

Останется лишь королевский титул...

Раздробленность и раскол в отношениях между близкими по крови объясняется главным атрибутом индивидуализма – конкуренцией. Дочери короля соревнуются в красноречии перед отцом и победу одерживает не духовная цельность Корделии и ее приверженность роли дочери, а «фрагментация чувств» ее сестер, их расчетливое умение конкурировать за должность, улавливая требования времени. Корделия, а вслед за ней Кент и Эдгар беззаветно преданы Лиру и «в пределах своей роли они не исполняют никаких делегированных полномочий» [1, с. 21], как это и свойственно для мира ролей. И читателю ясно, как поясняет Мак-Люэн, что «именно приверженность Корделии к своей традиционной роли делает ее столь беспомощной перед новым индивидуализмом Лиры и ее сестер» [1, с. 23]. Интерпретируя Шекспира, Мак-Люэн вновь приходит к выводу о том, что индивидуализм – это приобретенная черта, так как она порождает готовность воспринимать иллюзии, что символично выражено в факте неожиданной слепоты Глостера.

Таким образом, на примере трагедии Шекспира ученый показал, как под влиянием новых форм знания и восприятия меняются не только психологические черты героев, но и модель политической власти, которая принимает характер ярко выраженного эксклюзивного централизма. Это выражается в переходе от инклюзивной, по сути, феодальной монархии, где король включает в себя всех своих подданных, к ренессансной форме феодального государства, где герцог стремится стать эксклюзивным центром власти, окруженным своими подданными. Прочность власти при эксклюзивном централизме зависит от умения налаживать отношения и торговлю, от точности и скорости действий, что порождает, в свою очередь, обычай делегировать власть и дифференцировать функциональные обязанности индивидов.

Вновь обращение к античным политическим ценностям происходит в Ренессансной Италии. Но «...склонность к аналогиям приобретала размер мании...» [1, с. 179]. Ссылаясь на книгу У. Льюиса «Лев и Лиса», канадский исследователь пишет: «То были дни, когда каждый итальянец казался прирожденным дипломатом: купец, литератор, вояка-авантюрист» [1, с. 180]. Ораторское искусство снова оказывается в почете. Мак-Люэн, вновь ссылаясь на исследование Льюиса, описывает такой случай, когда во время революции в Праго, изящная речь приговоренного к повешению подсты с петлей на шее, заставила палача сохранить ему жизнь. Но все же ренессансный период был детищем эпохи Гутенберга и ему было присуще усиление визуального начала, ведущего к аналитическому разделению функций не только в государстве, но и в индивидууме. Мак-Люэн это демонстрирует на проблеме «двух тел»: в XIV веке в Англии, а затем во Франции (во времена, когда королевское положение достигло небывалой высоты) появляется традиция демонстрировать в похоронных ритуалах два тела короля: политическое тело-куклу (портрет или статую) и физическое тело (фактически скрытое уже от глаз) как «разделение между частным и общественным Достоинством властителя» [1, с. 182], причем тело-кукла, сотворенная человеком, демонстрирует бессмертие политической власти в отличие от смертного тела, сотворенного Богом.

Появление телеграфа, телефона, радио стало разрушать печатную культуру. Так, Мак-Люэн заявляет: «С признанием в 1905 г. искривленного пространства галлактика Гутенберга официально распалась. Конец линейной специализации и фиксированных точек зрения сделал неприемлемым знание, разделенное на множество областей» [1, с. 371]. Детерминизм и каузальность уступают место симультанности, то есть одновременному сосуществованию причин и следствий. Аудиовизуальная эпоха являет человека «новой сбалансированной чувственности».

Национализм, как прогнозирует ученый, должен смениться интернационализмом, позволяя слиться всем разрозненным нациям в племенном единстве в одной «глобальной деревне» [3].

Процесс пирамидального делегирования полномочий и функций правителя, ставший популярным в XVI веке (описанный в «Короле Лир»), в век электроники утратит свой практический смысл, так как электронная передача информации упразднила средний класс чиновников, занятых по большей части в передаче информации от центра к периферии. И система координат «центр – периферия» (где царят амбиции и конкуренция, занятие должностей и исполнение обязанностей, страх и зависть) вновь должна перейти в систему «центр-без-периферии» (где все играют свои роли, а «король»-центр напрямую общается с «подданными», образующими его периферию). Тем самым «симультанное поле» электрических информационных структур вновь восстанавливает условия и потребность в диалоге.

В подтверждение прогнозов Мак-Люэна мы можем сказать, что современная власть, действительно, демонстрирует попытку прямого диалога власти с обществом (президент и другие представители власти имеют в Интернет свои «приемные», телевидение и радио освещают все основные политические действия и устраивают диалоги в «прямом эфире»). Но пока еще современный человек расколот и подвержен панике – в нем борются его визуальная и аудиотактильная культуры, существующее и желаемое быть, уверенность во всеилии фрагментарного анализа всех функций и действий индивида и общества и постоянные подозрения, что такое расщепление разрушает внутреннюю жизнь.

Мак-Люэн пытается найти решение этой дилеммы. Он отмечает, что большой живучестью обладает национализм, зародившийся в эпоху Ренессанса.

Основной же национального единения и инструментом политической централизации является язык, превращенный в массовый печатный продукт. Продолжением влияния национализма является личный политический конформизм. Печатная технология и сама несет в себе конфликт: с одной стороны – централизация, укрупнение сообществ, с другой – индивидуализация и оппозиция правительству. Но в этой ситуации двойственного воздействия печатного слова и неоднозначной исторической ситуации современный человек, как думает Мак-Люэн, уже способен увидеть и понять уроки прошлого: «Вполне возможно, в том, что человек до сих пор был погружен в сон разума и самогипноз, есть некая скрытая мудрость, которая лишь теперь <...> может быть осознана» [1, с. 360]. Теоретик информационной парадигмы выражает надежду даже на то, что человек никогда всерьез и не пытался упорядочить жизнь согласно принципам, навеянным Гуттенбергом, он просто проходил неизбежный исторический путь развития информационных технологий.

Но как бы то ни было, онтологическим основанием политического сознания и политической власти, на основании анализа оригинальной и самодостаточной философской системы Мак-Люэна, является господствующий способ передачи информации. Это позволяет увидеть, что политическое бытие человека возникло не само по себе, а в скрытом взаимодействии с другими формами бытия (искусством, наукой и т.д.), которые неизменно претерпевали сходные изменения в связи с развитием информационной цивилизации.

1. Мак-Люэн, М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры [Текст] / М. Мак-Люэн; пер. с англ. А. Юдина; под ред. Е. Попова. – Киев: Ника-Центр, 2004. – 432 с.

2. Поппер, К.Р. Открытое общество и его враги [Текст]: в 2 т. / К.Р. Поппер; пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс: Культур. инициатива, 1992. – 2 т.

3. McLuhan, M. War and Peace in the Global Village [Text] / M. McLuhan, Q. Fiore; produced by J. Agel. – Gingko Press Inc., 2001. – 192 p.

ФЕНОМЕН «ГИБКОЙ» ИНФОРМАЦИОННОЙ ВЛАСТИ: ПОТЕНЦИАЛ И ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ

УДК 321.015

Ю.Д. ДАЛАЕВА

Информация сегодня рассматривается как социальная сила и играет ведущую роль в общественных преобразованиях, а власть знаний и информации, оттесняя на второй план влияние денег и государственного принуждения, становится решающей в управлении обществом.

В связи с переходом общества в новую среду обитания – информационную – меняется и природа властных отношений, а также и самой власти. Так, информация и знания стали важнейшими ресурсами власти, которые позволяют достичь искомым целей, минимально расходуя ресурс власти; позволяют убедить людей в их личной заинтересованности в этих целях; превратить противников в союзников. Учитывая значимость информационного воздействия в сфере властных отношений и их динамический характер, наиболее удобной классификацией власти видится ее деление в соответствии с ресурсами, на которых она основывается: власть может быть экономической, социальной, принудительной (силовой), духовной и информационной. При этом все эти виды власти в той или иной степени интегрированы в политический процесс и оказывают на него важное воздействие.

Такие фундаментальные характеристики информационной сферы как глобальный характер информационных технологий, которые охватывают все сферы социальной деятельности человека; формирование информационного единства всей человеческой цивилизации; реализация свободного доступа каждого человека к информационным ресурсам цивилизации позволяют говорить о повышении эффективности информационной власти, обуславливая необходимость исследования ее сущности, форм проявления, природы, ресурсов и потенциала.

Информационная власть как новый феномен, порожденный информационной революцией, требует своего теоретического осмысления. Очевидна потребность в определении данной категории. При этом мы применяем следующую логику. Берем классическое определение «власти» и находим в нем недостающее звено

под названием «информация». В результате получаем определение данному феномену: «информационная власть есть способность и возможность оказывать определяющее воздействие на сознание, поведение, деятельность людей с помощью информации и коммуникации» [7, с. 11]. Оказывать наряду с «волей, авторитетом, правом, насилием» посредством развитых гуманитарных технологий, системы средств массовой информации, межличностной коммуникации.

С позиции неклассической методологии необходимо наряду с субъект-объектным подходом уделить особое внимание субъект-субъектному, при котором где в условиях демократии народ становится источником информационной власти, возрастает значение информационной демократии. С данной позиции взаимодействие между властью и народом должно иметь характер диалоговой, дискурсивной модели политической коммуникации. Это является главным элементом, отправной точкой пути развития информационной демократии [2, с. 4]. С позиции социальной информатиологии специфической методологией исследования информационной власти, информационных и политико-информационных отношений являются методы политической информатиологии. Здесь внимание акцентируется на политической информации, ее обмене, поскольку государство не может осуществлять свою политику без соответствующей политической коммуникации, без учета общественного мнения [3, с. 22–23].

Понятие «информационная власть» выходит за рамки ранее принятой «четвертой власти», соотносимой всецело со средствами классической журналистики. Информационная власть не ограничивается только журналистикой как основным субъектом воздействия на общественное сознание. Сегодня понятие «субъектность» в этом смысле существенно разрушилось. Информация как результат вначале гносеологической коммуникации, вследствие многообразия отражения отраженного, интерпретации в средствах массовой информации и

отражения людьми своей повседневной жизни, фактов бытия становится принадлежностью многих субъектов и объектов. При этом объект (читайте народ) «четвертой власти» в демократическом обществе при диалоговой парадигме информационной власти обретает свойства субъекта. В том числе субъекта информационной власти. Иначе нарушаются все критерии построения истинного информационного общества. Свойствами субъекта информационной власти обладают не только президент, премьер, министры, депутаты, журналисты, чиновники. Ею обладают простые люди – субъекты и объекты межличностного общения, которые по-своему интерпретируют медийную и бытийственную информацию. Кто не встречал на лавочках у подъездов активных старушек и не слышал их речей и оценок и власти, и передач телевидения, и деяний всего начальства? Это неформальная социальная коммуникация может заглушить любую газетную. Исследования показывают, что люди доверяют, прежде всего: родным и близким, друзьям и товарищам; коллегам по работе; соседям по подъезду, по улице и только потом средствам массовой информации.

Необходимо отметить, что понятия «четвертая власть», «власть информационная» входят в научный оборот вначале как метафоры. Но впоследствии они «обретают свойства «ключей к пониманию закономерности мышления» и даже формирование и «применение метафорического анализа к исследованию социально-политической проблемы» [1, с. 13]. И, действительно, возьмем, к примеру, метафору: «Кто владеет информацией – тот владеет миром». Можно добавить – тот управляет миром. Здесь и во многих других случаях она выражает социально-информациологическую закономерность формирования и функционирования глобального информационного пространства, и позволяет выявить его хозяев – субъектов.

При ее развитии взаимодействие между властью и народом должно иметь характер диалоговой, дискурсивной модели политической коммуникации. Для этого требуется (по-Луману) коммуникативно-информационная парадигма управления системой средств массовой информации и массовой коммуникации. Если они служат власти, государству, элите и не служат гражданскому обществу, народу, то такое состояние может привести общество к стагнации.

Необходимо отметить, что здесь как и в других делах необходимо чувство меры,

оптимизация в подаче политической информации.

Реализация потенциала информационной власти предполагает реальные возможности всех субъектов политики (государственных деятелей, политиков, деятелей культуры и искусства, журналистов) воздействовать на общественное сознание, главной целью которой является реализация, защита национальных интересов России и формирование целостного информационного общества.

Согласно Конституции РФ основным источником власти является народ как общность. Общность и власть имеют коммуникативную природу, следовательно исходным пунктом информационной демократии являются социальная и политическая коммуникация, где осуществляется обмен информацией между властью и народом.

Для раскрытия сущности информационной власти необходимо принять во внимание важный методологический подход, предложенный известным ученым Дж. Наем в книге «Гибкая власть». Ученый акцентирует внимание на власти не материальных факторов, а ценностей, информации и образов. Под «гибкой» властью понимается способность субъекта властвования получить то, что он хочет получить, через привлечение, а не через подавление или некие «проплаты» [4, с. 25]. По мнению исследователя, данная форма власти более подвижна, легко приспособляется к обстоятельствам и со временем станет наиболее важным ингредиентом, наряду с военной и экономической властью. Применительно к информационной политике демократического государства необходимо уделять особое внимание гибкой информационной власти, а особенно дискурсивной модели построения информационных отношений государства и общества. С учетом новых требований цивилизационной трансформации информационная власть обязана быть гибкой. Гибкость в нашем случае – это диалектическое единство свободы слова и ответственности за слово, это единство слова и дела.

В настоящее время происходит разрушение традиционных коммуникаций и коллективных ценностей. Это приводит к индивидуализации сознания значительной части граждан. Исследования показывают: сегодня подавляющее большинство людей получает политическую и социальную информацию исключительно от средств массовой информации, а это

приводит к тому, что экономическое и политическое поведение людей становится зависимым непосредственно от массмедиа. Это с одной стороны. А с другой – эта информация входит в противоречие с информацией бытийственной как результат гносеологической коммуникации. Поэтому актуализируется проблема информационной идентичности.

Ученый, известный журналист М.Ф. Ненашев справедливо указывает на два типа современной журналистики: социальную и либеральную. Социальная – по природе своей направлена на информирование, просвещение, защиту интересов граждан. Но «она ныне не в чести, ибо не приносит дохода». Либеральная рассматривает СМИ только как бизнес, а их продукт – как товар. Государство «на практике придерживается либерального курса». За кем идет пресса? Кому служит? Власти и богатству. И, действительно, в этих условиях трудно дожидаться «признания вины за тот вред, что она принесла сознанию и нравственности россиян. Пресса преуспела в разрушении моральных устоев общества». По критерию мы, пожалуй, догнали и обогнали Америку. И не только по моральным показателям. «Большинство наших граждан просто не могут объяснить и понять происходящие события... более 40% граждан признаются: они не понимают, что происходит в стране» [5, с. 9]. Что-то похожее на разрушение массового сознания. И пока не поздно СМИ «должны послужить духовному возрождению России». Сила науки не измеряется только долларами, евро, рублями. История возрождения стран свидетельствует, что экономический прогресс исходит из силы духа нации. А духопатия ведет в социальный мрак, к деградации нации, к смуте или социальному взрыву. Вот почему необходимо признание информационной власти и важности

ее мощного средства – государственной информационной политики.

Учитывая состояние социальной структуры российского общества и состояние его сознания важно отметить, что «информационная власть объективно, по определению обязана быть очень гибкой, поскольку она имеет дело с самым сложным и утонченным объектом воздействия – с сознанием и психикой человека. Вместе с тем она не может быть слабой, она обязательно включает в себя политическую волю, но в рамках закона и демократических норм с использованием силы информации» [8, с. 11]. Силу информации и политическую силу можно понять с позиции развивающейся энергоинформационной теории [7, с. 18].

Как отмечает Н. Луман, в современном обществе, в отличие от традиционного, именно СМИ «генерируют социальную память» и задают социальный смысл происходящих событий [9, с. 135]. Тем самым они программируют не только настоящее, но и будущее поведение граждан.

Итак, при всей важности политической и экономической и других видов власти в последнее десятилетие наблюдается стремительный рост политического влияния информационной власти. Необходимы реально действующие и динамично развивающиеся методы, основанные на «гибкости» информационной власти и информационной политики, в свою очередь, опирающихся на единство ментальной и информационной идентичности. Использование потенциала информационной власти на демократической основе – одно из важнейших условий для построения равноправных отношений социального партнерства, эффективного управления обществом, создания стабильности демократического государства.

1. Будаев Э.В. Социум и власть в зеркале метафоры: исследовательские эвристики [Текст] / Э.В. Будаев // Социум и власть. – 2008. – № 2.
2. Далаева Ю.Д. «Гибкая» информационная власть в глобальную информационную эпоху [Текст] / Ю.Д. Далаева // Вестник РАГС при Президенте РФ. – 2010. – № 2.
3. Мухамедова Л.И. Политическая информатиология как отрасль научного знания: лекция [Текст] / Л.И. Мухамедова. – М., 2007.
4. Най Дж. Гибкая власть [Текст] / Дж. Най. – М., 2006.
5. Ненашев М.Ф. Долговая яма. Наблюдения о состоянии журналистики в современной России [Текст] / М.Ф. Ненашев // Литературная газета. – 2010. – 2 – 8 июня.
6. Павлова Е.Д. Сознание в информационном пространстве [Текст] / Е.Д. Павлова. – М., 2007.
7. Попов В.Д. Информация: как открывается ящик Пандоры [Текст] / В.Д. Попов. – М., 2010.
8. Попов В.Д. Парадигмы исследования информационных процессов: лекции [Текст] / В.Д. Попов. – М., 2008.
9. Luhmann N. Die Realität der Massenmedien [Text] / N. Luhmann. – Opladen, 1996.

КОММУНИКАТИВНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗРАСТАНИЯ РОЛИ РЕПУТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

УДК 32.019.51

Е.В. КОГАН

За последнее десятилетие термин «репутация» стал широко употребляться в российском медиапространстве. Существенно возрос интерес к формированию репутации различных социальных субъектов (конкретного человека, организации, государства в целом). Все больше укрепляется мнение о том, что репутация — это определенная ценность, которая дает ряд преимуществ ее обладателю. По сведениям Михаила Горбаневского, возглавляющего Гильдию лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, в судебной практике наблюдается тенденция к росту количества исков о защите чести, достоинства и деловой репутации физических и юридических лиц [7].

В экономической сфере приходит постепенное осознание того, что устойчивость компании во время сильнейших экономических и политических потрясений обеспечивает репутация, в основе которой лежит такое понятие, как доверие. Деловая репутация является главным нематериальным активом любого бизнеса, причем активом, который, в отличие от крайне неустойчивых материальных ак-

тивов, имеет тенденцию накапливаться и возрастать, повышая тем самым акционерную стоимость бизнеса. Специалисты отмечают, что в современном мире эффективность национальной экономики очень сильно зависит от уровня взаимного доверия в обществе, которое невозможно достигнуть без выстраивания системы социальных и политических институтов, регулирующих отношения внутри страны. Именно поэтому в политической сфере также, хотя и довольно медленно, растет понимание значимости проблем формирования доверия, то есть репутационных характеристик политических акторов.

Число научных работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных корпоративной репутации, репутации политических лидеров, технологиям их формирования весьма внушительно*. В них в той или иной степени раскрывается значение терминов «репутация» и «репутационный менеджмент». И хотя в определении последнего большинство исследователей, в общем и целом, придерживается традиционной трактовки (процесс формирования и управления репутацией), вкладывают

* См. работы: Беляевой Е.Ю. (Формирование деловой репутации компаний в России. — Пенза: Приволжский Дом знаний, 2004); Букши К.С. (Управление деловой репутацией. Российская и зарубежная PR-практика — М.: Вершина, 2007.); Важиной И.С. (Теоретико-методологические основы определения репутации. — СПб.: Питер, 2003.); Даулинга Г. (Репутация фирмы: создание, управление и оценка эффективности. — М.: Имидж-Контакт, 2004.); Здобновой Т. (Пятна на солнце. Как компании управляют репутацией // Компания. — 2004. — № 28.); Иванова М. (Репутация не бывает бесплатной // Российская газета. — 2006. — № 4223.); Игнатов А.П. (Репутация компании: оценка эффективности инвестиций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.businessman.su/index/?node_id=1289 — 2004.); Кошмарова А.Ю. (Репутация политического лидера как категория социальной рефлексии. — М.: Институт психологии РАН, 2003); Крылова А.Н. (Имидж и репутация: корреляция характеристик и ее влияние на международное партнерство. — Бремен: Бременский университет, 2006.); Максимова С. (IAS: искусство иллюзии. Goodwill, или почему нынче репутация? // Русский предприниматель. — 2002. — № 5-6); Наумовой Ю. (Дорожите репутацией [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.soob.ru/n/2003/6/op/7> — 2004.); Новиченковой Л. (Деловая репутация — от системы к результату // Управление компанией. — 2007. — №2, №3.); Орловой Е. (Многоликая репутация // Эксперт-Урал. — 2005. — №45.); Стародубской М. (Репутация — ВЛОГородное дело [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pr.uz/article107.html> — 2005.); Устиновой Н.В. (Политическая репутация: сущность, особенности, технологии формирования: автореф. дис. канд. полит. наук : 23.00.02 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://elar.usu.ru/handle/1234.6789/390>).

они в это определение совершенно разные смыслы**. Это связано, в первую очередь, с отсутствием четкого понимания того, что такое репутация по своей сути.

Существуют работы, посвященные рассмотрению репутации как политической категории. Так, автор диссертационной работы на тему «Политическая репутация: сущность, особенности, технологии формирования» Кошмаров А.Ю. определяет репутацию как «образ, сформированный из внутренних (морально-этических) характеристик, определенных деловых, профессиональных качеств субъекта» [3, с. 63]. Одна из задач любого исследования, посвященного репутации, заключается в определении разницы между понятиями «имидж» и «репутация», так как очень часто грань в понимании особенностей этих терминов размыта. Автор вышеупомянутой работы определяет имидж как «образ, сформированный из внешних, психофизических, символических характеристик субъекта», это «маска», «политический макияж», создаваемые на определенное время. При этом задача политического имиджа, по мнению автора, заключается в «демонстрации репутационных характеристик» [3, с. 63].

В другой диссертационной работе, посвященной репутации политического лидера выделяются две составляющие категории «репутация»: имиджевая и содержательная. Не трудно заметить, что, по мнению исследователя, понятие «имидж» является частью понятия «репутация» и, следовательно, более узкой категорией [5].

Из всего вышесказанного следует, что, несмотря на обилие определений изучаемого нами понятия, не выработан междисциплинарный интегрированный подход к пониманию репутации, отражающий ее суть как таковой и который бы позволил эффективно применять этот термин в любой сфере социального взаимодействия. Кроме того, существует тенденция к ошибочному смешению понятий «имидж» и «репутация». Таким образом, дальнейшее теоретическое осмысление репутации

и репутационного менеджмента требует более четкого определения того, что такое репутация, какова ее структура и методы управления ею.

Суть подхода, которого придерживается автор данной статьи, заключается в том, что и имидж, и репутация есть образы сознания, в которых зафиксированы какие-то характеристики реальных субъектов. Основная разница этих понятий заключается в том, что имидж – стереотипный образ субъекта (продукта, личности, социальной структуры), размещающийся в пространстве массового сознания. Репутация же – отражение в специализированном (профессиональном) сознании индивида или социальной группы совокупности характеристик субъекта деятельности, определяющей возможности сотрудничества (взаимодействия) с этим субъектом [1, с. 6]. Этот подход основывается на том факте, что сознание любого индивида имеет многослойную структуру, которая включает массовое сознание, специализированное (групповое) сознание и индивидуализированное сознание. Есть носители сознания, имеющие разветвленную и многоуровневую структуру сознания, есть и такие, у которых все виды и уровни сознания совмещены в одном. Если у субъекта есть специализированное сознание, то репутация будет размещаться в этом слое, если нет, то репутация и имидж совпадут в массовом слое сознания [1, с. 6].

Отметим, что словосочетание «репутация субъекта» употребляется нами сознательно, при этом не определяется в какой сфере (политической, экономической или социальной) функционирует этот субъект, и является ли он отдельным индивидом, группой индивидов или организацией. Мы предполагаем, что понятие «репутация» является универсальным для всех сфер общественной жизни, так как в большей степени оно связано с функционированием сознания человека, или же, другими словами, с нематериальной реальностью.

Ключевым моментом репутации является то, что она представляет собой не то,

** Например, чаще всего репутация рассматривается как нематериальное благо. Другая точка зрения заключается в том, что репутация – приобретенное оценочное знание об известном человеке. Это, прежде всего то, что представляют о ее носителе окружающие. По его мнению, в основе репутации лежит несущая метафора, которая максимально емко выражает ее содержание. Согласно третьей трактовке, репутация – это мера доверия к кому-либо со стороны окружающих, или же набор ожиданий, которые человек вызывает у окружающих [1, с. 7].

что субъект настойчиво заявляет о себе, а то, как субъект воспринимается другими. Иначе говоря, на формирование положительной репутации оказывают большее влияние конкретные действия, которые оставляют отпечаток в сознании окружающих. Они должны подтверждать заявления субъекта репутации, но не противоречить им. Задача репутационного менеджмента – создать условия для того, чтобы информация о поступках субъекта репутации распространялась среди представителей заинтересованных сторон с наименьшими искажениями, чтобы образ субъекта максимально соответствовал реальности. Следовательно, репутация есть функция от состояния информационной среды, в которой находятся субъекты взаимодействия. Чем более содержательна и прозрачна эта среда, тем адекватнее будет репутация.

В России информационное пространство весьма специфично. Ангажированность СМИ, породившая недоверие к «свободной» прессе, традиционное недоверие к официальным источникам информации приводят к огромной доле слухов в общем объеме информации. Все это создает дополнительные сложности для специалистов, работающих с информацией, хотя, конечно, иногда прибавляет и возможности. Открытость информации, информационная прозрачность есть одно из первых условий естественного формирования репутации.

Актуальность изучаемой проблемы обуславливается постепенным осознанием субъектами современной российской политической жизни значимости репутации в формировании устойчивых позиций не только на политическом рынке страны, но и в мировом пространстве. Важно понимать, что репутация субъекта – важнейший канал информации о нем, поскольку в ее основе лежит информация, которая постоянно продуцируется самим субъектом и заинтересованными сторонами, с которыми он взаимодействует. Неконтролируемые потоки информации стихийно формируют общественное мнение, которое в таком случае может иметь непредсказуемое влияние на успешность взаимодействия политических акторов. Именно поэтому возникает потребность в грамотном репутационном менеджменте, суть которого в отборе, структурировании и правильном использовании информации в целях наибольшей эффективности политической коммуникации. В

этом контексте расходы на поддержание и развитие репутации начинают рассматриваться как инвестиции, приносящие реальную отдачу.

Очевидно, что исследуемая проблема имеет множество различных аспектов. Политика, как отмечают сегодня многие исследователи, становится неотделимой от использования коммуникативных технологий. Политическое пространство формируется по законам информационного общества, которое делает возможным участие широких масс населения в политическом процессе. Из этого следует существенное отличие современного процесса формирования репутации, успех которого в большей степени зависит не от конкретных дел политических акторов, а от грамотного применения коммуникационных технологий. Именно поэтому коммуникация лежит в основе репутации. В этой связи необходимо учитывать особенности каждого из компонентов коммуникационного процесса: адресанта (субъект репутации), адресата (заинтересованные стороны), сообщения (информация), кода, канала, ситуации (барьеры и помехи), результатов (эффективность).

Для того чтобы репутационные характеристики субъекта эффективно транслировались в информационном поле, необходимо создание условий наиболее оперативного распространения понятной аудитории информации, с наименьшим количеством искажений. Важным инструментом формирования такого коммуникационного процесса является политика информационной открытости всех социальных структур: власти, бизнеса, коммерческого сектора, которая обеспечивается чувством взаимной ответственности и ориентированностью на достижение компромиссного решения социальных и политических разногласий. Социальная среда оказывает существенное влияние на восприятие и оценку социальных субъектов друг другом, она определяет критерии оценки и отношений. Чем больше в обществе социальных групп, разделяющих общие ценности и имеющих схожие представления о принципах взаимодействия, тем более будет распространено доверие, и тем проще и эффективнее будут проходить коммуникационные и интеграционные процессы. Именно поэтому, на наш взгляд, репутация может быть эффективным механизмом социального взаимо-

действия только в обществах с развитыми гражданскими институтами, которые позволяют создать условия для партнерского взаимодействия государства, бизнеса и населения.

С давних времен солидарность, доверие и ответственность являются важнейшими предпосылками, от которых зависит репутация. Эти характеристики лежат в основе способности людей объединяться и договариваться, в основе социального капитала любого общества. В своей книге «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» Фрэнсис Фукуяма определяет доверие как «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [6, с. 52]. Доверие позволяет людям более свободно и оперативно сотрудничать, так как существенно сокращается время на определение формальных правил и регламентаций взаимодействия. По данным, опубликованным в ежегодном Докладе Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в стране, в современной России фиксируется низкий уровень доверия среди населения. Лишь 33% респондентов считает, что людям доверять можно, 59% опрошенных полагает, что с людьми нужно быть осторожным. Однако значения этих показателей существенно варьируются в зависимости от региона [2, с. 6].

Результаты исследований по определению уровня социальной ответственности в стране также довольно пессимистичны. «Декларируемая ответственность россиян максимально проявляется в семье, чуть менее заметно – на работе, но уже на уровне населенного пункта становится очень и очень небольшой. Это тревожный сигнал, который свидетельствует о том, что жители страны не чувствуют свою ответственность ни за происходящее в стране, ни тем более в мире. Причина этого, вероятнее всего, в том, что гражданам недостает каналов действенного влияния, для того чтобы реализовать чувство ответственности на практике» [2, с. 6]. В любом демократическом обществе такой площадкой для демонстрации гражданских интересов выступает некоммерческий сектор. В России основным источником информации об активности третьего

сектора общества на сегодняшний день являются неформальные связи («сарафанное радио»). СМИ достаточно пассивны в освящении этих вопросов. В результате у граждан страны совершенно отсутствуют достоверные источники информации относительно того, каким образом можно проявить свою гражданскую активность, высказать свое мнение относительно какого-либо социального значимого вопроса. Процесс коммуникации между властью и обществом носит сугубо односторонний характер. Аудитория массированно атакуется псевдодостоверными, значительное количество которых составляет «информационный шум». Большая часть органов власти и иных субъектов общественных отношений сознательно проводят политику информационной закрытости, которая позволяет создать благоприятные условия для применения технологий общественного манипулирования, когда основные политические решения принимаются гражданами не на основании взвешенной оценки имеющейся информации, а неосознанно, под воздействием эффективно применяемых технологий. В таких условиях не приходится говорить о существовании информационной прозрачности и адекватности информационного поля происходящим в стране политическим процессам. Все это создает крайне ограниченные условия для формирования диалога между властью, бизнесом и обществом.

Приведенные выше факты говорят о том, что в России репутация, безусловно, еще не успела завоевать столь прочные позиции в числе нематериальных активов субъектов социального взаимодействия, как в развитых странах с устойчивыми демократическими принципами управления и рыночной системой мышления. Тем не менее некоторые исследователи обозначают ряд предпосылок формирования и повышения роли репутации в современном российском обществе. Так, Дмитрий Травин проводит анализ «очагов зарождения новой культуры доверия (т.е. той культуры, которая сегодня влияет на принятие решения о сотрудничестве с различными социальными субъектами – прим. автора) в старом российском обществе» [6, с. 721], под которым понимается существовавшая до 1992 года социальная организация. Автор выделяет шесть таких очагов:

1. Старая советская партийно-хозяйственная номенклатура, которая «в ходе

постоянного бюрократического торга привыкла к мысли о том, что добиться неких результатов можно, лишь договариваясь по-хорошему с партнером».

2. Комсомольско-молодежный бизнес, который имел свою специфику – быстрый переход к рынку уже в середине 80-х годов. Совместное ведение мелкого бизнеса, скрепленное часто совместным «отмечанием деловых достижений», порождало новые отношения доверия.

3. Отношения членов «студенческих братств». Это понятие автор употребляет достаточно условно, подразумевая отношения, которые складываются в компаниях однокурсников за период обучения.

4. Преступные группировки, в основе которых лежит репутация силы и насилия.

5. Боевое братство, у которого есть основание считать, что на военного человека вполне можно положиться и при решении гражданских вопросов.

6. Представители других национальностей в стране, которые объединяются по принципу «свои среди чужих» [6, с. 721-728].

Безусловно, в каждой из приведенных групп, преобладают свои ценностные критерии для формирования доверительных отношений, которые позволяют субъектам внутри отдельного сообщества принимать решение о взаимодействии с другими его членами, основываясь на репутации последних. Однако коммуникации между приведенными выше группами будут осуществляться намного сложнее, так как их члены не имеют общих критериев межгрупповой оценки. Следовательно, различные группы внутри одного государства развиваются довольно обособленно, что существенно сказывается на темпах и экономического, и социального, и политического развития страны в мировом контексте.

Кроме того, по данным директора «Левада-центра» профессора Льва Гудкова, опрос среди представителей современной российской элиты, проводимый центром в 2005 – 2007 гг., выявил в ответах респондентов очень устойчивое мнение: «...необходимы реформы суда, расширение информационной свободы, возврат к представительской системе, к реальной политической конкуренции» [4]. Это говорит о том, что среди представителей влиятельных групп постепенно формируется потребность менять существующие правила политической игры на более открытые и в меньшей степени зависимые от воли власти. В таких условиях реальной конкуренции и информационной открытости репутация выступает одним из основных механизмов регулирования социального взаимодействия.

В качестве заключения отметим, что любая социальная система, развиваясь и выходя на новые, более широкие арены действий, требует устойчивой и надежной основы для своего функционирования, и в этой ситуации невозможно переоценить значение хорошей репутации, которую нельзя сформировать в короткие сроки по средствам информационной активности в СМИ. В современной России возможности от обладания хорошей репутацией не столь очевидны, как, например, в развитых странах. Изолированность различных социальных групп друг от друга создает дополнительные трудности в развитии всего общества, но некоторые тенденции увеличения роли репутации, обозначенные нами выше, все-таки наблюдаются, что позволяет нам предположить, что общественный и научный интерес к этому явлению в будущем будет только расти.

1. Дзялошинский, И. Коммуникативная природа имиджа, репутации, бренда [Электронный ресурс] / И. Дзялошинский // PR-Линия. – 2008. – № 2. – С. 6–8. – режим доступа: <http://www.pr-line.ru/Archive2008/journal/stol.asp>

2. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации [Текст]. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2008. – 88 с.

3. Кошмаров, А.Ю. Репутация политического лидера как категория социальной рефлексии [Текст] / А.Ю. Кошмаров // Рефлексивные процессы и управление. Тезисы IV Международного симпозиума / под ред. В.Е. Лепского. – М.: Институт психологии РАН, 2003. – С. 62–64.

4. Семеркин, А. О трех головах [Электронный ресурс] / А. Семеркин. – Режим доступа: <http://www.e-xecutive.ru/knowledge/announcement/1163534/>

5. Устинова, Н.В. Политическая репутация: сущность, особенности, технологии формирования: автореф. дис. канд. полит. наук / [Электронный ресурс] / Н.В. Устинова. – Режим доступа: <http://elar.usu.ru/handle/1234.6789/390>

6. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 730 с.

7. Шенкман, Я. Гадина, свинья и козел [Электронный ресурс] / Я. Шенкман. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2005-12-14/7_smi.html – 2005.

УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 341.71

И.В. ДЕНИСОВА

Проблема политической социализации является одной из центральных в теоретическом осмыслении социально-политической жизни общества. Политическая социализация представляет собой сложный диалектический процесс включения индивида в политическую систему, в ходе которого, с одной стороны, политическая система самовоспроизводится, рекрутируя и обучая новых членов, выполняя роль механизма сохранения политических ценностей и преемственности поколений в политике. С другой стороны, требования политической системы переводятся в структуры личности, формируется ее политическое сознание и поведение, происходит становление личности-гражданина как полноправного субъекта политики.

Специфика политической социализации (ее механизмы, институты, факторы, модели, результат) определяется тем, в каком состоянии пребывает общество, а, следовательно, политическая система и политическая жизнь в целом. Одно дело, когда общество пребывает в состоянии стабильного и устойчивого развития. Другое – когда оно переживает глубокий системный кризис. Третье – когда социальная система трансформируется в новое качественное состояние.

Сегодняшнее состояние российского общества характеризуется как переходное, сопровождающееся кризисом институциональной системы, сложившейся системы политических отношений и ценностей. С одной стороны, демократизация политической сферы жизни открывает широкий доступ к участию в политике, с другой стороны, наблюдается политическая апатия, отчуждение от политики.

Обе тенденции связаны с разрушением целостной системы политической социализации, ее основных каналов, транслирующих базовые ценности от системы к личности.

В ситуации разбалансированного институционального влияния на личность ис-

следование проблемы политической социализации приобретает особую актуальность.

На наш взгляд, основным фактором, отражающим тенденции в сфере политической социализации, является участие в выборах как основная форма политического участия граждан, и как индикатор легитимности власти и политической системы в целом.

Категория «политическое участие» (political participation) вплоть до середины XX в. трактовалась преимущественно как участие в государственном управлении и выборах политических деятелей различных уровней власти – местном, региональном, общенациональном. Впоследствии это понятие стало применяться к действиям, предпринимаемым членами социально-политической общности на индивидуальной или групповой основе, активно участвующих каким-либо способом в осуществлении политики в рамках политической системы любого типа [8, с. 239]. В современных политических исследованиях к политическому участию относятся, как правило, две формы политической деятельности: 1) Пассивное политическое участие: а) участие в голосовании на всех выборах и референдумах; б) право быть избранным во все общественные выборные органы. 2) Активное политическое участие: а) участие в формулировании правительственной политики и последующем ее осуществлении, замещении должности и выполнении всех государственных обязанностей на всех уровнях управления; б) принятие участия в деятельности неправительственных организаций и ассоциаций, связанных с общественной и политической жизнью страны [15]. В последние десятилетия политическое участие рассматривается западными исследователями (С. Верба, М. Каазе, Дж. Ким, Л. Милбрайт, Н. Най, К. Пэтмен, Г. Перри и др.) как один из критериев качественных особенностей исторически существовав-

ших и современных политических систем, который характеризует результат взаимодействия не только политических институтов, социально-экономических интересов и сил, но и национально-культурных традиций, политической культуры.

Несмотря на масштабность изменений в социально-политической системе современной России отмечается низкий уровень участия граждан в политической жизни общества. Особенно это характерно для молодежной среды. Результаты социологических исследований свидетельствуют, что большинство молодежи индифферентно относится к любым формам социально-политической деятельности. По данным Госкомстата России, а также министра РФ Ю.Я. Чайки в 2002 году насчитывалось 135 тысяч негосударственных общественных организаций и политических партий [10], 427 тысяч молодежных и детских общественных объединений [7, с. 120]. Но только 1,6% молодых людей причисляют себя к какой-либо политической партии и только 6,3% входят в молодежные объединения и движения [7, с.125]. У основной части молодых людей отсутствуют навыки политической деятельности, что объясняется неразвитостью самоуправленческих начал, отсутствием жизненного опыта. На данный момент сложно говорить о молодежных организациях как о политически ориентированных структурах, так как многие из них находятся на этапе институционализации. А ведь именно негосударственные общественные объединения и политические партии являются важнейшими агентами политической социализации и посредниками политического участия. Становление политических партий в сегодняшней России сопровождается рядом таких специфических особенностей, как ставка на популярного политического лидера, максимальное использование информационного пространства, монополизация партийно-политического поля федеральной бюрократией, узость социальной базы в сочетании с опытом многолетней практически-политической деятельности [2; 6; 11]. Деятельность политических партий вообще не затрагивает широкие слои общества. Во многом это связано с отсутствием реальной политической конкуренции. Результаты глубинных интервью с руководителями общественных организаций и результаты опроса населения и активистов показали,

что, существующие сегодня общественные организации и политические партии в большинстве своем самодостаточны и мало заинтересованы в привлечении широкого круга людей к своей деятельности. Поэтому они остаются малочисленными, а в организационном отношении достаточно слабыми, имеющими, как правило, популистские лозунги и программы [6]. Такая размытость идеологических и политических ориентиров деформирует процесс политической социализации, затрудняет формирование ее устойчивой модели.

Показателем, отражающим основные тенденции в сфере политической социализации, являются выборы и как основная форма политического участия граждан, и как индикатор легитимности власти и политической системы в целом. Анализ мотивов, оказывающих решающее значение на выбор российских избирателей в 2003, 2007, 2010 гг. [2; 3; 4; 6; 12], показал, что наиболее отчетливо выделяются, во-первых, «условно-рациональный» мотив, связанный с оценкой собственных условий существования, с условиями существования других социальных групп и т.п. (около 10%). Эта группа избирателей характеризуется мобильностью, неустойчивостью политических предпочтений. Ее представители – выходцы из наиболее образованных средних слоев населения. Они молоды, хорошо информированы, скептически настроены в отношении идеологий. Их участие в электоральном процессе определяется конкретной позицией по отношению к отдельным, как правило, экономическим проблемам. Такой тип электорального поведения анализируется М. Фиориной в рамках теории «ретроспективного голосования» и Х. Химмельвейт в теории «избирателя как потребителя». Акцент здесь ставится на индивидуальном, инструментальном электоральном выборе и партийных предпочтений в зависимости от перечня конкретных проблем и интересов избирателя. Во-вторых, – традиционалистский мотив, связанный со спецификой первичной и вторичной политической социализации, особенностями жизненного опыта и др. В этой группе избирателей преобладает партийная и/или идеологическая идентификация. Групповая основа голосования отвергает личностную трактовку политических предпочтений. Именно такие избиратели обеспечивают потенциальную базу

и опору политических партий. Голосование для них выполняет роль инструмента для демонстрации своей политической идентификации. В-третьих, – эмоциональный мотив, связанный со степенью недовольства прошлым и настоящим, верой в каких-либо лидеров, обладающих харизматическими качествами и т.д. [10;12]. Данный мотив, на наш взгляд, является прямым отражением патерналистских тенденций, преобладающих в российском обществе. Большинство граждан не в состоянии, да и не имеют желания, разобраться в причинах и закономерностях своего положения. Любой, предлагаемый властью вариант выхода из кризиса, воспринимается через дихотомию «верю» – «не верю». Эмоциональное поведение избирателей зачастую провоцирует власть принимать решения, которые могут только частично разрешить сиюминутные проблемы, но не приводят к разрешению системного кризиса. Поэтому какой-либо рациональный выбор предлагаемых путей выхода из кризиса путем голосования вряд ли будет оправданным.

Однако, представляется, что само по себе участие в голосовании, несмотря на всю его важность, не является достаточным показателем политического участия. Действительная активность, предполагающая компетентность и осознанную политическую деятельность, всегда была уделом незначительного меньшинства населения. На сегодняшний день тех, кто выступает организатором коллективных социально-политических действий или активно участвует в них, менее 1% [10]. Так, довольно большое число россиян относят себя к аполитичным гражданам (20% – во время выборов в 2003 г.; 17% – в 2007 г. [10]. Респонденты, не участвовавшие в голосовании, объясняют это отсутствием интереса к политике. Самую большую группу здесь составляют лица 18–24 лет (24%) и старше 60-ти лет (11%) [10]. Это позволяет некоторым исследователям акцентировать внимание на отсутствии установки на активную роль в политике и преобладании патриархальных тенденций в политической культуре россиян. В декабре 2007 г. голосовали по привычке – потому что «всегда ходят на выборы» – 29% россиян [10]. Следует отметить то, что данный факт можно трактовать и по иному. Существование активистских и пассивных ориентаций в политике не противоречит демократическим преобразованиям общества, а

их сочетание с подданическими ориентациями позволяет говорить о тенденциях, связанных со становлением гражданского типа политической культуры (об этом: [1]). Так, анализ мотиваций участия/неучастия в выборах в Государственную Думу РФ в 2007 г. показал, что 60% россиян, принявших участие в голосовании, считают, что участие в выборах – это, прежде всего гражданский долг [3]. Кроме того, такой вывод может быть оправдан, если учитывать традиционные особенности российского абсентеизма, имеющего объективные причины. Это, прежде всего, сложность и высокая динамичность политических процессов; наличие в общественном сознании предубежденности в оценке многих аспектов политической жизни; ошибки государственной власти; наличие на политической сцене множества политических субъектов; недостаточность объективной информации об их деятельности и содержании политических программ. Социологами отмечается и так называемый «бытовой» абсентеизм: отсутствие на момент голосования в городе, плохая погода, болезнь и т.п. (30%) [3]. Кроме того, на уровень политического участия влияет и свобода выбора, право выбора между участием и неучастием в политическом процессе. Поскольку лишь незначительное число россиян действуют в соответствии с концепцией «рационального выбора», вопрос о социализирующей роли политических партий стал важной составляющей политической стратегии, нацеленной на выборы 2008 г. В декабре 2007 г. только 37% избирателей мотивировали свое участие в выборах желанием оказать поддержку тем партиям и кандидатам, которым они доверяют [4]. Такая ситуация во многом связана с разочарованием большинства избирателей деятельностью многих депутатов и политических лидеров. Методы работы с населением и активистами и у партий, и у общественных организаций, и у местных властей достаточно однообразны. Для активистов – это, как правило, беседа с представителями лично или по телефону, для населения – письмо в почтовый ящик, плакат с призывом и объявления в подъезде [9, с. 22].

Низкий уровень жизни, отсутствие дееспособной многопартийной системы и реальной возможности воздействовать на политические процессы, заставляет граждан по старой привычке доверять тем, кто

уже занимает статусные позиции в политической системе и полагаться на ответственность исполнительной власти. Таким образом, избиратель признает свою политическую несостоятельность и передоверяет судьбу за устройство государства «партии исполнительной власти», взвалив на нее и всю полноту ответственности за принимаемые решения, высказав пожелания, чтобы преобразования происходили не так болезненно и, желательно, к лучшему. Справедливые выборы обеспечивают легитимность власти и всей политической системы. То есть представления о справедливой власти формируются через представление о справедливых способах формирования этой власти. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ, проведенный 8 – 9 декабря 2007 г. в 153 населенных пунктах и в 46 областях, краях и республиках России, показал: 53% россиян считают, что выборы в Государственную Думу РФ прошли в открытой, демократичной и честной политической борьбе, то есть признали их справедливыми. Противоположного мнения придерживаются 19%. Полностью доверяют результатам парламентских выборов – 45% (в 2003 г. – 39%), не верят официальным результатам – 12% опрошенных [4].

Таким образом, анализ политической активности россиян показывает, что гражданское общество в России пока не сформировалось. Одним из показателей этого выступает также весьма ограниченное участие граждан в неправительственных общественных организациях. Две трети населения относится к так называемому молчаливому большинству, которое никогда и ни в каких формах коллективной социально полезной деятельности не участвовало. Только 9% опрошенных россиян за последний год, кроме выборов, принимали участие в какой-либо коллективной общественной деятельности. Это участие в избирательной кампании (11% за последние 10 лет), подписи под коллективными письмами (обращения в СМИ и органы власти – 8%), денежные пожертвования в пользу какого-нибудь общественно полезного проекта или организации (7%). К протестным формам участия (митинги, демонстрации, забастовки и индивидуальные формы протеста) прибегают за последние 10 лет лишь 6% опрошенных россиян [17]. Если сравнивать эти показатели с периодом начала 1990-х гг., когда в процессе трансформации проявились его первые «печальные» результаты, к протестным формам поведения прибегали от 28% до 37% россиян,

более 40% респондентов в различных регионах высказывались за возможность участвовать в конфликтах [14, с.72]. Сегодня эмпирические исследования показывают, что около 50% россиян стабильно ни при каких условиях не согласны принимать участие в тех или иных формах протеста. Среди тех же, кто считает для себя возможным протестовать, от 32% до 44% высказываются за «мягкие» формы политического и социального протеста и только 8% – за насильственные действия [3].

Истоки и механизм политического протеста, как правило, рассматриваются в рамках теории депривации (Р. Мертон, В. Руинсимана, С. Стауффера) (см., например, [13]). Исследование феномена депривации – состояния крайней неудовлетворенности индивида при сопоставлении ожидаемого и реального положения, в целях деятельности и ее результата – показало, что она проявляется по-разному в зависимости от стабильного или кризисного состояния общества. Снижение показателей депривации – мотивации участия в протестных действиях – в современной России свидетельствует о наличии стабилизационных тенденций в развитии общества и некоторыми изменениями в социально-психологическом самочувствии россиян. Последнее проявляется во «внутреннем оптимизме», связанном с ощущением наполненности и осмысленности жизни. Исследователи объясняют этот феномен традиционными особенностями русского характера. В его основе – первичность и ценность межличностного общения, составляющего фундамент соборности и коллективизма [14, с. 353]. Чувство собственного достоинства остается основным фактором и адаптационным механизмом политической социализации в условиях выживания в экстремальной экономической и социально-политической среде.

Самой массовой формой участия населения в политике и управлении является участие в выборах. Россия по вовлеченности в эту форму политического участия мало чем отличается от западных демократий. В среднем российские граждане – и активисты, и население – участвуют в голосовании не менее активно, чем в подавляющем большинстве из них. Однако население рассматривает участие в выборах не столько как канал вовлечения в выработку и принятие управленческих решений или как инструмент диалога с властью по согласованию интересов и политического курса,

а скорее как способ выразить свою поддержку или протест властям и политикам. Отсюда и высокий потенциал протестного голосования, проявляющийся в такой форме как абсентеизм и подача голосов за оппозиционные власти партии и кандидатов.

В целом, избирательный процесс можно считать определяющим показателем степени включенности ценностей правовой демократии в структуру массового сознания. Воздействуя на мысли, чувства, интересы, ценностные ориентации, потребности личности, он обладает мощным образовательным и воспитательным потенциалом, выполняя при этом регулятивную функцию – функцию непрерывной политической социализации. Именно через политическое участие индивид осознает свою причастность к миру политики и обществу в целом. А в кризисные периоды социального развития, когда происходит переоценка многих ценностей и норм, политических взглядов и убеждений сила его воздействия должна проявляться наиболее ярко. Сегодня социологи констатируют две противоречивые тен-

денции. С одной стороны – это «тормозящие» факторы, связанные с отсутствием реальной политической конкуренции, коррупционной составляющей основных властных институтов и правовым сдерживанием гражданских инициатив. С другой стороны – готовность рядовых граждан принимать участие в различных формах общественно-политической деятельности (56%), которые ждут, когда их кто-нибудь организует [3].

Как политический институт выборы выступают своеобразным «камертоном», улавливающим тенденции процесса политической социализации. Победа на выборах определенной политической силы и ее устойчивое закрепление на политической арене способно создать прецедент формирования доминирующих моделей политической социализации. Поэтому важно выработать такую модель политической социализации, которая стимулировала бы рост политической сознательности граждан, понимания ими своей созидательной роли в политической системе общества.

1. Алмонд Г. Гражданская культура и стабильная демократия [Текст] / Г. Алмонд, С. Верба // Политические исследования. – 1992. – № 4. – С. 122–134.
2. Возмитель, А. Выборы и выбор россиян [Текст] / А. Возмитель // Власть. – 2004. – № 2.
3. ВЦИОМ: Большинство россиян не хотят участвовать в акциях протеста (28.01.2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/11309.html?no_cache=1&Hash=5b3dd3e623&print=1 (дата обращения: 07.02.2009).
4. Выборы – 2007: были ли они честными, свободными, демократичными? [Электронный ресурс] // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 838. – Режим доступа: URL <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/single/9391.html>... (дата обращения: 21.12.2007).
5. Выступления протеста возможны, но их участники в большом дефиците [Электронный ресурс] // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1128 (25.12.2008). – Режим доступа: URL http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii/arkhiv/item/single/9875.html?no_cache=1&Hash=... (дата обращения: 07.02.2009).
6. Гаман-Голутвина, О.В. Российские партии на выборах: картель «хватай всех» [Текст] / О.В. Гаман-Голутвина // Политические исследования. – 2004. – №1.
7. Государственный доклад: «Проблемы молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации: 2003 год» [Текст]. – М., 2004. – 223 с.
8. Грачев, М.Н. Политическое участие [Электронный ресурс] / М.Н. Грачев // Зарубежная политология: словарь-справочник / под ред. А.В. Миронова, Г.А. Цыганкова. – М.: Социально-политический журнал, Независимый открытый университет, 1998. – С. 239–241. – Режим доступа: URL http://grachev.62.narod.ru/Grachev/n26_98st.html (дата обращения: 25.12.2007).
9. Заславская, Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе [Текст] / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 2005. – № 4. – С. 13–25.
10. Институт сравнительных социальных исследований (CESSI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL [http://www.cessi.ru/index.php?id=20&tx_ttnews\[tt_news\]=57&tx_ttnews\[backPid\]=3&cHash=7b76b54017](http://www.cessi.ru/index.php?id=20&tx_ttnews[tt_news]=57&tx_ttnews[backPid]=3&cHash=7b76b54017) (дата обращения: 13.03.2008).
11. Кувалдин, В.Б. От «электоральной пирамиды» к «партии власти» [Текст] / В.Б. Кувалдин, М.В. Малютин // Политические исследования. – 2004. – № 1.
12. Макаренко, Б.И. Парламентские выборы 2003 г. как проявление кризиса партийной системы [Текст] / Б.И. Макаренко // Политические исследования. – 2004. – № 1. – С. 15–16.
13. Мертон, Р. Социальная структура и аномия [Текст] / Р. Мертон // Рубеж: альманах социологических исследований. – 1991. – №2. – С. 89–105.
14. Осипов, Г.В. Реформирование России: мифы и реальность (1989 – 1994) [Текст] / Г.В. Осипов, В.Н. Иванов, В.К. Левашов и др. – М.: Academia, 1994. – 384 с.
15. Политическое участие (Political participation) [Электронный ресурс] // Словарь по правам человека. – Режим доступа: URL <http://www.biometrica.tomsk.ru/index.htm> (дата обращения: 24.12.2007).

АНАЛИЗ ТРЕНДОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ЯВКИ ЗА ПЕРИОД С 1979 ПО 2009 ГОДЫ НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ

УДК 324

О.Г. ГОРЧАКОВА

В июне 2009 года прошли очередные, седьмые по счету, выборы в Европейский парламент (ЕП). Результаты выборов с новой остротой подняли вопрос о снижении избирательной явки в странах Европейского союза. Несмотря на ожидания, связанные с новыми членами (в основном государства восточной Европы) и надежды на повышение значимости как Европейского союза в целом, так и Европейского парламента в частности, результаты выборов разочаровали большинство наблюдателей. Средняя явка на выборах 2009 года упала еще на 2% к предыдущим выборам 2004 года, составив всего 43,08%. За весь период проведения выборов в ЕП, (в 2009 году им исполнилось ровно 30 лет) «потеря» европейского электората составила 20%! Это дает серьезные основания евроскептикам ставить под сомнение саму идею общеевропейских выборов, поскольку легитимность института, в формировании которого принимает участие меньше половины электората, вызывает оправданные вопросы. Многие европейские политики оценили такое снижение как «критичное» и использовали и продолжают использовать его как один из политических козырей против усиления влияния ЕС на национальную политику.

Однако, автор статьи предлагает рассмотреть данную проблему более детально. При анализе избирательной явки в динамике на уровне отдельных стран членов ЕС и сравнении трендов на национальном и европейском уровнях можно наблюдать гораздо более разнонаправленные тенденции (см. таблицу №1 и рисунки 1 – 8). Очевидный отрицательный тренд наблюдается в семи из пятнадцати стран ЕС: в Австрии, Германии, Франции, Греции, Испании, Италии и Португалии. Можно было бы говорить об отрицательном тренде также в Нидерландах, но в 2004 году явка в этой стране выросла почти на 10%. В Великобритании же она растет быстрее (с 1979 по 2004 год прирост составил 6,5%).

В Дании, Бельгии, Люксембурге, Швеции явка довольно стабильна (девиация от среднего значения не превышает 2,5%). В Ирландии также явка меняет свой тренд от выборов к выборам, но девиация более значительная – до 10%. Очень резкое изменение явки можно наблюдать в Финляндии, где явка то падала на 30%, то вырастала на 10%. В Испании явка росла в период с 1984 по 1999 год (прирост составил 10,4%), но за весь период она снизилась на 23,8%. В остальных государствах отрицательный тренд не так очевиден.

Таблица 1.

Избирательная явка на Европейский парламент с 1979 по 2009 год*

Страна	1979	1984	1989	1994	1999	2004	2009
ЕС, средняя явка	63	61	58,5	56,8	49,4	45,5	43,08
Австрия	-	-	-	67,7 (1996)	49	42,43	45,97
Бельгия	91,6	92,2	90,7	90,7	90	90,81	90,39
Дания	47,5	52,3	46,1	52,9	50,4	47,9	59,54
Финляндия	-	-	-	60,3 (1996)	30,1	41,1	40,3
Франция	60,7	56,7	48,7	52,7	47	42,76	40,65
Германия	65,7	56,8	62,4	60	45,2	43	43,3
Греция	78,6 (1981)	77,2	79,9	71,2	70,7	63,4	52,63
Ирландия	63,6	47,6	68,3	44	50,5	59,7	57,6
Италия	85,5	83,9	81,5	74,8	70,8	73,1	65,05
Люксембург	88,8	87	87,4	88,5	85,8	90	90,75
Нидерланды	57,8	50,5	47,2	36	29,9	39,3	36,75
Португалия	-	72,2 (1987)	51,1	35,5	40,4	38,6	36,77
Швеция	-	-	-	41,6 (1996)	38,3	37,8	45,53
Испания	-	68,9 (1987)	54,8	59,1	64,4	45,1	46
Великобритания	31,6	32,6	36,2	36,4	24	38,1	34,7
НОВЫЕ ЧЛЕНЫ ЕС							
Венгрия						38,5	36,3
Кипр						71,19	59,4
Польша						20,87	28,25
Мальта						82,37	78,79
Латвия						41,34	20,98
Литва						43,38	53,7
Словакия						16,96	19,64
Словения						28,3	28,25
Чехия						28,32	28,22
Эстония						26,83	43,9

* International IDEA Archive, Turnout Database, URL: <http://www.idea.int/vt/viewdata.cfm> (дата обращения 2.02.2010)

Более того, если мы внимательно посмотрим на результаты явки в 2004 году, то увидим, что существенный вклад в падение средней явки в ЕП внесли новые члены ЕС. В частности, самая низкая явка за всю историю общеевропейских выборов наблюдалась в Словакии, где она составила 16,96%. Если мы исключим «новичков», то увидим, что средняя явка в ЕП (15 стран) в 2004 году не только не снизилась, а наоборот выросла к предыдущим выборам в 1999 году на 3,47% и составила 52,87%. А разница между явкой в 15 «старых» членах ЕС и «новых» составила 7,37%. В 2009 году явка в 15 странах составила 52,4%, то есть, практически не изменилась.

Для того чтобы подтвердить, либо опровергнуть позицию «евроскептиков» о том, что причиной снижения явки является снижение авторитета ЕП, автор предлагает сравнить тренды в явке в национальные выборы с трендами в европейских выборах. Для этого формируется выборка из стран с наибольшим количеством электоральных циклов в Европейский парламент (то есть семь), что позволит наблюдать динамику изменения избирательной явки на максимально большом промежутке времени. Под данное условие попадают такие страны, как: Великобритания, Италия, Германия, Франция, Дания, Нидерланды, Греция, Ирландия, Бельгия и Люксембург. Последние два государства можно исключить, так как в них применяется система обязательного голосования и явка, как на национальном, так и на европейском уровне, остается стабильно высокой. Если в результате нашего сравнительного анализа мы выясним, что явка падает только в выборах в ЕП, тогда, скорее всего, «евроскептики» правы и причины падения явки нужно искать в изменении отношения избирателей к Европейскому проекту.

Великобритания. За тестируемый период в Великобритании прошло семь выборов в национальный парламент (палату общин) и семь выборов в Европейский парламент. Средняя явка на национальных выборах составила 70,66%, а в европейских – почти на 40% меньше, составив 33,34%. Явка на выборах в национальный парламент была практически стабильна до 1997 года, девиация в пределах 1 – 2%, все последующие выборы показывали значения ниже средних (отрицательный

тренд). Если явка в 1997 году упала на 6% по сравнению с предыдущими выборами, то в 2001 году – уже на 12,2%! В последующие выборы она немного выровнялась, но уже не вернулась к стабильным 70% 70-х, 80-х и начала 90-х годов.

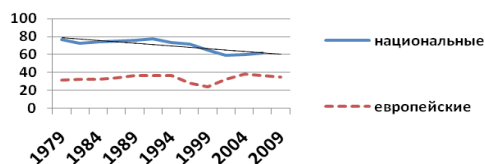

Рисунок 1. Тренды в избирательной явке в Великобритании на национальном и Европейском уровнях

Схожую ситуацию мы можем наблюдать и в европейских выборах. Явка до выборов 1999 года также показывала довольно стабильные значения (1979, 1984 – чуть более 30%, 1989, 1994 – чуть более 36%), хотя и с большей девиацией от средних значений (2 – 3%). Однако в выборах 1999 года явка упала сразу же на 12,4%, достигнув рекордно низкой отметки в 24%, (на тот момент – это была самая низкая явка за весь период выборов в ЕП). Аналитики объясняют такое резкое падение явки, во-первых, сменой избирательной системы (в выборах 1999 года Великобритания впервые использовала пропорциональную систему), а во-вторых – войной на Балканах. Тем не менее последующие выборы выровняли ситуацию, вернувшись к прежним и даже чуть более высоким значениям.

Если сравнивать динамики избирательной явки на выборы в национальный и Европейский парламенты, то мы можем увидеть, что до 1997 (для национальных) и до 1999 года (для европейских) ярко выраженной динамики не наблюдалось, явка была скорее стабильной, с небольшим приростом (1,4% и 5,8% соответственно). Однако, начиная с 1997 года, динамики и тех и других выборов показывают разнонаправленные векторы. Явка на выборы в Европейский парламент вернулась к прежним значениям и продолжает расти, явка же в национальный парламент упала на 15% и, видимо, будет либо падать, либо оставаться в пределах новых значений (60% +/- 3). Почему произошла такая значительная «потеря» электората пока не понятно, как не понятны и причины прироста

электората в Европейских выборах (нужно учесть, что Великобритания традиционно наиболее скептически настроенная страна в отношении углубления интеграционных процессов в ЕС).

Германия. В Германии за рассматриваемый период прошло 10 национальных выборов и 7 европейских. Средняя явка на национальных выборах составила 83,4%, а на европейских – 53,8%. За весь период явка в национальных выборах снизилась на 13%, а на европейских – на 22%. Если на национальных выборах явка «просела» в 1990 – 1994 годах, а затем снова «выравнилась» и вернулась к прежним значениям около 80% (девиация 2 – 4%), то на европейских выборах наоборот, выборы 1989 – 94 годов, показывают рост в явке (62% и 60% соответственно), а затем падение на 15% и новые устойчивые значения на уровне 43-45%. на протяжении трех электоральных циклов.

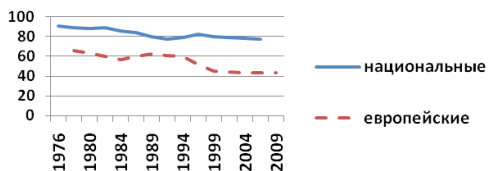

Рисунок 2. Тренды в избирательной явке в Германии на национальном и Европейском уровнях

Если в случае с Великобританией, резкое падение явки объяснялось политическим контекстом и сменой избирательной системы, то в случае с Германией, эксперты предполагают, что основной причиной снижения средних значений явки стало объединение Восточной и Западной частей Германии. Первый этап – эйфория обеспечил прирост в явке, второй этап – разочарование, ее падение.

В целом, как на Европейском, так и на национальном уровне, наблюдаются схожие тренды по снижению избирательной явки. Однако не понятно в чем причина большего падения явки в Европейских выборах, чем в национальных.

Франция. Во Франции прошло восемь национальных (в Национальную Ассамблею) и семь европейских выборов. Средняя явка на национальных выборах составила 68%, в европейских выборах 50% (разница 18% – значительно ниже, чем в Великобритании и Германии, что гово-

рит о большей активности французов в европейских выборах, традиционно положительно относящихся к Европейскому объединительному проекту).

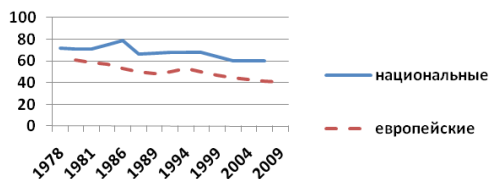

Рисунок 3. Тренды в избирательной явке во Франции на национальном и Европейском уровне

Итоги явки в национальный парламент до выборов 1997 года показывали достаточно стабильные результаты (за исключением выборов 1986 года, девиация не превышала 3%). Однако, последние выборы 2002 и 2007 годов продемонстрировали стабильно низкие для Франции значения на уровне 60%. Таким образом, за весь рассматриваемый период «потеря» французского электората в национальных выборах составила 11%.

В европейских выборах также до 1999 года можно было наблюдать как прирост, так и падение явки, но в целом она колебалась в районе 50 – 55%. Начиная с 1999 года явка падает на 5% и продолжает падать от выборов к выборам. Общая потеря «европейского электората» во Франции за весь рассматриваемый период составила 20% (рисунок 3).

Тем не менее и в том и в другом случае можно наблюдать схожий отрицательный тренд.

Дания. В Дании за рассматриваемый период прошло самое большое количество национальных выборов – 12 в Национальный парламент (Folketinget). Средняя явка на национальных выборах составила 85%, в европейских – 50,9%. Если мы обратимся к сравнительному графику (рис. 4), то увидим, что на национальном уровне можно наблюдать сильную флуктуацию в начале периода (несколько пиков падения и подъема), а затем рост и стабилизацию явки практически на начальном уровне (разница в – 2%). Самое сильное падение явки в Национальный парламент произошло в 1988 году: тогда она упала на 11% по сравнению с предыдущими выборами. Но уже к следующим выборам она выросла на 6,5% и продолжала расти вплоть до 2005 года. В целом какой-либо

тренд на национальном уровне выделить нельзя, явку можно назвать стабильной, так как флуктуация явки от средних значений не превышала 2 – 3%, а за период с 1977 годом по 2007 год явка снизилась всего на 2%.

Тренды на европейском уровне гораздо более явные. Так, за рассматриваемый период с 1979 по 2009 год явка выросла с 47,8% до 59,51% (прирост составил 12%). Здесь мы также можем наблюдать несколько пиков подъема и падения, но общий тренд оставался неизменным. Что интересно, самое сильное падение явки произошло в тот же период, что и на национальном уровне в 1989 году и составила 46,2%. Так как выборы в Дании проходили 3 года подряд (1987, 1988 и 1989 годы), можно предположить, что часть избирателей «устала» ходить на выборы, что привело к росту абсентиизма.

В целом, при сравнительном анализе тенденций в избирательной явке на национальном и на Европейском уровнях, можно наблюдать схожие явления – с одной стороны (совпадение пиков падения), а с другой стороны – отличия. Явка в Европейский парламент показывает очевидный рост, в то время как в Национальный парламент она скорее стабильна.

Нидерланды. За рассматриваемый период выборов в Национальный парла-

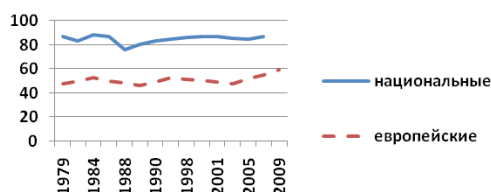

Рисунок 4. Тренды в избирательной явке в Дании на национальном и Европейском уровне.

мент Голландии (Staten-Generaal) прошло десять, средняя явка на них составила 81,27%, в европейских – почти на 40% меньше (42,5%). Если рассматривать тренд на национальном уровне, мы можем наблюдать падение явки с 88% (в 1977 году) до 80,6% (в 2006). Однако если этот тренд в период с 1977 года по 1998 год был явным (выборы 1998 года показали самый низкий процент явки – 73,2%, падение на 15%), то в последующий период произошла коррекция. Явка уже в следующие выборы (2002 г.) выросла на 5% и продолжала расти до последних выборов 2006 года.

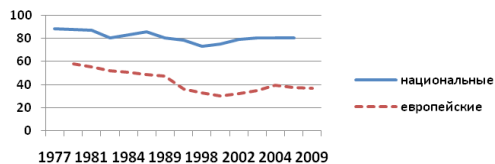

Рисунок 5. Тренды в избирательной явке в Нидерландах на национальном и Европейском уровне

Тот же отрицательный тренд мы можем наблюдать и на Европейском уровне. За весь период явка упала на 20,8%: с 57,8% в 1977 до 36,9% в 2009 году. Однако, так же как в национальных выборах, самое явное снижение явки наблюдалось в период с 1979 по 1999 годы. Явка на выборах 1999 года стала самой низкой за весь период выборов в ЕП и составила 29,9%, то есть падение составило 27,9%! В последующих выборах также происходит коррекция, явка вырастает на 10% (39,3 в 2004 году), и немного снижается, но остается высокой в 2009 году (36,9%).

В целом, сравнивая тренды на национальном и Европейском уровнях, можно сделать выводы, что существует явная корреляция динамики избирательной явки. Тренды повторяют друг друга с небольшим легом в 1 год.

Ирландия. В Ирландии прошло восемь выборов в Национальный Парламент (Oireachtas Éireann), и семь в Европейский Парламент. В первом случае средняя явка составила 69,8%, а во втором – 55,9%, разница всего лишь в 14%, что необычайно мало для Европейских выборов и, возможно, говорит о большей значимости этих выборов для Ирландского электората. В целом тренд избирательной явки в национальных выборах показывает отрицательную динамику. С 1977 по 2007 года явка упала на 9%, с 76,3% до 67%. Однако, если с 1977 по 2002 года явка стабильно падала от выборов к выборам (общее падение составило около 14%), то в 2007 году происходит незначительная коррекция и прирост явки на 4,4% (рис. 6).

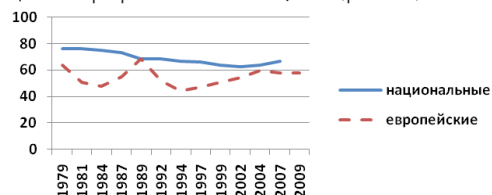

Рисунок 6. Тренды в избирательной явке в Ирландии на национальном и Европейском уровне

Гораздо интересней динамика, которую мы можем наблюдать на европейских выборах. От выборов к выборам флуктуация явки могла составлять до 20%! Чем это можно объяснить? Если мы более внимательно посмотрим на график, то увидим, что пик избирательной явки падает на 1989 год. Именно в этом году выборы в национальный и Европейский парламенты прошли одновременно, что объясняет практически идентичные результаты явки в тот и другой парламент. Если мы исключим этот пик, то тогда тренд становится более «правильным». В период с 1977 года по 1994 год происходит стабильное падение явки (отрицательный тренд), а в период с 1997 по 2009 год обратная тенденция – рост избирательной явки. Тем не менее, если мы сравним явку в первых и последних выборах, можно говорить скорее о падении явки с 63,7% (1979) до 57,6% (2009).

Таким образом, как в национальных, так и в европейских выборах можно наблюдать отрицательную динамику избирательной явки. Однако и в том и в другом случае мы также можно наблюдать определенную коррекцию и ее прирост, что, возможно, говорит о смене тренда.

Италия. За весь рассматриваемый период в Италии прошло 10 национальных и 7 европейских выборов. Средняя явка на национальных выборах составила 86,36%, в Европейских – на 10% ниже (76,38%). С 1976 по 2008 год явка в национальный парламент снизилась на 13%, а за тот же период (с 1979 по 2009 год) в европейских снизилась на 20%. Нужно отметить, что выборы в Италии до 1993 года были обязательными (хотя и с так называемыми «безобидными санкциями»), что во-первых, объясняет среднюю высокую явку как в нацпарламент, так и в ЕП, а также меньшую разницу между явками в оба института. Интересно и то, что разница в явке в тот и другой парламент также начинает заметно увеличиваться, указывая на то, что среди голосующих в ЕП процент абсентистов увеличивается, особенно после 1993 года (до этого периода разница в явке между двумя уровнями выборов не превышала 6 – 7%). Однако, даже с учетом этого наблюдения, в целом данные по двум уровням выборов указывают на стабильный и схожий отрицательный тренд в избирательной явке (рис. 7).

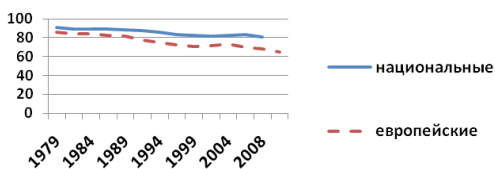

Рисунок 7. Тренды в избирательной явке в Италии на национальном и европейском уровне

Греция. В Греции за рассматриваемый период прошло 9 национальных и 7 Европейских выборов. Средняя явка на национальных выборах составила 79,5%, а в Европейских 70,5%. Если явка на национальных выборах с 1977 по 1989 год приростала, то начиная с 1996 года она упала на 7% и больше не поднималась выше 76,6%. В целом, падение явки на национальном уровне составило 7%.

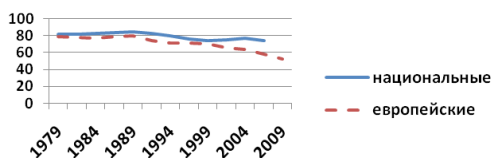

Рисунок 8. Тренды в избирательной явке в Греции на национальном и Европейском уровне

В европейских выборах явка первые три электоральных цикла до 1989 года показывала стабильно высокие результаты, практически не отличаясь от результатов в национальный парламент. Но начиная с выборов 1994 года она начала стабильно падать, более того, выборы 2009 года показали самые низкие результаты, снизившись сразу на 11% (!) – до 52,6%. В целом за весь период явка на европейских выборах упала на 26%. Но, возможно, последние выборы являются девиацией, и к следующим она выравняется до средних значений.

Тем не менее, общий тренд и в том и в другом случае отрицательный, хотя падение явки в ЕП более значительное.

Суммируя результаты исследования, можно сделать выводы о том, что во-первых, существенное падение явки в 2004 и 2009 году обусловлено низкой активностью избирателей в странах Восточной Европы (новых членах ЕС). Во-вторых, средние значения явки по ЕС камуфлирует гораздо более разнонаправленные тренды на уровне отдельных стран. Так, в Великобритании и Дании явка росла, а в Бельгии, Люксембурге она остается стабильной. Не существенны потери электората в Ирландии.

дии (менее 4% за 30 лет) и Швеции, около 3%. Тем не менее очевидно значимое снижение явки в странах – основателях ЕС Франции и Германии.

Более того, при сравнении трендов избирательной явки на национальном и европейском уровне (выборка из 8 стран), мы выяснили, что явка в европейских выборах показывала схожие тенденции. Исключением стали лишь Великобритания, где с 1999 года наблюдались разнонаправленные тренды и Дания, где явка на национальном уровне оставалась стабильной. Следовательно, можно предположить, что причины изменения явки кроются скорее в национальной, нежели в общеевропейской специфике.

Также, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в большинстве рассматриваемых в исследовании демократических стран наблюдается «переломный» период избирательной активности в конце 80-х – начале 90-х годов. В этот временной промежуток потеря электората по разным странам составляет от 5 % до 15%. Исключением стали только те страны, которые практикуют систему обязательного голосования. В Бель-

гии и Люксембурге явка сохраняет стабильно высокие результаты.

Поиск и анализ причин данного явления требует дополнительного исследования. Тем не менее хотелось бы сделать несколько предположений. К примеру, одной из причин «потери» части электората может быть смена поколений избирателей. Приход на выборы поколения 90-х, родившегося в 70-х годах и получившего иную политическую социализацию, нежели родители и, соответственно иное отношение к политическим институтам и к участию в выборах, привело к росту отчуждения и к снижению избирательной активности. Другим объяснением может стать «старение» наций. Рост процента «старшего» поколения в общей электоральной группе, которая реже принимает участие в выборах (в отличие от России), снижает средние показатели явки. А возможно, это результат естественного развития демократического общества. При существующем консенсусе относительно базовых политических ценностей от избирателя не требуется активного участия в политическом процессе.

1. Dinan, D. «Ever Closer Union: an Introduction to European Integration», second edition [Text] / D. Dinan / London: Macmillan, Lynne Rienner Publishers, Inc. 1999. P. 597
2. Franklin, Mark N., Cees van der Eijk. "Choosing Europe? The European Electorate and National Politics in the Face of Union" [Text] / Franklin, N. Mark, Cees van der Eijk / Michigan: The University of Michigan Press, 1996. P. 516
3. Lodge, J. "The 1999 Elections to the European Parliament" [Text] / J. Lodge / London: Printer Publishers, 2001. P. 315.
4. Mackie, Thomas T. "General elections in Western Nations during 1990" [Text] / Mackie T. Thomas / Boston: Kluwer Academic Publishers Group, European Journal of Political Research, April 1992, 21 (3): 317–332.
5. Marsh, M., «Testing the Second-order elections Model after Four European Elections» [Text] / M. Marsh / London: Cambridge University Press, «British Journal of Political Science» 28: 591-608
6. Oppenhuis, E. «Voting behavior in Europe: a comparative analysis of electoral participation and party choice» [Text] / E. Oppenhuis / Amsterdam: Het Spinhuis, 1995
7. Powell, G.B. Jr., «Voting turnout in thirty Democracies: Partisan, Legal and Socio-Economic Influences» [Text] / G.B. Jr. Powell / In Richard Rose, ed. Electoral participation: a Comparative analyses. Beverly Hills, London: Sage, 1980.
8. Reif, K. «National Electoral Cycles and European Elections 1979 and 1984» [Text] / K. Reif / Guildford, England Oxford: Butterworths, journal «Electoral studies», 1985, 244-255.
9. Reif, K. "Ten European Elections: campaigns and results of the 1979/1981. First direct elections to the European parliament» [Text] / K. Reif / Published Brookfield, Vt., USA: Gower, 1986 – c1985. p. 223
10. Rose, R. «Electoral Participation: A Comparative Analyses» [Text] / R. Rose / Published London, Beverly Hills: Sage, 1980.
11. Siaroff, A. «Elections to the European Parliament: Testing Alternative Models of What They Indicate in the Member Nations» [Text] / A. Siaroff / Amsterdam: Harwood Academic Publishers, Journal of European Integration, 2001, Volume 23, pp.237-255.

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЫНОК В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МОДЕЛЬ «В.О.П.А.Д.» КАК ИНСТРУМЕНТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА ОСОБЕННОСТЕЙ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В 1993 – 2003 гг.

УДК 329.8

Д.В. НЕЖДАНОВ

В современной политологической литературе выделяется несколько основных этапов развития политических партий в современной России.

Чтобы оценить степень, в которой основные российские партии оказывали влияние на политический процесс с момента зарождения многопартийности в демократической постсоветской России в начале и конце 90-х, сконцентрируем внимание на трех характерных чертах развития партий, предложенных в качестве методологических ориентиров в исследовании партийных систем стран постсоветского лагеря, ранее входивших в Советский Союз, американскими политологами Стивенем Фишем, Джоном Ишииамом и Райаном Кеннеди [10, с. 132].

В первую очередь американские специалисты обращают внимание на степень, в которой партии в ходе нескольких электоральных циклов являются «последовательными» организациями, способными поддерживать степень собственной организационной и политической «надежности» в ходе участия в более чем одной избирательной кампании.

Основные последовательные партии были определены американскими исследователями как политические организации, которые получили места в Парламенте в ходе хотя бы двух избирательных кампаний в федеральном округе (по партийным спискам) и провели достаточное для формирования парламентской фракции число депутатов.

Вторая мера развития партий – степень, в которой принадлежность к партии

способствует повышению результативности кандидатов, баллотирующихся в одномандатных округах. Для измерения этого показателя предлагается сравнить норму успешности выдвижения независимых кандидатов с нормой успешного участия в электоральной компании кандидатов, выдвинутых при поддержке «последовательных» партий, в одномандатных округах в ходе очередных выборов в Парламент.

Третья мера – степень, в которой последовательные партии «проникли» и закрепили свое влияние на периферии, вдали от густонаселенных территорий. Степень, развития этой партийной черты измеряется способностью партий привлекать голоса в конкурентной борьбе в одномандатных округах на периферии, вне густонаселенных территорий. Предлагаемая мера принимает во внимание количество голосов, отдаваемых в поддержку кандидатов, выдвинутых соответствующими последовательными партиями.

Отметим, что результаты трех постсоветских выборов нижней палаты парламента продемонстрировали высокий уровень партийной «мобильности», в результате чего только три действующие политические партии могут быть квалифицированы как «последовательные». Так, если в 1993 году к распределению мандатов было допущено восемь политических объединений (АПР, «Яблоко», «Выбор России», Демократическая партия России, КПРФ, ЛДПР, ПРЕС и «Женщины России»), то на выборах 1995 года только четыре из них («Яблоко», КПРФ, ЛДПР, а также НДР как «партия власти» и преемник Выбора

России) смогли значительно повлиять на состав второй Думы.

Таблица 1¹.

Степень «последовательности» партий: доля мест «последовательных» партий² в Государственной Думе РФ, полученных в результате выборов по партийным спискам и в одномандатных округах в 1993, 1995 и 1999 гг.

	1993	1995	1999
Процент представителей «последовательных» партий в Госдуме / Динамика в сравнении с предыдущим показателем	59.45%	68.59% +9,14	49.66% -18,93
Соотношение депутатов от «последовательных партий» и общего числа мест в Госдуме	264/444 ³	308/449 ⁴	223/449

¹ Примечания: Указанные показатели рассчитаны автором на основе данных электоральной статистики, представленных на сайте www.roiir.ru и в справочнике «Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ. 1999. Электоральная статистика». – М.: «Весь мир», 2000.

«Последовательными» партиями стали КПРФ, «Яблоко», ЛДПР и «партии власти» (в 1993 – Выбор России, в 1995 – НДР, в 1999 – Единство).

В результате подсчетов не принимались во внимание непроведенные выборы, а также признанные недействительными выборы в Татарстане в 1993, и в Чечне в 1993, 1995, 1999 гг.

Выборы в одномандатных округах Татарстана: выборы состоялись во всех 5 округах 13 марта 1996 года. Поскольку их результаты повлияли на состав второй Государственной Думы, во избежание путаницы их результаты мы относим к 1995 году.

Выборы 1999 года еще более усугубили ситуацию партийной «непоследовательности» и подтвердили соответствующий статус только трех основных политических сил: КПРФ, «Яблоко» и ЛДПР, а также очередной «партии власти» – «Единства».

Что касается второго фактора развития партий, а именно их «авторитетности», обратим внимание на то, что электоральная статистика в целом свидетельствует о небольшом повышении уровня влияния партий и избирательных блоков на думский предвыборный процесс. Так процент успешных избирательных кампаний, проведенных кандидатами в одномандатных округах представленными партиями, избирательными объединениями или блоками увеличился в 1999 году по сравнению с 1995 с 9,8% до 11,78%. Предвыборный марафон 1999 года закончился успешно для 8,7% независимых кандидатов, что, также выше результата года 1995, когда 7,2% внепартийных получили депутатские мандаты.

Гораздо более результативными, как видно из таблицы 2, на выборах в одномандатных округах были «последовательные» партии в сравнении с результативностью всей совокупности политических объединений и блоков, претендовавших на места в Госдуме. Более интенсивная позитивная динамика «авторитетности» «последовательных» партий, чем независимых кандидатов, на наш взгляд, во многом подтверждает тезис о гипертрофированном развитии партий в качестве виртуальных политических символов – «торговых марок» на электоральном рынке России.

Таблица 2.

Степень «авторитетности» партий: партийные и независимые кандидаты – победители кампаний в одномандатных округах в 1995 и 1999 гг.

	1995	1999	Динамика в %
Независимые кандидаты	7,2%	8,7%	+1,5%
	1096/77	1217/105	
Кандидаты «последовательных партий»	16,7%	18,8%	+2,1%
	484/81	345/65	

Необходимо также отметить, что очень точно степень развития партий демонстрирует уровень ее организационного развития. В определении уровня регионального развития партий исследователю приходит на помощь вышеупомянутый методологический ориентир – уровень «проникновения» партий на периферию.

Таблица 3.

Партийное «проникновение»: средние величины объема голосов, полученных кандидатами «последовательных» партий в городских и сельских округах (%) в России в 1995 и 1999 гг.

	Голоса, полученные кандидатами, выдвинутыми партиями в городских округах Доля голосов в % (кол-во округов)	Голоса, полученные кандидатами, выдвинутыми партиями в сельских округах Доля голосов в % (кол-во округов)
1995	11,79% (n = 163)	12,89% (n = 61)
1999	13,20% (n = 163) +1,23%	13,02% (n = 61) +0,13%

Примечания: 1. Указанные показатели рассчитаны автором на основе данных электоральной статистики, представленных на сайте www.roiir.ru и в справочнике «Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ. 1999. Электоральная статистика». – М.: «Весь мир», 2000.

2. В Чечне в 1995 году выборы не проводились, в Татарстане они были проведены 13 марта 1996 года. Их результаты мы относим к 1995 году.

Полученные в результате исследования данные, как видно в таблице 2 демонстрируют выраженную позитивную динамику развития партий в округах компактного проживания населения (городс-

ких округах): там проникновение «политических» партий увеличилось в период с 1995 по 1999 год на 1,23%.

В то же время соответствующий показатель проникновения партий в сельские округа в указанный период возрос только на 0,13%, что, впрочем, также подтверждает крайне заторможенный характер развития структурного потенциала современных российских партий, в отличие от их символического потенциала, демонстрируемого уровнем «авторитетности» «последовательных» политических партий, чья позитивная динамика в аналогичный период превысила 2%, при достаточно высоком исходном уровне в 16,7%.

Не менее важными доказательствами преимущественно виртуального развития политических партий в 90-е годы выступает и сопоставление параметров структурной динамики «проникновения» или иными словами результативности «баллотировки» кандидатов, выдвинутых «последовательными» партиями и независимых выдвиженцев. Так, средняя результативность независимых кандидатов на выборах в сельских мажоритарных округах составила в 1995 – 8,88%, в 1999 – 9,92%; а в городских округах 6,58% и 8,18%, соответственно. То есть позитивная динамика составила в сельских округах 1,4%, а в городских – 1,6%, в то время как средняя результативность «баллотировки» партийных кандидатов увеличилась значительно меньше: на 0,13% – на селе и на 1,23% – в городах.

Таблица 4.

«Проникновение» независимых кандидатов: средние величины объема голосов, полученных не партийными кандидатами в городских и сельских округах (%) в России в 1995 и 1999 гг.

	Голоса, полученные независимыми кандидатами в городских округах Доля голосов в % (кол-во округов)	Голоса, полученные независимыми кандидатами в сельских округах Доля голосов в % (кол-во округов)
1995	6,58% (n = 163)	8,88% (n = 61)
1999	8,18% (n = 163)	9,92% (n = 61)

Одним из весомых доказательств «виртуального» характера российских партий выступают результаты выдвижения партийных списков и формирования парламента в ходе и после третьих «думских выборов» 1999 года. Так, экспертиза партийной принадлежности кандидатов, выдвинутых политическими организациями, политическими движениями и избирательными блоками продемонстрирова-

ла, что вопреки ожиданиям далеко не все кандидаты и даже не большая их часть являлись членами соответствующих политических организаций.

Так, только «Яблоко» продемонстрировало высокий уровень партийности избранных под одноименными партийными флагами депутатов в результате выборов 1999 года. Из 16 депутатов этого политического объединения 15, т.е. 93,8%, являлись членами партии. Гораздо ниже соответствующий показатель был в рядах КПРФ. Там из 67 избранных депутатов только 46, или 68,7%, попадали во внутрипартийную иерархию. Несколько ниже указанный показатель был у СПС – он составил 62,5% партийности депутатских рядов: из 24 депутатов – 15 смогли продемонстрировать партийную принадлежность. Еще ниже показатели у блока «Отечество – Вся Россия»: из 37 – 17 партийных (46%) и у «Блока Жириновского»: из 17 депутатов партийных было двое, что составило 11,8%. Абсолютным рекордсменом псевдопартийности избранных по спискам депутатов стало «Единство», продемонстрировавшее 9-процентный уровень партийности своих депутатских рядов: из 64 народных избранников только 6 заявили свою партийную принадлежность к соответствующей политической силе [2, с. 15-17].

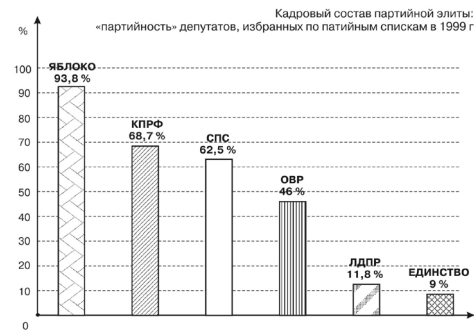

Рис. 1.

Очень любопытные выводы позволяют сделать сопоставление «партийности» кандидатов, избираемых в федеральном округе, и результатов партий на указанных выборах. График на рисунке 1 демонстрирует, что высокий уровень партийности избирательных списков отнюдь не гарантирует высоких электоральных результатов соответствующих избирательных объединений и блоков. Напротив, чем ниже уровень партийности «проходной» части

списка, тем выше электоральный результат этих партий и политических объединений. Так, например, «Яблоко», имеющее самый высокий процент партийности избранных депутатов, получило менее всех мандатов, в то время как «Единство», являясь лидером по непартийности представленного списка кандидатов, по указанному критерию, в результате заняло второе место по количеству полученных думских мандатов вслед за КПРФ [2, с. 15-17].

парламента – Госдумы, а «власть» одного депутата за 1/450 власти Думы, то наиболее властной следует признать ту партийную фракцию, которая наиболее приближена к единице, и наоборот наименее властной, ту, которая наиболее удалена от единицы в классической системе исчисления;

2) степень масштабности общефедерального развития соответствующих политических структур («охват»);

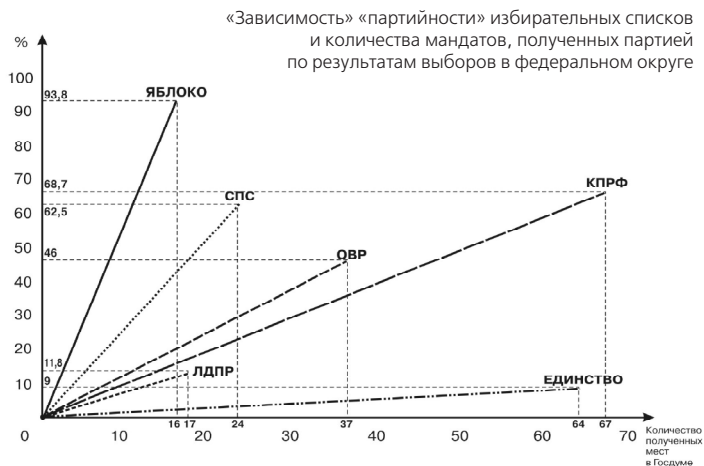

Рис. 2.

Помимо исследования идеологических и символических характеристик основных российских партий нельзя не обратить внимание на структурно-функциональные особенности дизайна политических объединений конца 90-х.

Чтобы оценить развитие структурно-функционального потенциала российских партий конца 90-х, предлагается исследовать по предлагаемой автором модели «В.О.П.А.Д.» («Власть», «Охват», «Проникновение», «Авторитетность», «Динамика»). Данная модель применима для оценки уровня развития партийных организаций в условиях смешанной избирательной системы, применяемой на выборах в парламент той или иной страны и сочетающей принципы «пропорциональной» и мажоритарной избирательных систем. Авторская модель оценки уровня развития политических партий «В.О.П.А.Д.» включает следующие параметры:

1) степень, в которой партии получили влияние в российском парламенте («власть»). То есть, если принять за единицу власть всей нижней палаты

3) степень, в которой партии «проникли» в регионы и на периферию, в том числе сельские территории (или что С. Фиш называет «проникновение» партий);

4) степень, в которой партии оказывают влияние на норму успешности на выборах баллотирующихся от их имени кандидатов («авторитетность»);

5). степень развития партий в рамках действующей в указанный период партийной системы («динамика»).

Пошагово обращаясь к избранным для оценки критериям анализа структурно-функционального потенциала партий, дадим краткую их характеристику.

Уровень «власти» демонстрирует тот фракционный потенциал политической силы, который партии способны мобилизовать в Госдуме, в целях увеличения своего влияния, привлечения депутатов и проведения или воспрепятствования принятию законов, нормативно-правовых актов, иных властных решений. Уровень власти партии определяется количеством замещенных партией мест в парламенте.

Таблица 5.

Уровень «власти» основных партий: количество замещенных партийными фракциями мест в российском парламенте в 1999 – 2003 гг.

Фракции	«Единство Единая Россия»	КПРФ	«Яблоко»	ЛДПР	«Отечество Единая Россия»	СПС
Количество мест в парламенте	81	83	17	14	61	31
Развитие параметра (балл.)	5	6	2	1	4	3

Уровень охвата демонстрируют результаты партии в ходе выборов по партийным спискам.

Таблица 6.

Уровень «охвата» основных партий: количество набранных партиями голосов на выборах в федеральном округе в 1999 году

%	«Партия власти» («Единство»)	КПРФ	«Яблоко»	ЛДПР	ОВР	СПС
%	23,32	24,29	5,93	5,98	13,33	8,52
Развитие параметра (балл.)	5	6	1	2	4	3

Уровень «проникновения» наряду с уровнем «охвата» демонстрирует дееспособность региональных и местных структур политических партий и развитость структур активистов в различных регионах России не только на уровне густонаселенных, но и на уровне провинциальных, не городских территорий. Уровень проникновения определяется сравнением нормы успешности баллотировки кандидатов в городских и негородских одномандатных округах.

Таблица 7.

Уровень «проникновения» основных партий: средний объем голосов, полученных кандидатами последовательных партий в городских (г) и негородских (с) (сельских) округах (%) в 1999 г.

	«Партия власти» («Единство»)		КПРФ		Яблоко		ЛДПР		ОВР		СПС	
	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С	Г	С
Округа/ Выдвинуто кандидатов	24	7	94	32	81	28	57	21	65	23	48	11
Среднее кол-во голосов, полученных кандидатами в %	17,18	10,32	21,43	24,70	10,99	6,08	2,97	3,96	19,30	23,66	10,70	6,89
Развитие параметра (балл.)	4	4	6	6	2	2	1	1	5	5	3	3

Уровень «авторитетности», как уже упоминалось, демонстрирует возможности партий по увеличению электорального потенциала кандидатов, баллотирующихся в региональных одномандатных округах.

Таблица 8.

Уровень «авторитетности» основных партий: соотношение успешной баллотировки кандидатов «одномандатников» от основных партий и общего количества, выдвинутых данными партиями кандидатов в мажоритарных округах в 1999 г.

%	«Партия власти» («Единство»)	КПРФ	«Яблоко»	ЛДПР	ОВР	СПС
Количество победителей / всего выдвинутых	9/31	46/126	4/113	0/84	31/89	5/65
% победителей	29,03%	36,50%	3,53%	0,0%	34,83%	7,69%
Развитие параметра (балл.)	4	6	2	1	5	3

Уровень «динамики» демонстрирует потенциал партий сохранять и увеличивать уровень своего влияния на политический процесс.

Таблица 9.

Уровень «динамики» основных партий: количество замещенных партиями мест в российском парламенте в 1999 году по сравнению с 1995 годом

%	«Партия власти» («Единство»)	КПРФ	«Яблоко»	ЛДПР	ОВР	СПС
1995	55 (НДР)	157	45	51	–	–
1999	73 (Единство)	113	20	17	68	29
Динамика мест в парламенте	+18	-44	-25	-34	+68	+29
Развитие параметра (балл.)	4	1	3	2	6	5

Сводный результат развития политических партий демонстрирует как уровень структурно-функциональной и организационной, так и идеологической и символической востребованности и состоятельности основных политических объединений в конце 90-х.

Таблица 10.

Интегральный коэффициент развития основных партий по результатам анализа результатов избирательной кампании в Госдуму созывов 1999 и 2003 гг. : сводный результат

Параметр оценки	«Партия власти» («Единство»)	КПРФ	«Яблоко»	ЛДПР	«Отечество Единая Россия»	СПС
«охват»	5	6	1	2	4	3
«динамика»	4	1	3	2	6	5
«авторитетность»	4	6	2	1	5	3
«проникновение»	4	6	2	1	5	3
«власть»	5	6	2	1	4	3
Итого:	22	25	10	7	24	17
Уровень общего развития (место)	3	1	5	6	2	4

Обратившись к результатам избирательной кампании в Госдуму в декабре 2003 года, можно сделать ряд нетривиальных выводов.

Напомним, что в указанный период последовательность проявило менее трех пятых партий-кандидатов, участвовавших в распределении мандатов согласно результатам выборов 7 декабря 2003 года. Приведем три основных параметра, избранных для характеристики партийного развития в указанный период для выявления тенденций развития политических образований в России.

Таблица 11.

Интегральный коэффициент развития основных партий по результатам выборов в Госдуму в 2003 г.: сводный результат

Параметр оценки	«Партия власти» («Единая Россия»)	КПРФ	«Яблоко»	ЛДПР	«Родина»	СПС
«охват»	6	5	2	4	3	1
«динамика»	6	1	3	4	5	2
«авторитетность»	6	5	2	4	3	1
Итого:	18	11	7	12	11	4
Уровень общего развития (место)	1	3	4	2	3	5

Выборы в государственную Думу РФ 2003 года, проводимые по «смешанной» системе в России, привели в очередной раз к существенным перестановкам сил в партийной системе, свидетельствующим о системном кризисе института партий.

Сравнительный статистический анализ продемонстрировал особую передовую роль КПРФ как мощного политического субъекта, имевшего гипертрофированное развитие по линиям «авторитетности», локального («проникновение»), федераль-

ного («охват») и фракционного («власть») развития. При этом конец 90-х продемонстрировал, что самыми успешными партиями, согласно исследованию в рамках предложенной методологии, стали бюрократические партии или т.н. «партии власти» «Единство» и «ОВР», в совокупности продемонстрировавшие в 1999 году наиболее высокий уровень развития практически по всем предложенным параметрам.

Второй по развитию группой партий стали т.н. «идеологизированные партии» КПРФ и СПС. СПС в частности продемонстрировало четвертый в общем зачете результат «охвата», второй результат по «динамике» и третий результат по «авторитетности» и «проникновению».

И третьей группой значительно отставших от конкурентов партий по большинству показателей стали партии т.н. лидерского типа «Яблоко» и ЛДПР.

Все это позволяет сделать вывод о системной деформации в условиях российского политического рынка конца 90-х классических идеологий в качестве основного фактора партийного строительства и инструмента политической конкуренции. С другой стороны, налицо увеличение влияния номенклатурно-административных политических образований, успешно компенсирующих отсутствие идеологической базы в классическом понимании последней, активной информационной экспансией и контр-экспансией, а также административными технологиями политической мобилизации как отличительной черты дизайна соответствующих политических партий.

1. «Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ. 1999. Электоральная статистика» [Текст]. – М.: «Весь мир», 2000.
2. Тур, А.И. «Партийность» партийных списков [Текст] / А.И. Тур, Т.Ю. Головина, А.С. Новиков // Журнал о выборах. – 2001. – № 1. – С. 15-17.
3. Камышев, Д. Сбылась мечта. Что теперь будет с политической системой страны [Текст] / Д. Камышев, К. Смирнов // Коммерсант. Власть. – 15-21 декабря 2003. – № 49 [552]. – С. 22.
4. Нежданов Д.В. Метафора «политический рынок» как методологическая основа политических исследований [Текст]: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Д.В. Нежданов. – Екатеринбург, 2009.
5. Нежданов, Д.В. Метафора «политический рынок: как дискурсивный компонент и методологическая основа политических исследований [Текст] / Д.В. Нежданов, О.Ф. Русакова // Полития. – 2009. – № 4. – с. 119.
6. Пшизова, С.Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе [Текст] / С.Н. Пшизова // Полис. – 2009. – № 2.
7. Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации / URL: <http://www.duma.gov.ru>. (дата обращения: 24.11.2008).
8. Официальный сайт Российского общественного института избирательного права / URL: <http://www.roiip.ru> (дата обращения: 24.03.2009).
9. Collier, D. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research [Text] / D. Collier, S. Levitsky // World Politics. – 1997. – vol. 49. – № 3.
10. Ishiyama, J.T. Superpresidentialism and Political Party Development in Russia, Ukraine, Armenia and Kyrgyzstan [Text] / J.T. Ishiyama, R. Kennedy // Europe-Asia Studies. – 2001. – Dec.

БАЗОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

УДК 323

Э.В. ПАВЛЕНКО

В наши дни актуализируется блок задач (прогнозно-аналитический), связанный с анализом текущего положения в регионе, позволяющий дать объективную оценку развитию соответствующих направлений социально-экономического развития, определить позитивные и негативные тренды, выявить узкие места и точки роста, конструктивные и деструктивные эффекты предшествующих управляющих воздействий и других аспектов, которые послужат базой обоснования и выработки конструктивных предложений на перспективу [5, с. 6].

Была сделана попытка создания системы показателей интегрированной оценки эффективности осуществления деятельности региональных властей по управлению социально-экономическим развитием территории. Данная система нацеливала руководство регионов на эффективное использование как материальных, так и интеллектуальных ресурсов. На сегодняшний момент региональные элиты располагают различными весьма существенными ресурсами влияния и проходят завершающий этап институционализации как акторы несущие полную ответственность за состояние социально-экономических процессов. Новое позиционирование региональных элит в общероссийской элитной структуре в постсовременной России превратило региональную элиту в фактического обладателя власти на местах и одновременно встал вопрос эффективности использования указанных ресурсов.

В связи со сложной социально-экономической ситуацией, сложившейся в стране, актуальной является необходимость совершенствования подходов к разработке и использованию эффективных инструментов управления конкурентоспособностью регионов. На основе обобщения мнений зарубежных и отечественных ученых, конкурентоспособность региона

Л.Г. Захарченко рассматривает как экономическую категорию, характеризующую способность территории обеспечивать высокий уровень жизни населения и дохода собственникам капитала, а также эффективно использовать при производстве товаров и услуг имеющийся в регионе экономический потенциал [2]. В данном случае мы имеем дело с политической целесообразностью, отражением которой выступает конкурентоспособность региональной экономики.

Конкурентоспособность субъектов Федерации в современных условиях достигается за счет синергетического эффекта конкурентоспособных, экономически развитых муниципальных образований. При этом величина синергетического эффекта, определяющая дальнейшее социально-экономическое развитие региона и муниципальных образований достигается за счет определения таких целей развития, которые способны обеспечить консолидацию интересов всех уровней, благодаря эффективной, согласованной работе органов местной, региональной власти и местного сообщества [6, с. 113-117]. Многим регионам и городам досталось наследство «старой экономики» низкотехнологичного или вовсе нетехнологичного характера. Из-за жесткой конкуренции и падающего спроса именно старые промышленные отрасли, специализирующиеся на текстильном, угольном, стальном, кораблестроительном, пищевом и автомобильном производстве испытывают трудности. Несмотря на то, что эти «национальные чемпионы» за последние десятилетия часто подвергались процессу реструктуризации, большинство из них все еще получают помощь под вывеской кластера или в рамках региональной политики [7].

Из мирового финансово-экономического кризиса необходимо извлечь сис-

темные уроки, одним из которых должен стать императив – нельзя требовать жертв только от части населения. Основываясь на принципах общественного договора, власти должны на регулярной основе доводить до общего сведения прогнозы и планы социально-экономического развития территорий с указанием сфер, в которых общественность может принять непосредственное участие.

Кризис стал временем испытания способности региональных элит мобилизовать ресурсную базу как для решения экономических, так и социальных проблем. Как известно, в условиях транзитивного модернизирующегося общества успех социально-экономической политики определяется не только качеством государственного управления, но и консенсусным подходом всех заинтересованных акторов, включая группы граждан и структуры гражданского общества, к выбору наиболее актуальных направлений расходования имеющихся ресурсов. Для этого в обществе должно быть развернуто широкое обсуждение указанной проблематики, позволяющее сбалансировать интересы граждан и власти.

Указанный дискурс автору статьи представляется не только новым для российской политической действительности, но и перспективным направлением политической модернизации. Новизна, о которой идет речь, связана с выявленной нами политической лакуной, в рамках которой политическая риторика оппозиции сводится в основном к необходимости возврата выборности губернаторов и аналогичным структурным изменениям, которые на самом деле представляют возврат к существовавшей ранее системе, ни в коей мере не способствовавшей модернизационным изменениям. В свою очередь, правящая в регионах бюрократия, по причинам которые мы упомянем далее по тексту настоящей статьи, не заинтересована в активном участии граждан в социально-экономической политике. На практике указанный дискурс материализуется в принятии мер по ограничению участия граждан в принятии политических решений, касающихся перспективного развития территорий.

Указанный подход элиты находит сторонников и в научной среде. Некоторые исследователи считают, что российское общество сервильно, пассивно и не хочет быть участником модернизационных процессов, а потому, мол, власть не

может опираться на несубъектную массу. Даже если согласиться с этим спорным и неоднозначным утверждением, необходимо отметить, что подобная характеристика никоим образом не относится к креативному классу, представители которого как раз субъектны и очень даже хотят быть не только участниками модернизации, но и ее инициаторами [3, с. 20-38]. Таким образом необходимо констатировать неоднородность населения регионов в вопросах политико-социальной рефлексии по вопросам развития региональных экономических систем.

В числе базовых дисфункциональных детерминант политического руководства региональным социально-экономическим развитием: низкий уровень политико-социальной рефлексии развития региональных экономических систем как со стороны региональной элиты, так и населения; отсутствие в регионах эффективно функционирующих механизмов противодействия идеологии патернализма; отсутствие универсальных моделей по стимулированию инновационной и модернизационной деятельности и методологии концентрации усилий на конкретных региональных площадках. Для уменьшения влияния упомянутых выше базовых дисфункциональных детерминант представляется целесообразным совершенствование созданной системы индикативной оценки работы губернатора и субъекта федерации в целом. Эта система должна функционировать в режиме реального времени. Только в таком случае появится возможность оперативного выявления трендов развития и оказания помощи со стороны федерального центра в вопросах исправления допустимых отклонений политического руководства социально-экономическим развитием территорий.

На взгляд И.И. Бажина и В.А. Мальцева, «невысокая эффективность осуществляемых органами власти социальных инноваций связана с использованием в практике слабо структурированных управленческих воздействий. Такого рода воздействия не создают замкнутого управленческого цикла, обеспечивающего успешное внедрение в социальную среду осуществляемых инновационных преобразований. Поэтому возникающая необходимость нацеленности органов власти на конкретные результаты принимаемых управленческих решений, оцениваемых адекватными количественными критери-

ями, требует использования в практике четко алгоритмизированных управленческих процедур, являющихся основой механизма повышения эффективности их инновационной деятельности» [1, с. 11-127], в том числе и в социально-экономической сфере. Особо подчеркнем необходимость мобилизации ресурсной базы региона.

Сейчас же, данная тематика, как было нами ранее отмечено, игнорируется как властью, не понимающей инструментария такой мобилизации, так и представителями оппозиции, заикнувшись на формальных политических лозунгах. В условиях неравномерности экспертного потенциала гражданского общества, а также незначительности числа чиновников, ориентированных на модернизационные политические практики, необходимо вести речь не о гомогенности соответствующего политического поля, а об очаговой модернизации.

Через очаговую модернизацию, организаторами которой должны стать специально подготовленные акторы, социально-экономическая политика регионов может выйти на качественно иной уровень. Инноваторами в рассматриваемой нами политической ситуации могут быть как специально подготовленные государственные или муниципальные чиновники или структуры гражданского общества. Алгоритм действий выглядит следующим образом: формулировка общественно значимой проблемы, решение которой позволит улучшить социально-экономическую ситуацию на отдельно взятой территории → формирование группы специалистов-аналитиков, способных оценить имеющиеся в распоряжении ресурсы, в том числе и социальные ресурсы местного сообщества → отбор и формирование инициативной группы граждан и заинтересованных в решении проблемы представителей коммерческих структур → проведение обсуждения наиболее эффективной стратегии использования имеющихся ресурсов → реализация проекта → тиражирование положительных результатов в масштабе региона. Важно учитывать, что предлагаемая нами модель может быть реализована только группой инноваторов, способных преодолеть распространяющуюся в регионах политическую аномию.

Низкий уровень политической культуры и ослабленная социальная ответственность не способствуют повышению участия населения региона в реализации

социально-экономической политики. С вышеуказанным тесно связана и такая детерминанта, как отсутствие в регионах эффективно функционирующих механизмов противодействия идеологии патернализма, который ни в коей мере не способствует мобилизации ресурсного потенциала территорий.

Руководством страны неоднократно подчеркивалась негативная роль в проведении реформ патернализма, под которым понимается не только материально-экономическое иждивенчество. Вместе с тем некоторые исследователи считают, что патернализм можно преодолеть в процессе политического реформирования страны. В частности, политолог К. Рогов в статье «Демократия-2010: прошлое и будущее плюрализма в России» высказывает мнение, что перспектива трансформации российской политической системы все еще сохраняется. Во всяком случае, цитируемый нами автор со всей уверенностью утверждает, что «устойчивость созданного на протяжении 2000-х годов неконкурентного режима в ближайшее время будет значительно ослабевать, а спрос на альтернативные модели политического устройства – возрастать» [4, с. 27]. Чтобы обосновать этот тезис, Рогову приходится выстроить сразу несколько альтернативных процессов, протекавших в России на протяжении последних 20 лет. Так, он не совсем согласен с описанием путинской централизации как «демократизации», указывая на то, что в действительности имело место лишь устранение публичной конкуренции между элитами. Кроме того, Рогов уделяет серьезное внимание интерпретации отношения россиян к демократическим ценностям, чтобы подчеркнуть своеобразие понимания демократии в России и поколебать представление о преобладании среди граждан антидемократических настроений. На наш же взгляд, упомянутые в приведенной цитате факторы должны учитываться при разработке новых принципов региональной социально-экономической политики. На наш взгляд, такими принципами могут быть:

– Принцип системности инновационного развития социально-экономической политики (СЭП) при реализации соответствующих мероприятий, предполагает, что государственные и муниципальные чиновники рассматривают СЭП как целостную динамическую систему, охватывающую все категории населения региона. Данная

система направлена на формирование и эффективное использование человеческого капитала и имеющихся иных ресурсов.

– Принцип равных возможностей при реализации мероприятий инновационного развития социально-экономической политики отражает объективные тенденции, происходящие в социально-политической и экономической жизни социального государства, которым по Конституции является современная Россия.

– Принцип уважения человека и его достоинства при реализации мероприятий инновационного развития социально-экономической политики определяет образ мышления руководителей администраций различного уровня, при котором потребности и интересы граждан стоят на первом месте среди приоритетов системы.

– Принцип единства задействованных в процессе реализации СЭП мероприятий региональной социально-экономической политики выражается в том, что все акторы (государственные, муниципальные, а также структуры гражданского общества и бизнес) имеют равные условия, несут коллективную ответственность за результаты воплощения в жизнь согласованной ранее политической линии.

– Принцип горизонтального сотрудничества при реализации мероприятий региональной социально-экономической политики связан с передачей прав и ответственности на низовой уровень управления с максимальным вовлечением в реализуемые мероприятия населения.

– Принцип правовой и социальной защищенности при реализации мероприятий инновационного развития социально-эко-

номической политики предполагает соблюдение законов и правовых актов, норм административного, гражданского, трудового, хозяйственного права при выработке и реализации политической линии.

Упомянутые выше или аналогичные принципы могут быть положены в основу общественного договора между властью и поддерживающими идеи модернизации слоями населения. При этом идеологические разногласия между политическими акторами должны быть отложены в сторону, поскольку речь идет об экономической судьбе страны и ее граждан. Основываясь на принципах общественного договора власти должны на регулярной основе доводить до общего сведения прогнозы и планы социально-экономического развития территорий с указанием сфер, в которых общественность может принять непосредственное участие, только в таком случае общественный договор, о котором мы ведем речь, может стать важным инструментом очаговой модернизации регионов.

Возникший общественный спрос на качество и сложность политики сталкивается с тем, что региональные политические элиты ментально заблокированы в рамках предыдущих этапов развития. Они не понимают важности происходящего и ждут вмешательства при реализации экономических, социальных, политических и иных новаций со стороны федерального центра. Соответственно, необходимо инициировать широкую дискуссию по поднятой в настоящей статье проблематике и уже на ее основе формировать общественное мнение.

1. Бажин, И.И. Повышение эффективности социально-инновационной деятельности органов власти [Текст] / И.И. Бажин, В.А. Мальцев / Местное самоуправление в России и Германии: история и современность (на примере Юга России): материалы междунар. науч.-практ. конф., 3 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону / ред.-изд. гр.: В.В. Рудой (рук.) и др. – Ростов н/Д: СКАГС, 2010.

2. Захарченко, Л.Г. К вопросу управления конкурентоспособности региона [Текст] / Л.Г. Захарченко // Вестник ТулГУ. Серия «Экономика, управление, финансы». Вып. 3. – Тула: ТулГУ, 2006.

3. Окара, А.Н. Новая идея для новой России: от милитократии и «петрократии» к креатократии [Текст] / А.Н. Окара // Научный эксперт. – 2010. – № 1–2.

4. Рогов, К. Демократия-2010: прошлое и будущее плюрализма в России [Текст] / К. Рогов // Pro et Contra. – 2009. – № 5–6.

5. Сутягин, В.С. О соотношении научных прогнозов и государственных программ социально-экономического развития [Текст] / В.С. Сутягин // Проблемы прогнозирования. – 1998. – № 11.

6. Харитоновна, Е.Л. Финансово-экономическое обеспечение местного самоуправления в условиях многоукладной экономики [Текст] / Е.Л. Харитоновна // Вестник Ростовского государственного экономического университета «РИНХ». – 2008. – № 2 (26), октябрь.

7. Хоспер, Г.-Ж. О взаимосвязях между географическими кластерами и государственной политикой [Текст] / Г.-Ж. Хоспер, Ф. Сотэ, П. Дезрошер // Русский журнал. – 2010, 18 мая.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ЮВЕНАЛЬНОЙ СФЕРЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ СЕМЬИ

УДК 32

С.В. ЯРОВАЯ

В последние десятилетия прошлого века в международном праве сложилась тенденция к нормативному обеспечению обязанности государств по установлению и применению ответственности к их гражданам за совершение определенных преступлений. В основном к таким преступлениям относятся те, которые наносят ущерб правам человека. Неисполнение родителями своих обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего также является преступлением, наносящим ущерб правам человека. В данном случае мы имеем дело с тесным переплетением юридического и политического дискурсов.

Проблема заключается в общей деградации культуры воспитания детей, примитивизации общественной жизни и носит системный характер, а значит, и политические решения государства, в реализации которых должна принимать участие семья, должны носить системный характер. Только таким образом можно преодолеть последствия ресоциализации граждан.

Политическая ресоциализация граждан в условиях системных трансформационных процессов в современной России сопряжена с изменениями в ценностной системе и структуре идентичностей, с формированием новых адаптационных стратегий в социально-экономической и политической сферах. При этом уровень патернализма повышается в ситуации, когда общество соглашается с определенным уровнем социального патронажа государства, структур, лиц, его представляющих (о чем свидетельствует зависимость величины индекса терпения от избирательного процесса).

В целом можно указать на сосуществование в массовом сознании проти-

воречивых тенденций: индивидуализма (негативного толка) и коммунитарной ориентированности; патернализма и освобождения от государственной опеки. Ресоциализация определяется рядом факторов (управляемость/контролируемость процесса; радикальность преобразований, иницилирующих политические и аксиологические изменения; наличие социальной базы перемен и др.) и основывается на сложных взаимообусловленных социально-экономических (идентификация и адаптация) и политических (становление субъекта политического участия) механизмах, специфика функционирования которых существенно влияет на трансформацию структуры и динамики политической и ценностной систем общества [4, с. 25-35]. Существует множество определений семьи. В данном исследовании за исходное примем дефиницию, предложенную А.Г. Харчевым, который определяет ее как исторически конкретную систему взаимоотношений между супругами, родителями и детьми, характеризующуюся взаимной моральной ответственностью и обусловленную потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения [7; 8]. В современной России наблюдается институциональный кризис семьи. Одним из его проявлений, в частности, является снижение социальной ответственности родителей за воспитание детей и соблюдения их гражданских прав.

Если говорить об обязательствах, связанных с гарантиями защиты от злоупотреблений со стороны родителей и неисполнения ими своих обязанностей, то можно выделить следующие обязательства России, вытекающие из норм Конвенции о правах ребенка:

1) обеспечить ребенку возможность находиться с его родителями, если только нет необходимости оградить его от жестокого обращения со стороны родителей, а также в случае, когда родители не заботятся о нем (ст. 9);

2) обеспечить признание принципа общей и одинаковой ответственности обоих родителей за воспитание и развитие ребенка. Родители или, в соответствующих случаях, опекуны несут основную ответственность за воспитание ребенка (ст. 18);

3) принимать все необходимые меры для защиты детей от всех форм насилия, отсутствия заботы или небрежного обращения, эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке (ст. 19);

4) предоставлять особую защиту детям, которые временно или постоянно лишены семейного окружения или не могут в собственных интересах оставаться в таком окружении (ст. 20) [6, с. 388].

В условиях всеобъемлющей трансформации отечественного социума наиболее уязвимыми и незащищенными оказались многодетные семьи, дети и подростки, а также представители старшего поколения. При этом среди различных поколенческих когорт именно современные подростки, чье детство совпало с радикальными социально-экономическими и политическими реформами начала – середины 90-х гг. XX в., в первую очередь усваивали и использовали адаптационные механизмы «кризисного общества» в сочетании с выработкой «искаженных» жизненных стратегий и активной демонстрацией различных девиантных форм поведения.

Более того, сам институт современной семьи оказался во многом дисфункциональным, что наиболее отчетливо проявилось в сложившейся социально-демографической ситуации в РФ (высокое количество разводов, низкая рождаемость, рост случаев нарушения прав несовершеннолетних, увеличение социального сиротства и др.), и многодетные семьи, по мнению большинства исследователей,

попали в категорию социально дезадаптированных.

Кризис семьи как важнейшего социального института и связанные с этим кризисом проявления антигуманизма характерны не только для современной России. Другой вопрос, что, как доказал Арпад Саколчаи, эксцессы политики защиты прав и интересов детей позволили показать пути противодействия правовому нигилизму и антигуманизму [9, с. 417–433]. Несмотря на существование отечественных и зарубежных исследований комплексная программа социальной поддержки семьи как важнейшего элемента государственной политики в сфере защиты прав и интересов подрастающего поколения в России так и не была предложена, хотя власть продемонстрировала политический заказ на такого рода программы.

Во второй половине первого десятилетия 2000-х гг. российские власти обратили серьезное внимание на тяжелую демографическую ситуацию в стране. Был принят ряд решений, призванных улучшить положение и подкрепленных финансированием и пропагандой, демографические вопросы заняли достойное место в социально-экономической политике. В указанном контексте упомянем Указ Президента РФ «О мерах по социальной поддержке многодетных семей»; Федеральную целевую программу «Дети России» на 2007–2010 гг.; Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и др.

В ближайшем будущем Россию ждет увеличение естественной убыли населения и неясная ситуация с миграцией. Доклад о социальном и демографическом развитии России за 15 лет, подготовленный в 2010 году ведущими экспертами страны под эгидой UNFPA (Фонд ООН в области народонаселения), показывает, что политика в этой области остается непоследовательной и не всегда компетентной. Начиная практически с момента распада СССР, авторы цитируемого доклада выделяют три этапа в социально-демографической политике. В первой половине 1990-х гг. в России начался демографический кризис: на фоне

снижения рождаемости резко выросла смертность. Специальных мер по преодолению кризиса правительство не принимало, что объяснялось экономическим кризисом, появлением новых рыночных отношений и институтов, с которыми надо было еще понять, что делать. Трудности пытались компенсировать традиционным для индустриального общества группам: пенсионерам, инвалидам, безработным. На втором этапе – 1995–2005 гг. – социальные вопросы стали рассматриваться как фактор экономического развития, появилось новое трудовое законодательство, началась пенсионная реформа. Но в то же время ухудшилось качество демографической статистики, поддержка семей с детьми сокращалась, из-за изменения форм семейных отношений из поля зрения государства выпадала все большая доля семей. Третий этап – с 2005 г. – характеризуется усилением внимания власти к демографии. Монетизация льгот, национальные проекты, «демографическое» послание президента 2006 г., впервые продекларировавшее мощную поддержку рождаемости, некоторая либерализация миграционного законодательства.

Эксперты отмечают наличие определенного эффекта от демографических мер 2006 – 2007 гг. (самая знаменитая из которых – материнский капитал): в 2007 – 2008 гг. повысилась рождаемость. Впрочем, произошло это на фоне восходящей с конца 1990-х гг. тенденции экономического развития, прерванной мировым финансово-экономическим кризисом. Тенденция эта определялась экономическим ростом и ростом благосостояния. Как скажется на ней в долгосрочной перспективе экономический кризис, пока не ясно – прежде всего, потому, что нет ежегодных опросов по планированию семьи.

Единовременные финансовые выплаты скорее являются мерой улучшения благосостояния семей, но не стимулом к увеличению числа рождений. С рождением второго ребенка риск бедности для семьи возрастает. Риск бедности у полной семьи с двумя детьми в России в два раза выше, чем среди всего населения, и это

соотношение не меняется за весь период после распада СССР.

Россия по-прежнему находится в фазе устойчивой депопуляции. Дискуссия об ограничении или стимулировании иммиграции идет в то время как иммиграция лишь наполовину компенсирует естественную убыль населения. Репродуктивному здоровью населения уделяется очень мало внимания. Проблемы бедности, сиротства, заболеваемости ВИЧ/СПИД, пространственного распределения населения становятся все насущнее.

Демографическая ситуация ставит новые сложные вызовы, которые надо вовремя учитывать в построении комплексной и долгосрочной политики [5]. Отечественная демографическая политика как часть политического дискурса в сфере защиты прав и интересов подрастающего поколения, пока что сильно отстает от этих вызовов.

В ст.18 Конвенции ООН «О правах ребенка» указывается, что «государства-участники предпринимая все возможные усилия к тому, чтобы обеспечить признание принципа общей и одинаковой ответственности обоих родителей за воспитание и развитие ребенка». «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» – в такой формулировке принцип равноправия родителей закреплен в ст. 38 Конституции РФ. Семейный Кодекс РФ не предусматривает данный принцип среди основных начал семейного законодательства в ст. 1, но содержит специальную ст. 61 «Равенство прав и обязанностей родителей», в которой указывается, что родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права).

Таким образом, принцип равенства прав родителей получил нормативное признание, однако, в то же время действующее семейное законодательство нельзя признать соответствующим данному принципу в полной мере. Правовое регулирование отношений по установлению происхождения детей, родители которых состоят или не состоят в браке между собой; отношений, связанных с реализацией репродуктивных прав мужчины и

женщины; отношений по осуществлению родительских прав, в том числе, если один из родителей проживает отдельно от ребенка; отношений, возникающих при разрешении между родителями споров, связанных с воспитанием детей, а также других родительских отношений сопровождается применением норм, не только не соответствующих правам и интересам отца ребенка, но иногда и нарушающих их. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости пересмотра отдельных положений СК РФ и приведения их в соответствие с принципом равенства прав родителей.

Значимость обозначенной проблематики обусловлена еще и тем, что нарушение прав и интересов отца одновременно является нарушением прав и интересов ребенка. Здесь мы вторгаемся в так называемую ментально-психологическую сферу российского образа мышления. Существующие ограничения в сфере реализации отцом своих прав и интересов, безусловно, проецируются в сферу реализации прав и интересов ребенка [1; 2; 3].

Воспитание как процесс воздействия на личность представляет собой комплекс методов, не имеющих конкретной регламентации в области права, кроме запрета применять насилие к несовершеннолет-

ним. Обязанности по воспитанию включают в себя меры по оказанию заботы в отношении несовершеннолетних, обеспечении их жизненно-важных нужд и безопасности, обусловленные «повышенным количеством правомочий взрослых». В современной России вопросы воспитания детей в семье, как и обеспечения прав и законных интересов детей, не находятся в повестке дня государственной ювенальной политики.

Эксперты полагают, что предотвратить многие вопиющие случаи насилия над российскими детьми за границей и внутри страны может создание единого органа, ориентированного на предотвращение причин насилия и безнадзорности в российских семьях. Он должен не только выявлять случаи жестокого обращения с детьми, но и оказывать материальную и психологическую поддержку семьям, оказавшимся в трудной ситуации.

Необходимо внесение упомянутых выше назревших изменений в федеральное законодательство по усилению ответственности родителей и лиц, их заменяющих, за злостное невыполнение обязанностей по воспитанию, обучению и содержанию детей; жестокое обращение с несовершеннолетними.

1. Асланов, Х.Г. Выражение взаимного согласия как форма реализации принципа равноправия родителей [Текст] / Х.Г. Асланов // Юрист. – 2008. – № 2.
2. Асланов, Х.Г. Некоторые вопросы реализации принципа равноправия родителей при осуществлении ими родительских прав [Текст] / Х.Г. Асланов // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Право». – 2007. – Выпуск 3.
3. Асланов, Х.Г. Семейно-правовые гарантии участия отца в воспитании детей [Текст] / Х.Г. Асланов // Материалы круглого стола «Защита прав несовершеннолетних». Филиал ТвГУ в г. Ржеве, 14 ноября 2008 г.
4. Бродовская, Е.В. Процесс политической ресоциализации российских граждан [Текст] / Е.В. Бродовская // Известия Тульского государственного университета. – Сер. Социология и политология. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2002.
5. Волновая политика [Текст] // Ведомости. – 2010. – № 58 (2576), 02.04.
6. Конвенция о правах ребенка 1989 года [Текст] // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М., 1990.
7. Харчев, А.Г. Современная семья и ее проблемы [Текст] / А.Г. Харчев, М.С. Мацковский. – М.: Наука, 1978.
8. Харчев, А.Г. Социология воспитания [Текст] / А.Г. Харчев. – М.: Политиздат, 1990.
9. Szokolczai, A. Moving Beyond the Sophists: Intellectuals in East Central Europe and the Return of Transcendence [Text] / A. Szokolczai // European Journal of Social Theory. – 2005. – Vol. 8. – № 4.

ПЕРЕДАЧА ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЧАСТИ СВОИХ ПОЛНОМОЧИЙ В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 352.075+349.4

А.Н. ПИПТЮК

Право органов местного самоуправления на передачу осуществления части своих полномочий другим органам местного самоуправления с предоставлением межбюджетных трансфертов из бюджета передающего органа в бюджет принимающего предусмотрено Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [12].

Характеризуя передачу органами местного самоуправления осуществления части своих полномочий в сфере земельных отношений, необходимо определить какие отношения входят в данную сферу.

Согласно ст.3 Земельного кодекса Российской Федерации [1] таковыми отношениями являются отношения по использованию и охране земель в Российской Федерации как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, а также отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками. К земельной сфере отношений, исходя из содержания ст.11 того же кодекса, следует также относить отношения по территориальному планированию – утверждение генеральных планов поселения, правил застройки, утверждение подготовленной на основе генеральных планов поселения документации по планировке территории.

Таким образом, в круг полномочий, передаваемых органами местного самоуправления в сфере земельных отношений, входят полномочия органов местного самоуправления, необходимые для решения вопросов местного значения в сфере использования и охраны земель, владения, пользования и распоряжения земельными участками, а также территориального планирования муниципального образования.

Каких-либо ограничений по кругу передаваемых полномочий Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не устанавливает. Очевидно,

что передаваться могут лишь те полномочия в сфере земельных отношений, которыми в соответствии с действующим законодательством наделены как передающие органы местного самоуправления, так и принимающие.

Так, например, не может быть передано полномочие по распоряжению земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, поскольку данное полномочие закреплено согласно п.10 ст.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [13] за муниципальными районами и не относится к вопросам местного значения поселений [3].

Кроме того, следует согласиться с мнением А.В. Мадьяровой [2], что не должны передаваться и полномочия, относящиеся к исключительной компетенции представительного органа местного самоуправления, предусмотренные п. 10 ст. 35 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Применительно к передаче осуществления части полномочий в сфере земельных отношений таковым полномочием является исключительное полномочие представительного органа по определению порядка управления и распоряжения имуществом, находящимся в муниципальной собственности.

К субъектам передачи осуществления части полномочий в соответствии с п.4 ст.15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» относятся органы местного самоуправления муниципального района и входящих в его состав отдельных поселений. Во всех других случаях передача осуществления части полномочий не допускается.

Право на передачу органами местного самоуправления осуществления части своих полномочий реализуется путем заключения между указанными органами соответствующих соглашений.

В соответствии с п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» указанные соглашения должны заключаться на определенный срок, содержать положения, устанавливающие основания и порядок прекращения их действия, в том числе досрочного, порядок определения ежегодного объема указанных в настоящей части межбюджетных трансфертов, необходимых для осуществления передаваемых полномочий, а также предусматривать финансовые санкции за неисполнение соглашений.

В данном случае законодатель при установлении требований к указанному соглашению ограничивается указанием на обязательное наличие перечисленных выше положений в содержании подписываемого соглашения, а вопрос о том, каким должно быть содержание обязательных положений соглашения, должен решаться органами местного самоуправления самостоятельно.

Указанные вопросы в различных муниципальных районах и входящих в них поселениях решаются по-разному в зависимости от моделей организации местного самоуправления в данных муниципальных образованиях и в соответствии с положениями устава муниципального образования.

Однако, следует отметить, что на сегодняшний день во многих уставах муниципальных районов Челябинской области (Устав Сосновского муниципального района [6], Красноармейского муниципального района [7], Еманжельинского муниципального района [8], Троицкого муниципального района [9], Увельского муниципального района [10], Аргашского муниципального района [11] и др.) не содержатся какие-либо иные положения относительно передачи осуществления части полномочий помимо закрепленных в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Данное обстоятельство свидетельствует либо о нежелании органов местного самоуправления муниципальных образований Челябинской области принимать правовые акты, детально регламентирующие порядок передачи части своих полномочий, либо об отсутствии у них знаний и представлений о том, каким должен быть данный порядок.

Вместе с тем в целях методического обеспечения реализации органами местного самоуправления полномочий по

решению вопросов местного значения на федеральном уровне только Министерством культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации утверждены методические указания по реализации вопросов местного значения соответственно в сфере культуры городских и сельских поселений, муниципальных районов [4].

Что же касается передачи осуществленной части полномочий в сфере земельных отношений, то в настоящее время на федеральном уровне подобных указаний или рекомендаций не принято. Однако, на основе анализа положений раздела 3 приведенных выше методических указаний Минкультуры РФ, применительно к передаче части полномочий органов местного самоуправления в сфере земельных отношений можно сделать следующие выводы.

Соглашения могут заключаться теми органами местного самоуправления, в чью компетенцию входит передаваемое полномочие в соответствии с действующим законодательством и уставом муниципального образования.

Исходя из того, что передача полномочий обязательно сопровождается выделением финансовых средств из бюджета муниципального района (поселения) в виде субвенций, решение о передаче осуществления части полномочий должно приниматься представительным органом местного самоуправления.

Вышеуказанное решение представительного органа местного самоуправления является нормативным правовым актом и подписывается главами соответствующих муниципальных образований.

Обязательным условием для принятия представительным органом местного самоуправления решения о передаче части полномочий является наличие заключения финансового органа муниципального образования по данному вопросу, а также социально-экономическое обоснование, представленное главой местной администрации. Финансовый орган готовит и представляет в представительный орган местного самоуправления расчеты необходимых затрат местного бюджета, а также иные сведения, касающиеся вопросов материального и финансового обеспечения исполнения передаваемых полномочий в сфере культуры, досуга и массового отдыха населения.

В соглашение должно быть обязательно включено полное и исчерпывающее определение части передаваемых полномочий.

При этом потребуются заключение отдельного гражданско-правового договора по передаче соответствующего имущества и составление акта приемки-передачи.

В соглашении целесообразно наделить передающую сторону правом контроля за исполнением другой стороной обязательств по соглашению: за осуществлением переданных полномочий, целевым использованием исполняющей стороной предоставленных на эти цели финансовых средств.

В соглашении устанавливается ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение переданных полномочий, за использование средств не по назначению, без учета целевого назначения, в том числе меры ответственности и финансовые санкции.

Соглашение может содержать иные условия по усмотрению сторон: например, оказание стороной, передающей полномочия, методической помощи в осуществлении другой стороной переданных полномочий, порядок разрешения споров путем использования согласительных процедур или в судебном порядке.

После заключения соглашение подлежит регистрации в администрации каждого муниципального образования, являющегося стороной соглашения, поэтому будет иметь двойной регистрационный номер.

Каждый экземпляр соглашения подлежит хранению в соответствующей службе документационного обеспечения (делопроизводства) администрации муниципального образования – стороны соглашения или у работника администрации, ответственного за документационное обеспечение.

Обязательно устанавливается срок действия соглашения с указанием момента вступления соглашения в силу и даты прекращения действия соглашения. В соглашении должны содержаться положения, устанавливающие основания и порядок внесения изменений и дополнений в соглашение, а также прекращения его действия, в том числе досрочного.

Соглашение может быть расторгнуто в случае прекращения переданных полномочий в силу закона, по истечении срока действия соглашения, по взаимному согласию сторон, что должно быть отражено в соглашении.

Администрация муниципального района или поселения, принимающая на себя обязательства по исполнению согла-

шения, вносит данное соглашение в реестр расходных обязательств муниципального района или поселения соответственно.

После заключения соглашений администрациями муниципальных образований главы этих муниципальных образований принимают распоряжения о проведении мероприятий по реализации соглашений с учетом особенностей каждого соглашения и вносят в представительный орган местного самоуправления проект решения о внесении изменений в местный бюджет на текущий финансовый год или проект местного бюджета на очередной финансовый год в зависимости от даты вступления соглашения в силу, размера и порядка перечисления субвенций.

Кроме того, для осуществления переданных в соответствии с указанными соглашениями полномочий органы местного самоуправления имеют право дополнительно использовать собственные материальные ресурсы и финансовые средства в случаях и порядке, предусмотренных решением представительного органа муниципального образования.

С вопросом обязательного финансирования осуществления части передаваемых полномочий в сфере земельных отношений связаны проблемы несбалансированности расходов, связанных с осуществлением части переданных полномочий, и финансирования в виде межбюджетных трансфертов из бюджета передающего органа в бюджет принимающего.

Данные проблемы возникают в связи с тем, что, заключая соглашения о передаче осуществления части полномочий, органы местного самоуправления не предусматривают передачу неразрывно связанных с передаваемыми полномочиями прав и обязанностей.

Так, при передаче осуществления полномочий по распоряжению земельными участками должны быть переданы и обязанности органов местного самоуправления по подготовке соответствующей документации на предоставляемый земельный участок, проведению работ по формированию земельного участка, предоставляемого для строительства без предварительного согласования места размещения объекта, проведению торгов (конкурсов, аукционов) по продаже земельного участка, по выбору земельного участка и принятию решения о предварительном согласовании места размещения объекта, по утверждению и выдаче за-

явителю схемы расположения земельного участка на кадастровом плане или кадастровой карте соответствующей территории при предоставлении земельных участков для целей, не связанных со строительством, и другие обязанности.

В случае, если при передаче осуществления полномочий по распоряжению земельными участками органам местного самоуправления не будут переданы права и обязанности, неразрывно связанные с передаваемыми полномочиями, то, как следствие, появляется несоответствие перечисляемых в бюджет органа местного самоуправления межбюджетных трансфертов переданным последнему полномочиям.

Одним из решений указанной проблемы может быть разработка на федеральном уровне соответствующим органом исполнительной власти типового соглашения о передаче органами местного самоуправления осуществления части своих полномочий в сфере земельных отношений.

В заключении необходимо отметить, что одним из главных требований к содержанию соглашения о передаче органами местного самоуправления осуществления части своих полномочий в сфере земельных отношений является требование, связанное с детальной регламентацией именно порядка возврата переданных полномочий.

Данный вывод связан с тем, что на сегодняшний день практически во всех

субъектах Российской Федерации органы местного самоуправления поселений использовали свое право на передачу части своих полномочий по решению вопросов местного значения органам местного самоуправления муниципальных районов [5].

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что органы местного самоуправления поселений в настоящий период не имеют необходимых финансовых средств, материальных и кадровых ресурсов для самостоятельного решения возложенных на них обязанностей по решению вопросов местного значения, что в свою очередь ведет к ослаблению местного самоуправления на уровне поселений вплоть до скрытого фактического отказа от поселенческого уровня местного самоуправления при юридическом его сохранении [2].

В данной ситуации детальная регламентация порядка возврата переданных полномочий с установлением сроков действия соглашения о передаче полномочий, оснований его прекращения является гарантией самостоятельности местного самоуправления на уровне поселений при дальнейшем повышении уровня финансовой обеспеченности муниципальных образований, совершенствовании механизмов межбюджетного регулирования, дальнейшем развитии системы подготовки и переподготовки кадров.

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136 – ФЗ [Текст] // СЗ РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

2. Мадьярова А.В. Межмуниципальные соглашения о передаче части полномочий: некоторые проблемы теории, законодательного регулирования и практики применения [Текст] / А.В. Мадьярова // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 1.

3. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 23 ноября 2007 г. по делу № А13-978/2007 [Текст] // документ опубликован не был.

4. Приказ Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ от 25 мая 2006 № 229 «Об утверждении Методических указаний по реализации вопросов местного значения в сфере культуры городских и сельских поселений, муниципальных районов и Методических рекомендаций по созданию условий для развития местного традиционного народного художественного творчества» [Текст] // документ опубликован не был.

5. Рекомендации «круглого стола» на тему: «Правовые проблемы реализации органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий и полномочий органов местного самоуправления другого уровня» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dl.smo74.ru/prav_prob.doc.

6. Устав Сосновского муниципального района (принят Решением Собрания депутатов Сосновского муниципального района Челябинской области от 15 июня 2005 г. № 33) [Текст] // документ опубликован не был.

7. Устав Красноармейского муниципального района (Принят Постановлением Собранием депутатов Красноармейского муниципального района Челябинской области от 21 июня 2005г. № 49) [Текст] // документ опубликован не был.

8. Устав Еманжелинского муниципального района (принят Постановлением Еманжелинского районного Собрания депутатов Челябинской области от 22 июня 2005 № 34) [Текст] // документ опубликован не был.

9. Устав Троицкого муниципального района (принят Постановлением Собрания депутатов Троицкого муниципального района Челябинской области от 29 июня 2005 г. № 19) [Текст] // Вперед. – № 95. – 18.08.2005 (спецвыпуск).

10. Устав Увельского муниципального района (принят Постановлением Собрания депутатов Увельского муниципального района Челябинской области от 05 июля 2006 г. № 35) [Текст] // документ опубликован не был.

11. Устав Аргяшского муниципального района (принят Решением Собрания депутатов Аргяшского муниципального района Челябинской области от 20 июля 2005 № 62) [Текст] // Восход. – № 95. – 18.08.2005.

12. Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131 – ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

13. Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 137 – ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4148.

ИЗМЕНЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ И ЮРИСДИКЦИИ МЕСТНОЙ ИМПЕРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ В 1840-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1860-Х гг.¹

УДК 321(091); 34(091)

В.А. ВОРОПАНОВ

Данная статья посвящена вопросам судебно-правовых преобразований на территории «Среднего» и «Старшего» казахских жузов. Анализ развития административно-судебной системы в одном из крупнейших национальных регионов Российской империи основан на сочетании опубликованных юридических источников и архивных материалов, извлеченных из фондов Государственного архива Омской области и Российского государственного исторического архива.

В 1831–1834 гг. руководство Западной Сибири сформировало в Степном крае систему местных имперских учреждений. На территории Среднего казахского жуза вновь были открыты 5 «внешних» округов Омской области [36]. Коронная администрация различными мерами смягчала противоречия, обострившиеся внутри племенного сообщества, искала взаимопонимания со степной знатью. Деятельность окружных приказов на этапе их становления отчасти дезорганизовали волнения, связанные с вторжениями в казахские «волости» сторонников кокандского хана и султана К. Касымова. С 1837 г. казахи, кочевавшие вне пределов империи, предавались за измену, убийство, грабеж, баранту и явное неповиновение установленным властям военному суду [18]. В 1838 г. в целях более успешной реализации законодательства в Восточном Казахстане правительство империи осуществило очередную деконцентрацию местной власти. Центр региона перевели в Омск. В январе 1839 г. вновь сформиро-

ванная в крае Область сибирских киргизов подчинилась Пограничному управлению, размещенному в одном здании с Главным управлением Западной Сибири [19]. Структурные подразделения областной администрации специализировались, уголовное и гражданское судопроизводство разделялись. Представитель казахской аристократии в учреждении исполнял штатные функции координатора и консультанта. Пограничное управление отвечало за укрепление социально-политической стабильности и единого правопорядка в степи, совершенствование окружной системы и налаживание судебно-юрисдикционных практик органов местного управления, введенных в 1820-х гг.

Ежегодная ревизия окружных учреждений входила в обязанности начальника области. Усилия Пограничного управления по поддержанию действенности системы приказов и структур кочевого управления не приносили ощутимых результатов. Переходный период организации системы управления и суда в Степном крае выражался в соприкосновении и сложном взаимодействии правовых культур, сопровождался правовым плюрализмом и ослаблением патриархальных устоев. Чиновники анализировали факты многочисленных нарушений нормативных актов, вызванных конкуренцией источников права и неуклонным разрушением традиционных правоотношений среди казахов. Особенности этнической культуры и психологии обусловили взгляд народа на администрацию и официальный суд. Члены

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РФГНФ («Особенности функционирования региональных судебных систем в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.»), проект № 09-03-85301а/У.

окружных приказов систематически вовлекались в имущественные и личные конфликты, разрешить которые законным порядком часто оказывались не в состоянии. В степи не прекращался угон скота, поиск которого следственным органам был не по силам. В суды поступали иски без сообщений о решениях, уже вынесенных биями.

Этническая аристократия обращалась к совершению служебной карьеры, удоставившись имперских отличий. Однако практически все лица, избранные в приказы, были неграмотны и часто отсутствовали в приказах. Деятельность приказов испытывала деструктивное влияние негативных характеристик бюрократического аппарата, разрыва интересов служилой элиты, опиравшейся на внешние источники легитимности политической власти, и населения, корыстно использовавшего ситуацию в кочевом обществе. Разрушение привычного уклада жизни в степи, вызванное экономическим и политическим влиянием России, провоцировало многочисленные правонарушения носителей полномочий, подтачивавшие авторитет государственной власти. Решение кадровых вопросов обуславливалось социальными и политическими процессами, адаптацией представителей родоплеменной знати в выборной службе, учетом военно-политической конъюнктуры, а также отсутствием резерва профессионально подготовленных чиновников. Должностные преступления использовались как дополнительный способ устранения нелояльных представителей элиты от управления народом. Степные жители пользовались правом подачи жалоб на лиц, облеченных властью, инициировали проведение следствий и удаление от должностей. Дела о противозаконных поступках старших султанов и заседателей периодически разбирались в вышестоящих инстанциях [6]. Особое внимание Совет ГУЗС уделял правонарушениям чиновников [7].

В 1844 г. имперское присутствие в Восточном Казахстане выросло через расширение чиновного состава в руководстве окружных приказов, компенсировавшее неподготовленность национальных депутатов к осуществлению государственных функций. В 1849 г. по настоянию пограничного начальника Совет ГУЗС расширил коллегию Кокбектинского приказа, вновь открытого близ границы с Китаем.

Одному из чиновников рекомендовалось придать статус «старшего неперменного заседателя», товарища председателя, особо ответственного за соблюдение установленного порядка делопроизводства [20]. Местный механизм реализации законодательства стабильно налаживался, формы отчетности разнообразились, упрочивая служебную иерархию и субординацию, инструкции фиксировали обогащение и аккумуляцию правового опыта, намечали внедрение типовых процессуальных правил. [12].

В начале 50-х гг. геополитическая ситуация в Центральной Азии положительно менялась в пользу России, вытеснявшей Коканд и закреплявшейся в Заилийском крае. Степи Среднего жуза превратились во внутреннюю провинцию государства [3, с. 225; 15, с. 330–334], «левый фланг» казахских степей был выделен в самостоятельное административное образование – Семипалатинскую область. В 1854 г. Пограничное управление переименовали в областное правление, фактически сохранившее прежнюю внутреннюю организацию [22]. Областная инстанция разбирала факты преступлений должности, ревизовала уголовные дела, рассматривала апелляционные прошения по искам на сумму свыше 600 руб. серебром. Жалобы на медленность делопроизводства и отказ в правосудии поступали к военному губернатору или в Совет области. Копии приговоров, лишавших или ограничивавших султанов в правах, дела по апелляции на сумму свыше 1500 руб. отправлялись в Сенат [23]. Судебные полномочия, установленные для учреждений в Области сибирских киргизов, позволяли чиновному аппарату активнее вмешиваться в общественные процессы.

В районах, примыкавших к России, политика интеграции ускорилась. Во вновь образованном «Семипалатинском внутреннем округе сибирских киргизов». Правами председателя пользовался военный окружный начальник, определявшийся генерал-губернатором из числа штаб-офицеров и утверждавшийся царем. Старший султан занял место товарища. Один из трех участковых заседателей являлся дистанционным и постоянно пребывал в станице Коряковской [25]. В 1856 г. в штат приказа была введена надзорная должность [32].

В целях отделения районов кочевания Средней и Большой Орд в области был учрежден Копальский военный округ [33]. Ввиду близости округов к Китаю, их открытости для нападений враждебных племен, малограмотности старших султанов и невозможности посвящать их распоряжения, касавшиеся казахов и пограничных дел, в апреле 1861 г. военно-окружным начальником были подчинены Кокбектинский и Сергиопольский приказы [34].

Правительство избирательно уточняло уголовную юрисдикцию местных учреждений, дифференцируя подсудность кочевников согласно региональной специфике реализации имперских интересов, политической мотивированности и степени социальной опасности преступлений. Именной указ от 19 мая 1854 г., утвердивший проект региональной администрации, апробированный II Сибирским комитетом, изменил круг дел, подведомственных приказам. К числу деяний, наказуемых уголовным законодательством, были вновь отнесены разбой, подстрекательство к мятежу, должностные преступления, подделка и умышленный перевод фальшивых кредитных бумаг и монет, поджог, ложная присяга в имперском суде [26].

Указ дополнил систему обычно-правовых наказаний нормами уголовного права, давшими фигурантам право обжалования решений традиционных судей. С 1854 г. бии обязались наказывать лиц, виновных в правонарушениях, розгами от 10 до 60 ударов или арестом от 7 дней до месяца согласно степени нанесенного ущерба. Полномочия биев ограничивались правом обжалования решений в течение месяца. От телесных наказаний освобождались султаны, указные муллы, казахи, удостоенные чинов и орденов, пребывавшие в должностях или безупречно исполнявшие обязанности султанов в продолжение 3 лет, заседателей – 6 лет и управителей – 9 лет, наконец, в возрасте более 70 лет или неизлечимо больные. Согласно социально-служебной иерархии бии, аульные старшины, а также лица, награжденные знаками отличия, кафтанами и медалями не подвергались битью розгами лишь за «маловажные» преступления [28]. В Семипалатинском внутреннем округе огосударствление обычного суда ускорило. Регламентация правил юрисдикции и наказаний, востребованная в условиях

сосуществования носителей различных культур и длительно осмыслявшаяся прайвительственной администрацией [8], коснулась правонарушений с ценой иска до 20 руб., а также «воровства-кражи» и «воровства-мошенничества», совершенных не более двух раз с суммой ущерба не выше 30 руб., предусматривая сечение розгами от 25 до 50 и от 50 до 100 ударов. Постановления биев отмечались в журналах [9]. Дела с участием казахов, отказавшихся от разбирательств биев, подлежали общему гражданскому судопроизводству [27].

Летняя ревизия 1855 г. вскрыла известные нарушения в деятельности приказов. В учреждениях встречались иски времен грабежей К. Касымова. Дела открывались самостоятельно и завершались без сообщения фигурантам и без соблюдения форм производства. Следователи занимались обильной, но часто бесполезной перепиской, надолго оставляя в приказе менее трех присутствующих. Работа канцелярий не контролировалась. Ревизор оценил личный состав учреждений, дав положительные и негативные оценки в равной степени чиновникам и национальным представителям [10].

Совет области сместил ряд служащих, указав меры к исправлению выявленных нарушений. Предложение чиновника Главного управления фон Гюббенета об изъятии судебной власти у приказов в пользу областного правления Совет отклонил ввиду противоречия законодательству. Отстранение от правосудия старших султанов и заседателей как «ближайших представителей киргизской власти» из-за их неподготовленности, пояснило руководство, препятствовало бы усвоению казахами законов, а применение неизвестных судебных порядков могло вызвать недовольство народа. По мнению Совета, надлежало «постоянно внушать сим ордынцам, чтобы они рачительнее вникали в смысл постановлений и существо дел, и, при решении их в окружных приказах, содействовали бы знанием киргизских обычаев и понятий правильнейшему постановлению судебных приговоров» [13]. В 1840 – 1850-х гг. местные чиновники продолжали сбор сведений, способствовавший включению компилированных этнических обычаев в систему имперского права [11].

Об отношении к государственному суду свидетельствовала устойчивость общественного признания обычного суда,

удовлетворявшего материальные интересы не только коренных обитателей степи, но и выходцев из России и Средней Азии [2, с. 90]. В то же время, согласно официальной статистике, судопроизводство в государственных учреждениях стабильно налаживалось. Несмотря на объективные трудности становления, судебные органы демонстрировали правонарушителям потенциал уголовного преследования, решая в год сотни дел. По мере наплыва в степи российского населения приказы выполняли обязанности, аналогичные окружным судам в Сибири [16, с. 177–178].

Положение лояльной части казахской элиты укреплялось одновременно с ослаблением исключительной роли племенной знати в делах кочевого сообщества. В марте 1849 г. Совет ГУЗС, рассмотрев представление Пограничного управления о поощрении казахов, удостоенных наград за заслуги перед «отечеством», наделил избирательными правами всех обладателей обер- и штаб-офицерских чинов [37]. В 1854–1865 гг. законотворческими усилиями имперской администрации система выборов национальных должностных лиц претерпела принципиальные изменения. В частности, указ от 19 мая 1854 г., не устраняя заслуженных народных судей, предоставил правомочия биев в будущем исключительно султанам, аульным старшинам, прослужившим не менее 6 лет, казахам, имевшим официальные награждения и отправлявшим какие-либо должности. Таким образом, традиционное положение биев переводилось в служебный статус [29].

Указ от 23 февраля 1855 г. определил перечень лиц, избравшихся председателями приказов, снизив политическое влияние султанского сословия [30]. Указ от 31 декабря 1865 г. наделил правом участия в выборах старших султанов всех биев и «депутатов от народа» – по 20 человек от волости, заседателей – волостных депутатов. Для волостных избирателей законодатель ввел морально-нравственный («неопороченные судом») и возрастной («от роду не менее 21 года») цензы [35]. Таким образом, развитие избирательного права последовательно привело к установлению влияния масс кочевого населения на формирование местных органов управления и суда.

Ответственность за сохранность правопорядка в Большой Орде, султаны которой

принимали подданство в течение 1810 – 1840-х гг. [5], возлагалась на пристава, подчиненного генерал-губернатору, функции и широкие полномочия которого определила инструкция от 10 января 1848 г. Обоюдные претензии казахов Средней и Большой Орды удовлетворялись посредством формального расследования с приглашением депутатов. Уголовные дела о жителях Средней Орды передавались в окружные приказы, выписки из судебных постановлений вручались приставу с возможностью обжаловать их в вышестоящей инстанции [24]. Казахам Большой Орды с 1852 г. грозило военно-уголовное законодательство при поимке на месте совершения баранты, убийства и грабежа [21]. Обычная форма суда в Старшем жузе была оставлена без изменений. На юге Казахстана активно действовали суды казиев, применявших нормы шариата, последовательно оценивавшиеся имперской администрацией [1, с. 26]. Принятие подданства укрепило позиции султанов, оттеснивших биев от общественного управления и вызывавших народное недовольство всевластием, имевшим источником коронную администрацию [4, с. 169–170].

Рассуждения областной администрации о целесообразности распространения действующих правил уголовной подследности на южных казахов были приняты во внимание вышестоящим руководством при подготовке «Положения об управлении Алатавским округом» [14]. В декабре 1862 г. пристав Большой Орды получил статус окружного начальника [31], подчиненного военному губернатору Семипалатинской области, с исключительными прерогативами в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности. Глава активно реализовал правоохранные функции, пользуясь правом окончательного решения дел о «маловажных преступлениях и проступках» гражданских лиц, влекших взыскание на сумму не свыше 30 руб. сер., заключение под стражу от одного дня до трех месяцев или наказание розгами до 30 ударов, удовлетворения исков на сумму не более 30 руб. сер. и побуждения сторон к мировому соглашению при крупной имущественной претензии. Материалы предварительного следствия поступали в Копальский окружной приказ. Начальник

мог обжаловать решения суда по делам о преступлениях, совершенных казахами Средней Орды в Алатавском округе, посредством губернатора. Южные казахи за баранту, грабеж и разбой, содеянные в пределах Алатавского округа, измену и явное неповиновение властям предавались суду по усмотрению генерал-губернатора Западной Сибири; за баранту, грабеж и убийства, совершенные в округах Средней Орды, а

также убийство старших султанов и лиц, удостоенных чинов и наград, подлежали юрисдикции военно-судных комиссий. Из числа наказаний по обычному праву исключалась смертная казнь [17].

Воздействие имперской администрации на межэтнические и межсословные, межжуровые и внутритриплеменные отношения в Казахстане неуклонно приобретало организующий и третейский характер.

1. Бекмаханова, Н.Е. Ислам в Казахстане и российское законодательство XIX века [Текст] / Н.Е. Бекмаханова, Н.Б. Нарбаев // Ислам, общество и культура. – Омск, 1994.
2. Валиханов, Ч.Ч. Записка о судебной реформе [Текст] / Ч.Ч. Валиханов // Собр. соч. в 5 т. – Т. 4. – Алма-Ата, 1985.
3. Валиханов, Ч.Ч. Об управлении казахами Большого жуза [Текст] / Ч.Ч. Валиханов // Собр. соч. в 5 т. – Т. 1. – Алма-Ата, 1985.
4. Валиханов, Ч.Ч. Переписка [Текст] / Ч.Ч. Валиханов // Собр. соч. в 5 т. – Т. 5. – Алма-Ата, 1985.
5. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 419. Л. 1 – 392; Ф. 6. Оп. 1. Д. 38. Л. 1 – 22 об.
6. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1462. Л. 1 – 3; 1464. Л. 1 – 4 об.; Оп. 3. Д. 3650. Л. 1а – 11; РГИА. Ф. 1286. Оп. 11. Д. 374. Л. 11 – 13, 20.
7. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1674. Л. 271 – 281 об.; Оп. 2. Д. 1988. Л. 1е–2; Д. 1989 – 1993; Оп. 13. Д. 18401. Л. 1 – 4.
8. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1674. Л. 661 – 667 об.
9. ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3571. Л. 65 – 67.
10. ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3760. Л. 8 – 55.
11. ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3969. Л. 74 об. – 75.
12. ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4333. Л. 88 – 99.
13. ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4336. Л. 132 об. – 133 об.
14. ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4401. Л. 1а – 22 об.
15. Дружинец, А.С. Особенности российской политики в юго-восточных районах Казахстана (40 – 60-е годы XIX в.) [Текст] / А.С. Дружинец // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI – XXI вв. – Новосибирск, 2006.
16. Красовский, М. Область сибирских киргиз [Текст] / М. Красовский // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – Т. 16. – СПб., 1868.
17. Продолжение СЗ РИ, изданного в 1857 г. По 31 марта 1863 г. Ч. 1. СПб., 1863. Ст. 562 – 563; ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXVII. № 39088. § 37 – 44; ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4364. Л. 24 – 24 об.; РГВИА. Ф. 801. Оп. 52/2. Св. 102. Д. 62. Л. 2 – 3; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 250. Л. 1 – 10.
18. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XII. № 10659.
19. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIII. № 11122. Именной указ; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 167. Л. 91–107.
20. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIX. № 17487; РГИА. Ф. 1286. Оп. 11. Д. 374. Л. 24 – 24 об., 50 – 51.
21. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXVII. № 26831.
22. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXIX. № 28255. Именной указ; Положение. § 10 – 35; ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3571. Л. 86 – 87, 193 – 193 об.
23. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXIX. № 28255. Положение. § 21, 24, 26; № 28264. Ст. 6 – 7; ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3571. Л. 23; Д. 4349. Л. 1 – 2.
24. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXIX. № 28255. Положение. § 59 – 60; ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3571. Л. 31 – 32 об.
25. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXIX. № 28255. Положение. § 79 – 81; ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3571. Л. 47 – 50 об., 91, 222–222 об.; Д. 4443. Л. 7 – 20 об.
26. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXIX. № 28264. Ст. 1; РГИА. Ф. 1405. Оп. 51. Д. 3944. Л. 83.
27. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXIX. № 28264. Ст. 3.
28. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXIX. № 28264. Ст. 4.
29. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXIX. № 28264. Ст. 10.
30. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXX. № 29069.
31. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXI. № 31095.
32. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXI. Ч. 2. № 31222.
33. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXI. Ч. 1. № 31222. П. 4; Т. XXIX. № 28255. Положение. § 126–131; ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3571. Л. 30 об.
34. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXVI. № 36815; ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4443. Л. 1 – 4.
35. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XL. № 42852.
36. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 348. Л. 1–255.
37. РГИА. Ф. 1286. Оп. 11. Д. 374. Л. 32 об., 34 об.

ПЕРСПЕКТИВА КАК МОДЕЛЬ БУДУЩЕГО В ЭКОНОМИКЕ СЧАСТЬЯ – НОВОЙ НОРМАТИВНОЙ ТЕОРИИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ*

УДК 330.101

И.В. ЛАВРОВ

Разделение общего и экономического благосостояния, определение научных подходов к экономическому благосостоянию как части общего, допускающей денежную оценку, а также динамика взаимодействия всех частей общего благосостояния, начиная с работ А. Пигу [3], являются насущными и актуальными проблемами науки, социальной и бюджетно-налоговой политики государства [2]. По сути дела в исследовании благосостояния экономика ближе всего подходит к изучению природы человека, целей общественного развития и особенностям логики выбора в разных социально-экономических системах. Тонкое диалектическое единство экономического и неэкономического содержания в формировании благосостояния изучалось в прошлом известными учеными [4; 5; 7].

Современные исследования экономики благосостояния, характерные и для России, показывают, что многолетние поиски научной методологии нормативной теории обусловили в настоящее время необходимость пересмотра, как минимум, одной из основополагающих аксиом теории экономики благосостояния – определение денежного дохода как единственной меры удовлетворения потребностей и сущности мотивации в экономическом поведении индивидов. Полагаем, что количественные подходы, ориентирующиеся на измерение благосостояния на основе структуры и величины доходов, соответственно, структуры и величины расходов, можно дополнить качественными подходами, в основе которых находятся этические категории, например счастье, вера, надежда, долг и др.

Соответственно, экономика благосостояния, понятийный каркас которой составляет категория дохода и ее произ-

водные (заработная плата, рента, прибыль, процент, дивиденд), дополняется экономикой счастья, проблематика которой отображает экзистенциальные факты в экономическом поведении человека, и описывается в таких понятиях, как комфорт, уверенность, обеспеченность, ответственность, доверие и т.п.

Следовательно, определение критерия роста индивидуального и общественного (коллективного) благосостояния в новых ориентирах нормативной парадигмы экономики заключается в том, что таким критерием является институт перспективы, где материальное богатство (одна из переменных благосостояния) составляет меру социальной свободы, т.е. меру возможного в действительности [1].

Институт перспективы как критерий роста благосостояния мы предлагаем моделировать функцией потерь, которую хозяйствующий субъект (индивид, государство, предприятие) стремится минимизировать. С функцией потерь связана функция антиполезности (disutility), и она минимизируется хозяйствующими субъектами на основе компромисса между перспективами.

Механизм формирования и реализации перспектив в экономических решениях тесно связан с трансакционными издержками. Отсюда трансакционные издержки представляют, кроме уже известных аспектов их содержания, «потери полезности» благ для хозяйствующих субъектов, функция которых может иметь следующий вид:

$$C_0 = a_1(P_1 - P'_1)^2 + a_2(P_2 - P'_2)^2 + \dots + a_n(P_n - P'_n)^2,$$

где C_0 – «потери полезности» благ как трансакционные издержки субъекта; P_1, P_2, P_n – фактические значения показателей;

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант №09-02-00504 а/Р «Российские особенности теории экономики благосостояния»).

P'_1, P'_2, P'_n – ожидаемые, желательные их значения; a_1, a_2, a_n – веса указанных показателей, которые определяются субъективно. Минимизация функции «потеря полезности», которые следует идентифицировать как трансакционные издержки, осуществляется согласованием перспектив, т.е. нахождением субъектом компромисса между ожидаемыми в будущем, желательными (P'_1, P'_2, P'_n) значениями показателей от использования благ. Ожидаемые и фактические значения показателей определяются субъективно на фиксированный момент времени. Соответственно, значение перспективы будет равно нулю или равно числу отличному от нуля, а рост индивидуального благосостояния можно представить суммой перспектив (в этом случае, перспектива – это чистый выигрыш субъекта).

В методологическом плане представляется оправданным (табл.1) разделение благосостояния по временному параметру на потенциальное (возможное) и актуальное (действительное), а также по субъектам присвоения – на индивидуальное (индивиды, домашние хозяйства), общественное (государство) и корпоративное (фирмы и предприятия). Потенциальным источником благосостояния следует считать инвестиции как сущность накопления; актуальным источником благосостояния, следовательно, являются конечное индивидуальное и государственное потребление и прибыль фирм и предприятий.

Таблица 1.

Типология благосостояния

Субъект благосостояния	Временные параметры	
	потенциальное благосостояние	актуальное благосостояние
Индивиды, домашние хозяйства	Обучение, включая все виды инвестиций в человеческий, социальный и символический капитал. Изобретения и инновации	Конечное индивидуальное потребление
Государство	Инвестиции в производство товаров и услуг, финансовые титулы, нематериальные активы. Инновации	Конечное государственное потребление
Фирмы, предприятия	Производственные и финансовые инвестиции. Инновации	Прибыль

В представленной типологии явно выражен дуализм благосостояния – противостоят индивидуального и общественного, которое чаще ассоциируется с государством как всеобщим, по преимуществу, и политическим представителем всего общества. В этом смысле индивидуальное благосостояние, формируемое неоклассической теорией полезности, противостоит общественному благосостоянию.

Для формирования новой нормативной теории благосостояния как современной экономики счастья определенное концептуальное значение, на наш взгляд, имеют два направления экономических исследований общественного благосостояния: австрийская школа маржинализма и классическая (политэкономическая) теория богатства, включая современную методологию системы национального счетоводства.

Представители австрийской школы развивают и дополняют концепцию экономического поведения в направлении более реалистических допущений по сравнению с неоклассическими в моделировании конкуренции, рынков, роли предпринимателей, экономической рациональности и неденежной мотивации хозяйствующих субъектов.

Классическая политическая экономия разрабатывала преимущественно производственный аспект национального богатства, а марксистская экономическая теория как наследница классической политэкономии обращалась к его социальным аспектам. В отличие от неоклассической традиции экономики благосостояния, выступающей микроэкономической теорией богатства, классическая политэкономия, включая марксистскую экономическую теорию и отдельно советскую школу этой теории, следует считать макроэкономической теорией национального богатства. В теории национального богатства центральное методологическое значение имеет категория активов и смежных с ней понятий: капитала, запаса, потока, ресурса и потенциала.

На наш взгляд, для новой нормативной теории экономики благосостояния представляет интерес метод Дж. Ролза в определении дифференциального принципа экономической справедливости

между индивидами (Дж. Ролз объясняет ее стратегией максимина из теории игр – максимизация благосостояния наименее обеспеченных членов общества). С другой стороны, обладание индивидами первичными благами (равенством в свободе, доходах и благосостоянии) соответствует их естественному равенству, что и выступает основой заключения контрактов [4].

В сравнении с классическим, неоклассическим и социальным контрактами особенностью роулсианского контракта является выбор индивидов в состоянии полного неведения о будущем, включая знание о своих социальных возможностях, особенностях национальной, расовой, поколенческой и гендерной культуры, индивидуальных способностях и т.п. Естественно, что в таких условиях люди стремятся максимально обезопасить прежде всего свою жизнь и обеспечить равенство в обладании первичными благами. Подобные состояния (неотчуждаемое право на жизнь плюс равенство в свободах, доходах и благосостоянии) отчасти плод научной абстракции, отчасти результат обобщений практики регулирования государством социальной жизни.

С общих методологических позиций роулсианская теория экономической справедливости, социологическая по своей сути, близка, на наш взгляд, подходу австрийской школы в определении стоимости экономических благ и ее меры, связанной с наименьшей пользой, ради получения которой представляется еще выгодным с хозяйственной точки зрения употреблять данные вещи. Но отделяет методологию Дж. Ролза, а также классическую и неоклассическую традиции экономического анализа от подхода австрийской школы концепция институтов в понимании социальной эволюции.

В рамках австрийской школы наиболее интересным примером экономического анализа истории институтов является концепция эволюционной этики Ф. Хайека [6]. В рамках этой концепции этические нормы трактуются как некие надындивидуальные правила поведения, заставляющие людей сдерживать свои инстинкты. Эти правила стихийно укореняются или отбрасываются

в процессе эволюции в зависимости от того, способствуют ли они выживанию и развитию принявшего их общества или же, напротив, ведут к его застою и гибели. Правила способствуют упорядочению экономической деятельности и координации экономической активности людей вне зависимости от успеха их осознания.

Для эволюционной этики эффективным критерием оценки социально-экономического порядка является критерий естественного отбора. С этой точки зрения преимущества принципов личной свободы, частной собственности и семьи очевидны потому, что они сформировались в ходе процесса социальной эволюции. Экономический порядок западной цивилизации возник спонтанно и является результатом стихийного следования традициям и нормам, значение которых обыденным сознанием не понимается. Но эти нормы тем не менее, довольно быстро распространяются благодаря естественному отбору, их принятие гарантирует обществу рост богатства и численности населения.

Одна из важнейших теоретических проблем в рамках методологического индивидуализма австрийской школы маржинализма – диалектический переход от индивидуального к социальному и социетальному уровням, в котором (переходе) отражается проблема реальности индивида и общества. Именно для решения проблемы интеграции жизнедеятельности отдельных индивидуумов в некое целое, представленное реально воздействующим на них социумом, Ф. Хайек обращается к морали как системе выработанных обществом норм и к традиции как социальному способу закрепления, выражения и наследования норм от поколения к поколению.

С позиций Ф. Хайека традиционная мораль и система нравственных принципов представляет социогенетический механизм общественного развития, обеспечивающий его единство и преемственность, и в этом отношении они реализуют функцию «невидимой руки» А. Смита по согласованию индивидуального и социального. Однако для А. Смита принципиальная возможность гармонии индивидуального и социального закладывает

ется божественной мудростью творца, для Ф. Хайека механизм отбора нравственно лучшего в процессе социальной эволюции является единственной силой, способной примирить противоречивость всех индивидуальных устремлений.

В этом контексте религия есть персонафицированная и специфическая форма манифестации правил поведения, наиболее эффективных с точки зрения выживаемости конкретного сообщества людей. В концепции Ф. Хайека нравственные, эстетические и т.п. нормы являются факторами, которые определяют изменения в функционировании экономических систем и в поведении хозяйствующих субъектов, но одновременно они сами изменяются в зависимости от эволюции человека и социума. Нормативное значение морального фактора для экономики то же, что и фактор естественного отбора в теории эволюции для биологии.

Таким образом, выводы, которые можно сделать из сопоставления классической и австрийской школ в исследовании благосостояния, показывают, что, с одной стороны, есть индивидуальное благосостояние, объективно, логически и теоретически связанное с биосоциальной природой и сущностью человека. В этом случае социальная и экономическая поли-

тика государства как основного института публичной власти должна реагировать на изменения общественного консенсуса в отношении актуальной сущности человека, его потребностей и желаний.

С другой стороны, следует четко отделять от индивидуального общественного и корпоративное благосостояние, которое увязано с сущностью современных политических, социальных и экономических организаций, прежде всего государства, предприятий и фирм. Для общественного и корпоративного благосостояния характерны особенности поведения и предпочтений, присущих группе или сообществу групп. Группа в социальной науке признаётся особым субъектом действия по сравнению с индивидом. Группа состоит из индивидов, но не сводится к простой их сумме. В этом случае можно наблюдать эффект синергии: из совокупности индивидов как первичных субъектов появляется группа как вторичный субъект. Благосостояние индивидов и групп различно, удовлетворение их потребностей и предпочтений приводит к противоречиям, что делает крайне трудной реализацию любых видов политики государства и корпораций в обществе из-за неизбежных конфликтов публичного и частного, массового и элитарного.

1. Лавров, И. О проблематике нормативных исследований в экономике [Текст] / И. Лавров // Вопросы экономики. – 2007. – №7. – С. 59–72.

2. Нисканен, В.А. Особая экономика бюрократии [Текст] / В.А. Нисканен // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т.4. / под общ. ред. А.П. Заостровцева. – СПб.: Экономическая школа, 2004. – С. 477–536.

3. Пигу, А. Экономическая теория благосостояния: пер. с англ. т.1. [Текст] / А. Пигу. – М.: Прогресс, 1985. 512 с. (Современная экономическая мысль Запада).

4. Ролз, Дж. Теория справедливости [Текст] / Дж. Ролз. – Новосибирск: Наука, 1995. – 536 с.

5. Сен, А.К. Свобода, единогласие и права [Текст] / А.К. Сен // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т.4. / под общ. ред. А.П. Заостровцева. – СПб.: Экономическая школа, 2004. – С. 195–248.

6. Хайек, Ф. Пагубная самоуверенность [Текст] / Ф. Хайек. М.: «Новости» при участии изд-ва «Catalaxy», 1992. – 304 с.

7. Хикс, Дж.Р. Основания экономики благосостояния [Текст] / Дж.Р. Хикс // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т.4. / под общ. ред. А.П. Заостровцева. – СПб.: Экономическая школа, 2004. – С. 17–38.

ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВА И РЫНКА НА ОСНОВЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

УДК 334

М.С. НОРЕКЯН

Термин «Государственно-частное партнерство» (ГЧП) используется для обозначения долгосрочного сотрудничества в виде контрактов между государственным и частным секторами экономики по предоставлению услуг. Предоставление подобных услуг при поддержке представителей частного сектора экономики, до недавнего времени считалось невозможным, и к таким отраслям хозяйствования относились, например, здравоохранение, исправительно-трудовые учреждения министерства юстиции, оборонный комплекс государства. ГЧП сегодня принято считать альтернативой существующим представлениям о государственных закупках и моделях хозяйствования.

По мнению одного из самых признанных немецких экспертов в Области ГЧП профессора Будеусса, проблемами теории ГЧП никто серьезно не занимался. В центре внимания оказались вопросы практического внедрения той или иной модели сотрудничества [2, S. 208]. В данной статье мы не будем отклоняться от основного течения и попытаемся представить несколько практически ориентированных точек зрения и упомянем лишь, что экономической теории, исследующей исключительно проблемы ГЧП, нет и, и по всей вероятности во обозримом будущем, не будет. Тенденции развития этой области могут быть объяснены при помощи классической теории организации хозяйствования, могут быть интенсивно использованы представления, вытекающие из предположений о взаимоотношениях между Принципиалом и Агентом и теории трансакционных издержек, а также теории социального капитала.

Представители АТТАС (международной организации кроме всего прочего известной своими настроениями против глобализации) утверждают, что ГЧП это что-то вроде современной сказки, гово-

рящей о том, что, несмотря на пустую казну, государственные органы в состоянии обеспечить «будущее» развитие отраслей инфраструктуры [8].

По этому поводу существуют и другие мнения, утверждающие, что государственно-частное партнерство, являясь экономически эффективной альтернативой конвенциональным методам хозяйствования, фокусирует на себе более широкий спектр вопросов, чем необходимость механического привлечения капитала. Более актуальна дилемма, с которой сталкиваются территориальные органы власти – ничего не делать или попытается реализовать конкретные проекты в рамках сотрудничества с частными партнерами [4, S. 28]. Принято считать, что на своем пути ГЧП прошло два периода развития.

На первом этапе в процесс конвенционального строительства был интегрирован частный партнер, роль которого сводилась к строительству и финансированию совместного начинания. После непродолжительного промежутка времени стало ясно, что рамки подобного сотрудничества достаточно узки, и частному участнику рынка была дана возможность вовлечения во все фазы реализации проекта. Совместная деятельность второго поколения ГЧП охватывала уже планирование, финансирование, строительство, эксплуатацию и ликвидацию совместного проекта.

ГЧП это не государственный инструмент по реализации инвестиционных программ в условиях ограниченности бюджетных средств, а целенаправленная деятельность государства в области предоставления высококачественных услуг и эффективного функционирования государственного аппарата [1].

Существует группа людей, исходящих из того, что ГЧП это обман и введение в заблуждение в особо крупных масштабах.

Приватизация и ГЧП превращают демократические институты, парламенты, законы и социальное государство в «фарс» [10, S. 8–9].

Сторонники ГЧП видят эту проблему по-другому, они исходят из того, что обсуждение проблем их контрагентами иногда переходит границы разумного, и объяснимо односторонним, предвзятым подходом, и видением проблемы лишь в одной плоскости и цветовой гамме, точнее говоря в ее отсутствии [4, S. 28].

Необходимо отметить, что количество сторонников ГЧП растет, и вместе с ним растет и пропасть, разделяющая ее сторонников с противниками.

Эффективность ГЧП не ограничивается границами одного государства и даже в рамках единого государства оно не воспринимается однозначно.

Опыт Федеральной Земли Северный Рейн-Вестфалия, указывает на возможность повышения эффективности деятельности той или иной отрасли. Посредством создания и углубления основ государственно-частного партнерства от 5% до 15% без снижения при этом стандартов качества предоставляемых услуг или производимой продукции [4, S. 26].

Согласно отчету, опубликованному счетной палатой Баден-Вюртенберга ГЧП проекты в своем большинстве лишь на 3% эффективнее по сравнению с конвенциональными, и лишь в одном случае из шести было зафиксировано 10 %-е отклонение в пользу ГЧП [9, S. 38].

В 2009 году были подведены итоги, реализованных в основном в США и Австралии экспертиз, тематических исследований, обзора литературы и отчетов 25-и, так называемых Long-term Infrastructure Contracts (LTIC-Type PPP). С точки зрения эффективности произведенных затрат «Value of Money» в 20 из 25 проектов были зафиксированы противоречивые результаты. В 9-и из них по сравнению с конвенциональными методами налицо были все признаки достижения поставленных результатов. Точное такое количество проектов, а именно 9, демонстрируют противоположные итоги. Еще два проекта было невозможно отнести к той или иной группе. С точки зрения еще одного критерия эффективности – сроков сдачи в

эксплуатацию, также нет единства мнений [5, S. 33–39].

Та же картина наблюдается и в прочих федеральных землях ФРГ и многих экономических развитых государствах, где потенциальная экономия используемых ресурсов возможна лишь при незначительных, однако хорошо продуманных изменениях условий подобного сотрудничества. В первую очередь это касается целесообразности и объемов передачи рисков; здоровой дозы конкуренции; единого подхода при определении продолжительности и содержания жизненного цикла государственно-частного сотрудничества.

Речь уже давно не идет о необходимости подобного сотрудничества. Речь идет однозначно о том, как это сотрудничество организовать. На первый план выходит вопрос о темпах и масштабах поощряемых мероприятий.

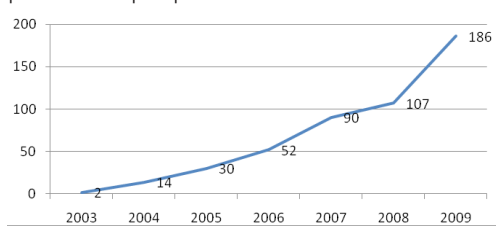

Рисунок 1. График количества ГЧП проектов между 2003 и 2009 гг. (штуки) [6]

По данным Федерального министерства транспорта и Федерального министерства финансов 15% всех государственных вложений в инфраструктуру ФРГ в ближайшем будущем будет осуществляться на основе ГЧП [4, S. 28].

Таблица 1.
Динамика количества и объемов ГЧП проектов в ФРГ в год [7]

2004 г.	12 штук	350 млн. евро
2005 г.	16 штук	504 млн. евро
2006 г.	22 штук	590 млн. евро
2007 г.	34 штук	1456 млн. евро
2008 г.	27 штук	1423 млн. евро

В 2010 году Немецкий институт урбанистики (Deutsches Institut fuer Urbanistic) опубликовал итоги исследований относительно состояния ГЧП проектов в ФРГ в 2009 году. В рамках проекта были опрошены представители муниципальных и коммунальных властей. Четверть из опрошенных

исходили из того, что в ближайшие пять лет ими будут начаты один или более ГЧП проектов. В крупных городах этого мнения придерживался каждый второй опрошенный. Специалисты этого института исходят из предположения, что объем ГЧП проектов на муниципальном и коммунальном уровне за этот же период составит 8.4 млрд. Евро [3, S. 1]. Если к этому прибавить 5.8 млрд. Евро которые будут инвестированы Федеральными властями и правительствами федеральных земель, то необходимо говорить не о затмении ГЧП, а о нахождении наиболее оптимальных путях решений проблем возникающих в этой области.

Подытоживая все вышесказанное хочется сказать, что на долгосрочную перспективу ГЧП представляет собой шанс оптимального решения проблем государственного регулирования экономикой, и насколько этот шанс будет реализован, зависит и от того как воспринимается ГЧП в общем контексте современного государственного устройства. Какой тип государства мы собираемся иметь в будущем, «социализм», «нелиберальное государство» или государство регулирующее производство общественных благ.

Государственное восприятие ГЧП может быть представлено следующей диаграммой (рис. 2).

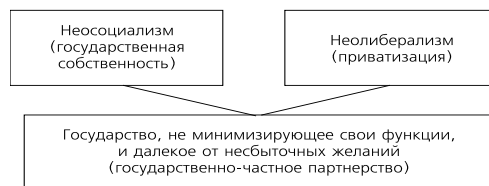

Рисунок 2. Государственное восприятие ГЧП

В период экономических и политических преобразований и кризисов усиливается давление по адаптации требований по регулированию расходов государственной казны к потребностям времени. Рост этих требований, кажется, приобретает перманентный характер и в ближайшем будущем эта тенденция, по всей вероятности, не изменит своей направленности. Ситуация обостряется не в последнюю очередь из-за состояния государственного бюджета. Попытка смягчить ситуацию за счет широкомасштабной приватизации привела к частичной потере влияния и контроля органов государственной власти в области предоставления общественных услуг. ГЧП в этих условиях может стать инструментом по смягчению ситуации.

1. Словарь Федерального министерства финансов ФРГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bundesfinanzministerium.de/nm_39840/DE/BMF_Startseite/Service/Glossar/O/004_oeffentlich_Private_Partnerschaft.html, последнее подключение 15.11.2010

2. Budaus D., Grub B. Public Private Partnership: Theoretische Bezüge und praktische Strukturierung, Zeitschrift für öffentliche und gemeinwirtschaftliche Unternehmen (ZögU) [Text]. – 30, 2007.

3. Deutsches Institut fuer Urbanistic, “PPP-Projekte in Deutschland 2009. Erfahrungen, Verbreitung, Perspektiven” [Text]. – 2010.

4. Henze M. Public Private Partnership, Moderne Kooperationsformen und Strategiekonzepte fuer Kliniken [Text]. – 2009.

5. Hodge, G. PPP – The Passage of Time Permits a Sober Reflection [Text] / G. Hodge, C. Greve // Economic Affairs. – Vol. 29 – No 1.

6. PPP Projektdatenbank [Electronic resource] / <http://www.ppp-projektdatenbank.de>, последнее подключение 15.11.2010

7. PPP Projektdatenbank [Electronic resource]/ <http://www.ppp-projektdatenbank.de/index.php?id=9>, последнее подключение 15.11.2010

8. Private Public Partnership [Electronic resource]/ www.attac-speyer.de/index.php?n=Main.PPP, последнее подключение 15.11.2010

9. Rechnungshof Baden-Wuerttemberg, Wirtschaftlichkeitsanalyse von ÖPP-Projekten der ersten und zweiten Generation bei Hochbaumaßnahmen des Landes, 2009 [Electronic resource] / <http://www.rechnungshof.baden-wuerttemberg.de/fm7/978/PAP0403B%C4BAU.pdf>, последнее подключение 15.11.2010

10. Rügemeier W. Heuschrecken «im öffentlichen Raum»: Public Private Partnership – Anatomie eines globalen Finanzinstruments, Transcript Verlag [Text]. – Bielefeld 2008.

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИНИЦИАЛИЗАЦИИ ПОСТКРИЗИСНОГО РОСТА

УДК 330.35: 336.77

Т.П. ЧЕРКАСОВА

В российской экономике, с переходом на рыночные отношения, произошел отказ от жесткого государственного планирования цен и объемов производимых товаров и услуг к свободному товарообороту по складывающимся рыночным ценам на них. Задача определения количества необходимой массы денежных знаков, обслуживающих процесс производства, обмена, распределения и накопления значительно усложнилась в силу следующих факторов:

- непрерывное возрастание количества видов и объемов производства товаров и услуг в зависимости от постоянно изменяющегося спроса на различные товары и услуги;

- отказ от твердых, устанавливаемых государством, отпускных цен на большинство производимых товаров и услуг (в пределах установленной законом их рентабельности для производителей);

- свободное ценообразование на товары и услуги в процессе их реализации на различных рынках;

- произвольное (и систематическое) повышение цен на продукцию частных (и даже государственных) предприятий – газ, топливо, электроэнергию и др.;

- появление большого числа посредников между непосредственными производителями и покупателями производимых товаров;

- чрезвычайно большая разница рыночных цен на одинаковые продукты, реализуемые в различных регионах огромной по территории страны;

- широкое использование в товарообороте иностранной валюты (долларов США, валюты Европейского Союза и др.);

- возрастающий объем импорта потребительских товаров из различных

стран, в том числе формально не учитываемого;

- значительная доля теневой экономики, которая по разным оценкам достигает 30 – 50 % общего товарооборота (без соответствующего учета и оплаты налогов).

Все эти факторы способствуют нарушению нормального рыночного товарооборота и могут приводить, с одной стороны, к нехватке государственных денежных знаков и значительным задержкам с выплатой заработной платы наемным работникам (что вызывает многочисленные и неизбежные социальные конфликты), с другой стороны, – к инфляции, обесцениванию национальной валюты. В итоге данные факторы привели в России на начальном этапе переходных реформ к затяжному кризисному состоянию экономики и тяжелому восстановительному этапу.

Состояние национальных финансовых систем во многом определяет темпы и устойчивость социально-экономического развития. С учетом высокой зависимости финансовой сферы от регулятивных действий государства она играет едва ли не ведущую роль при политическом выборе той или иной модели роста. Глобализация экономики и финансовых рынков еще больше усложнила эту взаимосвязь.

В результате расширения доступа частных и государственных компаний к глобальному рынку капитала всемирное хозяйство превратилось в одно из фундаментальных оснований национальных экономик. В свою очередь, развитие финансовых рынков стало более автономным; одновременно они начали практически мгновенно транслировать импульсы, в том числе кризисные, на все мировое хозяйство.

В настоящее время, как никогда ранее, значима сопряженность качества экономической динамики и уровня развития финансовой системы. Несбалансированность роста ведет к обострению диспропорций в финансовых потоках, что приводит к углублению структурных экономических проблем. В таких условиях конкурентоспособность национальной экономики в значительной мере зависит от качества финансовых институтов, доступности их услуг для бизнеса и населения.

В последнее десятилетие российская экономика убедительно доказала, что может поступательно развиваться. Рост реального ВВП за период 1998 – 2008 гг. составил 94%, инвестиции увеличились более чем на 200%, а реальные доходы населения – на 137%. Банковские сбережения населения в рублях выросли в 2000 – 2009 гг. в 21 раз. Обменный курс рубля по отношению к основным мировым валютам практически не изменился [1, с. 72]. Вместе с тем не удалось решить задачу удвоения ВВП к 2010 г., поставленную в 2000 г. Россия продолжает отставать от ряда стран – прямых конкурентов на мировом рынке (Китай, Индия, в последние годы – Бразилия).

В условиях мирового финансово-экономического кризиса России не удалось стать «тихой гаванью». Несмотря на накопленные международные резервы (по этому показателю она занимала третье место в мире), национальная банковская система и финансовые рынки не смогли смягчить негативное внешнее воздействие. Усиление кризисных явлений было обусловлено накопленными в период форсированного роста системными и структурными проблемами:

- дефицит ресурсов нефинансового сектора (разрыв между кредитами и депозитами предприятий и населения), превысивший в середине 2008 г. все собственные средства банковской системы;
- высокая инфляция, борьба с которой монетарными методами осложняется слабым развитием конкурентной среды;
- непропорционально сильная зависимость экономики от обменного курса рубля;

- значительная сегментация банковской системы, что проявляется в различных требованиях к ликвидности, капитализации, в доступе к внешнему и внутреннему финансированию, а в конечном счете – в разных уровнях рисков;

- низкая эффективность использования внешних займов (лишь 20–25% направлялось на кредитование нефинансового сектора).

Чрезмерная (по сравнению с другими странами «большой двадцатки» и крупнейшими развивающимися государствами) глубина падения российской экономики в 2008 – 2009 гг. в значительной мере определялась ее «перегревом» – форсированным ростом в ущерб стабильности в предшествующие годы. Вместе с тем, несмотря на явно завышенный (относительно разумного уровня риска) объем привлекаемых в российскую экономику финансовых средств, спрос на инвестиционные ресурсы в этот период не был удовлетворен. Возник разрыв между ним и источниками его покрытия – так называемая «кредитная яма».

Истина, однако, заключается в том, что при правильной денежной политике российская экономика не была бы столь уязвима по отношению к внешней экономической конъюнктуре. Если бы ЦБ обеспечивал нормальное рефинансирование коммерческих банков, хотя бы под векселя экспортно-ориентированных предприятий, имеющих надежные валютные контракты на поставку энергоносителей и сырьевых товаров, то этим предприятиям не понадобились бы зарубежные займы – они получили бы дешевые кредитные ресурсы из внутренних источников. При этом не пришлось бы платить проценты зарубежным банкам и не возникло бы кризисной ситуации вследствие обесценения залогов и отзыва иностранных кредитов. В результате наша экономика только выиграла бы и сохранила накопленные благодаря занижению курса рубля и притоку нефтедолларов валютные резервы.

Всего искусственное сужение инвестиционного потенциала российской экономики вследствие ошибочной денежной политики достигло перед кризисом 10

трлн. руб. Недостаток кредитных ресурсов на внутреннем рынке вынуждал наиболее конкурентоспособные российские предприятия кредитоваться за рубежом, что сдерживало развитие отечественной банковской системы и ставило ее в зависимость от иностранного капитала. При этом предприятия машиностроения и других высокотехнологических отраслей обрабатывающей промышленности оставались без доступа к кредитам. Даже в рамках антикризисных мер эта задача не решается, несмотря на жесткие установки руководителей государства о доведении выделяемых кредитных ресурсов до реального сектора. При средней рентабельности продукции машиностроительных предприятий в 8% они не могут позволить себе займы под 14 – 35%, предлагаемые коммерческими банками. Их и без того низкая рентабельность снизится еще больше вследствие реализации решений правительства о резком повышении тарифов на газ и электроэнергию, которые за период 2006 – 2011 гг. вырастают соответственно в 3 и 2 раза [2, с. 44]. Учитывая, что главным источником инвестиций в обрабатывающей промышленности являются собственные средства предприятий, такая ценовая и кредитная политика исключает возможности модернизации российской экономики и перевода ее на инновационный путь развития.

О неадекватности используемой российскими денежными властями методологии административного планирования денежного предложения написано много научных работ. И в настоящее время попытки количественного планирования денежного предложения оборачиваются искусственным замораживанием половины фонда накопления, привязкой экономики к зарубежным кредитным ресурсам, блокированием развития собственной кредитно-финансовой системы и торможением экономического роста.

В этой связи, если руководство страны действительно ставит задачи модернизации экономики на основе НТП, формирования российского центра глобальной финансовой системы, опережающего экономического роста, то необходимо

отказаться от попыток количественного регулирования денежной массы административными методами и перейти к рыночным методам организации денежного предложения [3, с. 57].

Новая методология денежно-кредитной политики должна опираться на следующие принципы:

1. Эмиссию денег надо вести не столько под прирост валютных резервов, сколько под спрос на деньги со стороны производственной сферы, т.е. под залог векселей платежеспособных предприятий, эмитируемых на срок от одного до пяти лет. Главным каналом денежного предложения нужно сделать рефинансирование коммерческих банков, а основным регулятором – ставку процента (рефинансирования).

2. Борьба с инфляцией должна включать сдерживание роста цен на услуги естественных монополий (в идеале – замораживание тарифов на ближайшие годы), а также проведение жесткой антимонопольной политики.

3. Необходимо всемерное поощрение инновационной активности, включая венчурное финансирование, кредитование инвестиций посредством институтов развития, субсидирование НИОКР и применение других методов, детально описанных во многих монографиях [4, 5, 6].

4. Важно стимулировать распространение знаний, включая образование населения, развитие информационно-коммуникационных технологий, обеспечение бюджетного финансирования науки на уровне мировых стандартов.

5. Нужно восстановить нормы валютного регулирования и контроля для ограничения вывоза капитала и блокирования атак мега-спекулянтов.

Разумеется, перечисленные меры не претендуют на полноту описания системной политики инновационного развития, мы лишь попытались акцентировать внимание на просчетах современной денежно-кредитной политики и определить основные ориентиры ее модернизации.

При формировании новой финансовой политики надо учитывать важнейший урок форсированного роста российской

экономики в 2006 – первой половине 2008 г. Он заключается в том, что «увеличение валовых экономических показателей» не обязательно означает «качественный (устойчивый к внешним шокам и опирающийся на повышение конкурентоспособности) рост экономики». Поэтому высок риск, что провозглашенный приоритет инновационного, инвестиционного развития и повышения конкурентоспособности национальной экономики может остаться лишь декларацией.

Наш собственный и мировой опыт позволяет сконструировать оптимальные механизмы денежного предложения, замкнутые на кредитование реального сектора экономики и приоритетные направления ее развития. При этом, однако, необходимо ввести правовые нормы, регулирующие поведение банков должным образом (нормативы предоставления кредитов по направлениям, включая максимальный уровень ставки процента, условия доступа к кредитному окну Центрального банка, перечень принимаемых им в залог векселей производственных предприятий, условия получения государственных гарантий и др.). Важным условием эффективности любой системы целевого управления кредитной эмиссией является наличие четкой стратегии и индикативного плана развития экономики с явно выделенными приоритетами и программами их реализации.

При правильной политике в результате кризиса Россия могла бы существенно улучшить свое положение в мировой экономике, добившись признания рубля в качестве одной из мировых валют, многократного повышения мощности отечественной банковско-инвестиционной системы, опережающего становления нового технологического уклада и подъема экономики на длинной волне его роста.

Чтобы достичь такого тройного эффекта, необходимо предусмотреть механизмы целевого направления выделяемых государством кредитных ресурсов на финансирование модернизации экономики на основе нового технологического уклада. Для этого меры по преодолению кризиса должны быть нацелены не на воспро-

изводство сложившейся спекулятивной модели финансового рынка, а на формирование отечественной инвестиционной системы.

Считаем, что для полноценного таргетирования инфляции ценовая стабильность должна быть единственной конечной целью денежно-кредитной политики Банка России.

Система инструментов денежно-кредитной политики ЦБ для модифицированного таргетирования инфляции в России может включать:

- депозитные операции и беззалоговое кредитование как инструменты постоянного действия для формирования узкого коридора краткосрочных процентных ставок на межбанковском рынке;

- депозитные операции, прямое РЕПО, ломбардные кредиты, кредиты, обеспеченные нерыночными активами, как инструменты постоянного действия для формирования широкого коридора среднесрочных процентных ставок на межбанковском рынке;

- операции на аукционной основе (ломбардные кредиты, прямое РЕПО), валютные интервенции, операции с государственными ценными бумагами и облигациями Банка России как операции на открытом рынке для корректировки ликвидной позиции банковского сектора в среднесрочном и тонкой настройки в краткосрочном периодах;

- нулевые обязательные резервы банков (при возникновении «избыточных» резервов на них начисляются процентные платежи, ставка по которым приравнена к депозитным операциям до востребования).

С точки зрения оптимизации банковского регулирования и надзора целесообразно сформировать многоуровневую банковскую систему. Первый уровень – Банк России. Второй могут представлять федеральные банки с генеральной лицензией и собственным капиталом не менее 2 млрд. руб., осуществляющие весь перечень банковских операций, действующие на территории всей страны и имеющие выход на зарубежные финансовые рынки. Третий

уровень – отдельные группы (кластеры) банков с капиталом ниже 2 млрд. руб. и лицензией на проведение ограниченного круга банковских операций. Чтобы стимулировать крупные федеральные банки, составляющие ядро банковского сектора, повышать свою капитализацию, необходимо: ввести инвестиционную льготу по налогу на прибыль кредитных организаций; расширить источники формирования собственных средств за счет субординированных финансовых инструментов; снизить барьеры для размещения банковских акций на открытом рынке.

Наиболее рациональный вариант развития в ближайшие годы состоит в том, чтобы в определенной степени пожертвовать темпами экономического роста в пользу большей сбалансированности и устойчивости. Для этого необходимо:

- привести в соответствие потребности экономики в финансовых ресурсах и возможности финансовой системы предоставлять их;

- последовательно развивать факторы производства (объективные временные лаги между инвестициями в основной капитал и расширением мощностей, ростом производительности труда предполагают умеренное увеличение спроса);

- устранить текущие риски и дисбалансы (на кредитном и межбанковском рынках, при использовании внешних средств, в области просроченной задолженности и плохих долгов);

- уменьшить зависимость российской финансовой сферы от внешней среды, последовательно готовиться к новым реалиям денежной политики, предполагающим изменение каналов денежного предложения и постепенный переход к модифицированной политике таргетирования инфляции;

- увеличить капитализацию национальной финансовой системы и качественно ее совершенствовать.

При этом структурные реформы не должны ограничиваться финансовым сектором. Существующие концепции и стратегии долгосрочного развития экономики и финансового сектора слабо взаимосвязаны. До сих пор финансовый сектор и реальная экономика не рассматриваются как единый народно-хозяйственный комплекс, в котором финансовый сектор играет исключительно важную роль. Совместную реструктуризацию реального и финансового секторов экономики могут обеспечить развитие конкуренции и завершение структурных реформ в отраслях естественных монополий.

1. Андрушин, С. Денежно-кредитная политика центральных банков в условиях глобального финансового кризиса [Текст] / С. Андрушин, В. Кузнецова // Вопросы экономики. – 2010. – № 6.

2. Глазьев, С. О практической количественной теории денег, или сколько стоит догматизм денежных властей [Текст] / С. Глазьев // Вопросы экономики. – 2008. – № 7.

3. Глазьев, С.Ю. Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов [Текст] / С.Ю. Глазьев. – М., 2007.

4. Голиченко, О.Г. Национальная инновационная система России: состояние и пути развития [Текст] / О.Г. Голиченко. – М.: Наука, 2006.

5. Инновационный путь развития для повой России [Текст] / отв. ред. В.П. Горегляд. Центр социально-экономических проблем федерализма Института экономики РАН. – М., 2005.

6. Стратегия научно-технологического прорыва [Текст]: сб. науч. тр. / под ред. Ю.В. Яковца, О.М. Юня. – М., 2001.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 323

Д.В. ШАРКОВ

Проблема эффективного функционирования малого бизнеса важна с точки зрения создания политического имиджа территорий. Неспособность органов власти найти оптимальный вариант согласованности действий между различными ветвями приводит к политическим и экономическим кризисам, оказывающим непосредственное влияние на малый и средний бизнес.

Эффективная государственная политика в сфере малого и среднего предпринимательства должна, по нашему мнению, исходить из понимания указанных противоречий. В условиях становления и развития малого предпринимательства как сложной и многофункциональной экономической системы формы проявления противоречий в общем виде можно представить как:

Противоречия между потенциалом малого бизнеса и невозможностью его полной реализации в существующей среде.

Противоречия между малым бизнесом и государственными структурами (государством).

Противоречия между малым бизнесом и естественными монополиями.

Противоречия между малым, средним и крупным бизнесом.

Противоречия между малым бизнесом и предприятиями различных форм собственности.

Противоречия между малым бизнесом и финансово-кредитными структурами.

Противоречия между малым бизнесом и инвесторами.

Противоречия между малым бизнесом и страховыми организациями.

Противоречия между предприятиями малого бизнеса производящими и потребляющими.

Противоречия между малым бизнесом и отдельными потребителями его товаров, продукции, услуг.

Противоречия между малыми предприятиями одной и той же сферы деятельности.

Противоречия внутри малого предприятия между собственником и наемным работником.

Противоречия внутри малого предприятия между отдельными собственниками (если их несколько).

Противоречия между отдельными подразделениями внутри малого предприятия.

Противоречия между малым бизнесом и «неформальным» сектором экономики.

Противоречия между малым бизнесом и криминальными структурами [12, с. 52–54]. Указанные противоречия должны рассматриваться в качестве базовых детерминант диалектического развития в стране малого и среднего бизнеса.

Анализ противоречий малого бизнеса, проведенный в работе Ф.Ф. Хамидуллина, предполагает их рассмотрение в системной связи с экономическими отношениями, возникающими в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Вместе с тем методологически важно учесть, что противоречия малого бизнеса имеют собственную системную организацию. Можно выделить следующие основные группы противоречий, но уже политико-философского плана, которые в той или иной степени оказывают воздействие на функционирование малого предпринимательства: противоречия сущностные, противоречия функциональные; противоречия, связанные с отношениями собственности; противоречия, носящие временный и постоянный характер; противоречия, связанные с переходным состоянием. В свою очередь, противоречия могут быть как внешними, так и внутренними. Предполагается также существование определенной иерархич-

ности в их общей системной структуре, проявляющейся в необходимости разрешения не всех противоречий малого бизнеса одновременно, а наиболее важных (первостепенных) в данный конкретный момент развития.

Противоречия возникают на всех этапах эволюции малого бизнеса, требуя адекватных изменений институциональной среды. Соответственно, в процессе институциональных преобразований одни противоречия получают планомерное разрешение, другие – случайное, а скорость их разрешения обусловлена скоростью их осознания и устранения хозяйствующими субъектами разных уровней, что влияет на динамику развития в целом [11, с. 195-201]. Таким образом происходит на онтологическом уровне изменение детерминант функционирования механизмов политического влияния на развитие малого и среднего бизнеса.

Давно известно, что организовать свой бизнес в состоянии 3 – 5% людей. В 90-е годы XX века в России все эти потенциальные предприниматели хотя бы пробовали создавать что-то свое. Конечно, из 100 новых компаний прекращали существование 40, но остальные продолжали развиваться. Сейчас ситуация стала хуже: люди даже не пробуют организовать свой бизнес, уповая на патернализм государства [8].

По данным соцопросов, большинство молодых людей собираются стать чиновниками или менеджерами в крупнейших госкомпаниях. Согласно рейтингу зарплат, крупные частные компании проигрывают госструктурам вроде «Роснефти», «Газпрома» или «Роснано» [8]. Предприниматели столько платить не могут, потому что думают об эффективности. Упомянутый подход госкомпаний искажает рынок труда, а это уже политико-социальная проблема и одна из важнейших детерминант неэффективности механизмов стимулирования малого и среднего предпринимательства.

Как пишет в своей книге А. Михайлов, социальная напряженность, связанная с кризисом в стране, рождает у населения «катастрофическое сознание» и вызывает социальные страхи [7, с. 10].

В постсовременной России стране капитализм строился сверху, что негативно сказалось на предпринимательской активности граждан. В результате ваучерной приватизации предприятия оказались в собственности бывших управленцев и старой коммунистической элиты, членов их семей и так называемой номенклатурной буржуазии. Их интересы с самого начала были ориентированы на крупный капитал, перераспределение государственной собственности, интеграцию власти и собственности, экспортно-сырьевую модель развития. Малое предпринимательство оказалось вне интересов правящей элиты. В настоящее время в стране имеется немногим более миллиона малых предприятий, из них примерно 80 % заняты в торговле и общественном питании и только 15% – в промышленности. При этом на рынках превалирует допотопная форма торговли, ориентированная насиюминутную прибыль и большая часть этой деятельности находится в тени [3].

Устойчивое развитие малого предпринимательства обеспечивается, прежде всего, за счет трех основных составляющих: предпринимательской инициативы (способности), благоприятной внутренней и внешней институциональной среды, доступности всех видов ресурсов (материальных, финансовых, трудовых, интеллектуальных). В соответствии с этим проблемы обеспечения эффективной деятельности субъектов малого бизнеса можно классифицировать по следующим уровням:

1-й уровень – проблемы кадрового обеспечения. Основные направления решения проблем первого уровня должны быть связаны с укреплением и развитием системы подготовки и переподготовки кадров для малого бизнеса и структур, непосредственно связанных с его деятельностью и поддержкой, включая сотрудников исполнительных органов государственной власти.

2-й уровень – проблемы формирования благоприятной институциональной среды. Решение комплекса проблем второго уровня должно быть связано с созданием общих благоприятных условий для осуществления экономической

и хозяйственной деятельности для всех субъектов малого предпринимательства, определяемых в соответствии с критериями, установленными Федеральным законодательством, независимо от их положения на рынке, финансового состояния, формы собственности, вида предпринимательской деятельности, отраслевой принадлежности. Сюда относится совершенствование нормативно-правового обеспечения деятельности субъектов малого предпринимательства, направленное на снижение уровня государственной нагрузки на бизнес, законодательная ликвидация административных барьеров, совершенствование и упрощение налогового законодательства, установление норм ответственности органов государственной власти и должностных лиц за действия, ущемляющие интересы субъектов малого бизнеса и т. д. Особое внимание должно быть уделено созданию действенной и эффективной системы юридической и административной защиты интересов субъектов малого предпринимательства.

3-й уровень – проблемы реформирования механизма государственной поддержки малого предпринимательства. На данном уровне необходимы: организация эффективного взаимодействия всех элементов системы инфраструктурного обеспечения малого бизнеса, включающая создание системы непрерывного мониторинга состояния субъектов малого предпринимательства, системы информационного обеспечения и организационного сопровождения деятельности субъектов малого предпринимательства, создание положительного общественного мнения о малом бизнесе, разработка механизмов стабилизации финансового положения и финансово-кредитной поддержки малых предприятий. Важнейшим направлением должна стать организация работы по изменению отраслевой структуры малого бизнеса, в сторону увеличения доли малых предприятий, занимающихся производством товаров и услуг, в том числе инновационных [10, с. 225–227].

В России, при переходе к рынку централизованная система управления была разрушена, а новая, включающая эффек-

тивный, независимый от государства, муниципальный уровень управления, еще не построена, значительное место занимают традиционные отношения власти-подчинения по вертикали, которые затрагивают и сферу управления малым предпринимательством. Муниципальная власть существенно зависит от инициатив региональной власти, от ее информационной поддержки, правового обеспечения сферы малого бизнеса. При этом неформальные объединения малых предпринимателей, их контроль за исполнительной властью пока плохо вписываются в практику управления местными сообществами. Местная власть предпочитает функции организации и контроля оставлять за собой. В большинстве случаев муниципальное управление редко выступает в качестве проводника экономических интересов граждан, не создано эффективного механизма стимулирования их экономической и социальной активности, а данную ему экономическую самостоятельность местное руководство использует часто в корыстных и корпоративных интересах [6].

Нельзя не согласиться с С.В. Максимовым в том, что в наше время наблюдается морально-психологическое обесценивание массовых видов труда, превращения их либо в удел нерасторопных, неудачников, либо в удел пожилых людей. Труд как деятельность уступает место ценностям общества потребления с его психологией легкой наживы, жажды обладания разрекламированными товарами и услугами [5, с. 20]. Решение указанной проблемы государство видит в стимулировании общественной активности самих предпринимателей.

Российская власть давно настаивает на обязательных объединениях предпринимателей по отраслям, пытаясь навязать им коллективную ответственность за результаты их деятельности. С конца 2007 года действует закон о саморегулируемых организациях (СРО). Государство постепенно отказывается от регулирующих функций, например, с каждым годом все сокращая и сокращая список лицензируемых видов деятельности. Впрочем, здесь последовательность властных действий

тоже не выглядит прямолинейной – не раз бывало, что после каких-либо чрезвычайных событий начинались разговоры о восстановлении того же лицензирования. И тогда список контролируемых таким образом видов бизнеса снова возрастал. Сам же закон о СРО с момента своего принятия уже не раз подвергался редактированию. Самоконтролю предпринимателей мешает, в том числе, и отсутствие достаточного количества так называемых техрегламентов – своего рода ГОСТов капитализма. Медлительность их введения в России за последние несколько лет уже неоднократно обсуждалась и осуждалась на самом высоком государственном уровне.

В идеале наличие СРО во всех областях экономики должно привести к тому, что бизнесмены сами организуют и контролируют свою деятельность и самостоятельно отделяют «агнца от козлиц». Однако, с другой стороны, настойчивость государства в достижении такого идеала – и это притом, что в российской жизни он никак не претворяется, – заставляет подозревать нашу власть в стремлении поскорее снять с себя ответственность за плохо прокладываемые дороги, проваливающиеся крыши, несвежие молочные продукты, вредные игрушки и так далее и тому подобное. А когда государственные чиновники стали пропагандировать еще и необходимость страхования – чуть ли не обязательного – в разных сферах деятельности, это подозрение только укрепилось. Хотя сама по себе идея выглядит, конечно, неплохо – СРО, скажем, из той же строительной отрасли, кроме субсидиарной ответственности за действия своих участников, еще и страхует потребителей своей продукции от возможного ущерба [2]. СРО являются одним из инструментов снижения диалектических противоречий в бизнесе.

В указанном отношении достаточно показательно, несмотря на существование государственных механизмов политического влияния на развитие малого и среднего бизнеса, предприниматели не надеются на помощь государства. Как показал оп-

рос, проведенный в 2008 г. Общероссийской общественной организацией малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ» среди 5,5 тыс. предпринимателей из 40 российских регионов, только 6% респондентов принимали участие в федеральных программах поддержки, 15% – в региональных программах, 12% – в муниципальных. Почему государственная поддержка малого предпринимательства не пользуется популярностью у предпринимателей?

Госпрограмма реализуется Минэкономразвития с 2005 года, отбирая регионы по определенным критериям. Анализ критериев, действовавших в 2009 году, показывает, что они создавали преференции тем регионам, которые уже продемонстрировали в предыдущие годы высокую динамику развития предпринимательства, осуществляют инновационную деятельность и экспортируют продукцию и услуги малых предприятий. То есть поддержку должны получить те регионы, у которых с малым бизнесом и так все в порядке.

Меры государственной поддержки малого бизнеса, принятые на этапе экономического роста и связанные с инновационной составляющей развития, не были в достаточной мере откорректированы с учетом новых вызовов. В 2009 году снова прошел конкурс среди тех регионов, которые развивают предпринимательство, ориентированное на экспорт товаров и услуг, хотя условия 2005-го и 2009 года значительно разнятся. При этом Минэкономразвития признает, что перспективы российской экономики в посткризисный период во многом зависят от активизации внутреннего спроса, который пока находится в состоянии стагнации. Признает также и то, что для проведения глубокой модернизации и смены модели экономики на инновационную необходимы огромные инвестиции, которых сейчас в достаточном количестве нет.

Понимая все это, Минэкономразвития стимулирует малый бизнес работать на экспорт и производить инновационную продукцию, то есть выходить на рынки повышенного риска. Между тем, по оцен-

ке самих предпринимателей, в текущей ситуации косвенные и прямые издержки от смены технологического уклада для бизнеса перевешивают потери от неэффективности. Получается, что по старинке работать выгоднее, чем вкладывать в инновации и прогрессивное развитие. А в направлении экономического стимулирования технологической модернизации деятельность государства пока не слишком заметна [1]. При этом социальное партнерство рассматривается как технология конструктивного позиционирования деловой активности (бизнеса) в обществе [9].

В многочисленных исследованиях доказывается, что степень поддержки малого предпринимательства в России ничтожно мала по сравнению с необходимым уровнем. Перспективы развития малого предпринимательства в стране оцениваются как неблагоприятные или неопределенные. Объем декларируемой государством поддержки в несколько раз отстает от запросов малого предпринимательства. Как отмечают

эксперты, особенно плохо удовлетворяются потребности в налоговой поддержке и обеспечении благоприятных рыночных условий, деятельности по защите прав собственности [6]. Пока превалируют ценности рентоориентированного политико-экономического дискурса, общество закрыто от конкуренции, и граждане будут выбирать модель патернализма вместо поиска путей повышения благосостояния через развитие предпринимательской инициативы. Для преодоления указанных дисфункций возможно, в частности, предоставление широкого доступа населения к обучению основам предпринимательства. Приоритет должен быть отдан краткосрочным курсам, которые позволят сориентироваться людям, оказавшимся в непростой жизненной ситуации: безработные, уволенные военнослужащие. В целом же необходимо при разработке и реализации государственной политики в сфере малого и среднего бизнеса учитывать вышеупомянутые диалектические противоречия, несмотря на всю сложность такого рода политических решений.

1. Басарева, В. Неделикатное вмешательство [Текст] / В. Басарева // Эксперт Сибирь. – 2010. – № 28–29 (276).
2. Билевская, Э. Чиновная гидра. Избыточных госслужащих в очередной раз сократят и отправят в бизнес [Текст] / Э. Билевская, И. Родин // Независимая газета. – 2010, 3 сентября.
3. Ван, Цзюнь. Реформа хозяйственной системы и развитие малого и среднего предпринимательства в Китае [Текст] / Ван Цзюнь // Экономика. Управление Собственностью. – 2006. – № 3.
4. Голованов, О. Краткий словарь по социологии [Текст] / О. Голованов. – М., 2001.
5. Максимов, С.В. Ценностные ориентации современной российской студенческой молодежи [Текст]: автореф. дис. канд. филос. наук / С.В. Максимов. – Красноярск, 2008.
6. Методы увеличения эффективности в работе малого бизнеса [Текст]. – М.: МАКС Пресс, 2004.
7. Михайлов, А. Взаимодействие органов внутренних дел со СМИ [Текст] / А. Михайлов. – М., 2000.
8. Потапенко, Д. «Предпринимательская активность падает, потому что в бизнес не поступает свежая кровь» [Текст] / Д. Потапенко // Секрет Фирмы. – 2010.12.07. – № 7 (299).
9. Социальное партнерство: Опыт, технологии, оценка эффективности [Текст] / ред. А.А. Нещадин, Г.Л. Тульчинский. – СПб.: Алетейя, 2010.
10. Хамидуллин, Ф.Ф. Малый бизнес в современной модели рыночного хозяйствования [Текст] / Ф.Ф. Хамидуллин / Современный российский менеджмент: состояние, проблемы, развитие: сборник статей VI Международной научно-методической конференции. – Пенза, 2006.
11. Хамидуллин, Ф.Ф. Противоречия малого предпринимательства [Текст] / Ф.Ф. Хамидуллин // Вестник Казанского государственного технологического университета. – 2006. – № 3.
12. Хамидуллин, Ф.Ф. Трудный ребенок. Основные формы и содержания противоречий в сфере малого предпринимательства [Текст] / Ф.Ф. Хамидуллин // Российское предпринимательство. – 2006. – № 10.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ КАК НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ ОЦЕНКИ ПРОДУКЦИИ

УДК 657.1

Я.Ю. МОТОЧЕНКОВА

Достоверность бухгалтерской информации, выраженной в стоимостных показателях, является одним из главных требований потребителей, предъявляемых как к данным бухгалтерского учета, так и финансовой отчетности. Отвечает этим требованиям правильно построенный процесс стоимостного измерения учетных объектов.

Операции с активами, к которым относятся незавершенная и готовая продукция, носят в машиностроении массовый характер, занимают значительный удельный вес в происходящих фактах хозяйственной деятельности и потому существенно влияют на финансовый результат организаций. В частности применение тех или иных способов оценки незавершенной и готовой продукции, компоненты стоимостного измерения напрямую воздействуют на величину прибыли от производства и продаж готовой продукции.

Практики-профессионалы в области бухгалтерского учета всегда рассматривали величину затрат в незавершенную продукцию как регулятор себестоимости продаж и получения прибыли. Нередко, как показывают результаты исследований, проведенных в организациях машиностроительной отрасли Южно-Уральского региона, применяются разные способы для стоимостного измерения незавершенной и готовой продукции.

Из анализа публикаций, посвященных учету затрат на производство, можно заключить, что эволюция способов оценки незавершенной продукции шла по пути сокращения номенклатуры статей затрат, включаемых в оценку. Следует отметить, что многие исследователи в своих работах по калькулированию видели основную задачу, которую выполняет этот учетный процесс в определении себестоимости только готовой продукции [1,2,3]. Такой

односторонний взгляд на проблему привел к неутешительным последствиям, когда в оценочном процессе практики стали использовать разные составляющие для определения величин затрат относимых к готовой продукции и к незавершенной. Эти различия имеют место и в настоящее время. Кроме того они усиливаются, на что показывают результаты исследования применяемых на практике методов калькулирования себестоимости проданной продукции и оценки остатков незавершенной и готовой продукции в бухгалтерском учете.

Однако, в любом случае ученые и практики отмечали, «...что там где есть конкуренция, где рынок знает постоянные колебания цен, оценка готовой продукции и незавершенного производства становятся параметром хозяйственной жизни» [4]. Тем самым они подчеркивали значимость измерения затрат как в незаконченные производством изделия, так и признаваемых готовыми. В дальнейшем исследователи стали придавать определенное значение оценке реализованной продукции, подчеркивая особую важность процессам продаж и получению финансовых результатов.

Основная проблема, возникающая при формировании стоимости незавершенной и готовой продукции, состоит в необходимости разработки достаточно аналитичной классификации производственных затрат, позволяющей подразделить затраты на прямые и косвенные, обосновании экономически целесообразной базы распределения и перераспределения косвенных затрат, выборе способов оценки. Известно, что всякое условное распределение косвенных расходов может исказить оценку единицы продукции, так как базы распределения не всегда экономически обоснованы.

Решалась эта проблема в течение длительного периода по-разному и до сих пор остается дискуссионной. В начале 20 века, в связи с возникновением систем стандарт-коста и директ-костинга, к ней добавились вопросы разделения затрат на постоянные и переменные. При этом стали предлагать постоянные расходы, независящие от объема производства, погашать полностью за счет финансовых результатов, измеряя себестоимость незавершенной и готовой продукции по ограниченной переменными расходами себестоимости.

Параллельно с необходимостью классификации затрат возникли идеи исчисления стоимости выхода продукции по каждому переделу и выявления прибыли или убытка на каждом участке [4]. Они утверждали, что если бухгалтер ответит на этот вопрос, то предприятие сможет решить главную задачу: надо ли иметь все переделы или оставить только те, что приносят максимальную прибыль, используя полуфабрикаты, приобретенные у других предприятий. Именно предложение организации учета затрат по переделам можно квалифицировать как момент начала использования полуфабрикатного варианта сводного учета, при котором полуфабрикаты и незаконченные производством изделия стали оценивать по мере нарастания затрат, в большей мере это по фактической себестоимости предыдущего передела и некоторых затрат того передела, где находится незавершенное производство.

С изменением целей калькулирования модифицируются методы и способы оценки незавершенной и готовой продукции, которые все больше принимают приблизительный характер. Положение приблизительности расчетов объяснялось тремя причинами: временным промежутком, способом распределения общих расходов и методами оценки затрат. Детальное исследование процессов учета затрат и калькулирования выявило следующие взаимосвязи между названными учетными участками, которые в настоящее время разведены по двум подсистемам бухгалтерского учета (рисунок 1.).

Итак, способы оценки незавершенной и готовой продукции взаимосвязаны:

в их основе лежит группировка затрат в целях оценки выхода полуфабрикатов, деталей, поковок, отливок в центрах ответственности; калькуляция затрат по статьям и носителям.

Рисунок 1. Порядок формирования оценочной информации для готовой и незавершенной продукции

Современные авторы также по-разному рассматривают значимость и порядок определения стоимости незавершенной и готовой продукции, формируемой в рамках бухгалтерского учета. Например, калькуляционная оценка по ограниченной себестоимости используется для ценообразования и принятия оперативных решений при специфических обстоятельствах, тогда в нее не включаются общехозяйственные расходы, целиком относимые на финансовый результат того периода, в котором они возникли. Так, С.А. Рассказова-Николаева выделяя преимущества оценки незавершенной и готовой продукции по ограниченной себестоимости пишет, что с ее помощью достигается: 1) простота и объективность оценки, так как отпадает необходимость в условном распределении постоянных затрат; 2) возможность сравнения себестоимости различных периодов по переменным затратам, при этом постоянные затраты не оказывают влияния на себестоимость изделий; 3) возможность выявления изделий с большей рентабельностью; 4) возможность проведения эффективной политики цен (указывает на более выгодные комбинации цены и объема).

Тем не менее, по нашему мнению, такая оценка имеет определенный негатив, который состоит в субъективном разделении затрат, формирующих себестоимость

продукции, на постоянные и переменные при наличии смешанных затрат. В таком случае отсутствие объективных расчетов, базирующихся на экономически обоснованных отраслевых методиках распределения и перераспределения затрат может привести к ошибочному определению цены изделия и риску не покрытия производственных затрат организации, ложным результатам анализа влияния факторов на прибыль.

Среди авторов, занимающихся в настоящее время решением проблем достоверности стоимостного измерения незавершенной и готовой продукции следует отметить М.А. Вахрушину, Т.П. Карпову, В.Ф. Паляя, О.В. Рыбакову, А.Ю. Соколова, А. Яругову и др. Исследуя их работы можно сделать вывод, что с одной стороны они используют общий подход, основанный на классификации затрат и ориентированный на более достоверное формирование бухгалтерской информации, формируемой в рамках учета, а с другой стороны, каждый из них имеет свои основания классификации, присущие только данному исследователю, свои подходы к обоснованию выбора метода стоимостного измерения активов.

На основе анализа мнений отечественных и зарубежных авторов мы можем сделать вывод о том, что в научной литературе до сих пор не выработано единого подхода к способу оценки этих важных

для машиностроения активов. Отсюда актуальным представляется адаптация к практике современных технологий формирования стоимости незавершенной и готовой продукции. В виде приемлемого для машиностроения инновационным вариантом оценки можно предложить методику, содержащую следующие этапы:

- выявление технологических и организационных особенностей машиностроения и разработка отраслевой номенклатуры статей затрат;
- установление группировочных признаков объектов учета затрат и классификация носителей затрат;
- деление затрат на целевые (затраты на продукт, затраты на поток, создающий ценность) и фактические (валовые и удельные) для определенных этапов жизненного цикла продукта;
- систематизация, обобщение, преобразование информации о затратах и факторах их обуславливающих в разных уровнях управления на счетах управленческого учета;
- списание (возмещение) отклонений фактических затрат от целевых за счет финансовых результатов;
- калькулирование себестоимости промежуточных продуктов (незаконченная продукция);
- калькулирование себестоимости конечных изделий и видов продукции.

1. Додонов, А.А. Проблемы бухгалтерского учета в промышленности СССР [Текст] / А.А. Додонов. – М.: Экономика, 1964.

2. Маргулис, А.Ш. Вопросы учета и отчетности по себестоимости промышленной продукции [Текст] / А.Ш. Маргулис. – М.: Госфиниздат, 1944.

3. Поклад, И.И. Учет, калькулирование и анализ себестоимости промышленной продукции [Текст] / И.И. Поклад. – М.: Финансы, 1966.

4. Соколов, Я.В. Бухгалтерский учет: от истоков до наших дней: учебн. пособие для вузов [Текст] / Я.В. Соколов. – М.: Аудит, ЮНИТИ, 1996. – 638 с.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

УДК 168.522+316.774

Л.П. САЕНКОВА

Появившиеся в 60-х годах XX века теоретические обоснования грядущего информационного общества носили скорее футуристический характер. Сегодня информационное общество – очевидный социокультурный факт. Современные исследователи предлагают дополнительные определения: эпоха глобализации, информационная эпоха, постиндустриальное общество, «вневременное время», «период информационного капитализма» [11, Р. 70], «время пост-постмодернизма» [4, с. 11]. Несмотря на множество понятий, объединяющим, пожалуй, является одно – медиа.

Сегодня очевидно, что новые информационные и телекоммуникационные технологии, изменившие не только количество потребляемой информации, но и заметно повлиявшие на качество жизни, являются существенной составляющей нынешнего развития. В первом десятилетии XXI века эта составляющая стала гораздо более значимой, чем в конце столетия и на рубеже веков. Как уточнил известный аналитик в области теорий информационного общества Фрэнк Уэбстер, «мы живем в медианаруженном обществе, ... информационное влияние на нас гораздо тоньше и проникает гораздо глубже, чем кажется поначалу» [9, с. 28]. Определение качественных характеристик информационного общества связано с различными параметрами: технологическими, экономическими, государственными, правовыми. Одним из важных критериев является «критерий культуры».

В информационную эпоху, в эпоху все более расширяющейся системы массовых коммуникаций и усложняющихся социальных связей, актуализируется еще одно понятие «медиакультура». Медиакультура, детище современной культурологической теории, обозначает особый тип культуры информационной эпохи, являющейся посредником между обществом и государ-

ством, социумом и властью. Современные исследователи определяют медиакультуру «как совокупность информационно-коммуникативных средств, материальных и интеллектуальных ценностей, выработанных человечеством в процессе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности» [1, с. 10]. В дополнение можно сказать, что медиакультура включает в себя как культуру передачи информации, так и культуру ее восприятия. Она может выступать и показателем уровня развития личности, способной воспринимать, анализировать, оценивать медиатекст, заниматься медиаторством, усваивать новые знания в области медиа.

Однако для информации эпохи все более расширяющейся медиакультуры характерны и такие особенности, как хаотичность, беспредельность и избыточность. Известный теоретик постмодернизма Жан Бодрийяр высказался по этому поводу более определенно: «Информации становится все больше, а смысла все меньше». Уменьшению смысла способствует то самое количество, которое меняет и качественные параметры информации. В медиаперенасыщенном мире становятся заметными такие явления, как диверсификация информации, внедрение в мир масс медиа технологий, ориентированных на развлечение и извлечение прибыли. В ранг своеобразной эстетической категории в первом десятилетии XXI века возведен гламур. Однако доминирующим фактором, повлиявшим на развитие медиасферы, наряду с технической модернизацией явилась массовая культура как основной вид культуры эпохи глобализации.

Совершенно очевидно, что в обществах современного типа с постмодернистской и гламурной системой ценностей ведущей является культура, ориентированная на массовое потребление производимого продукта. Это культура позднего

индустриального общества. Под массовой культурой всегда понималась совокупность культурных потребительских ценностей, предоставляемых в распоряжение широкой публики. Одним из первых точное определение массовой культуры дал французский социолог Жорж Фридман: «Под массовой культурой следует понимать все блага потребления, представленные в распоряжение публики (в самом широком смысле этого слова и независимо от всяких различий в категориях дохода и профессии) благодаря средствам массово коммуникации в условиях технической цивилизации» [12, Р 3]. Здесь разграничиваются функциональные и сущностные особенности массовой культуры, подчеркивается её всеобъемлющий характер. Приблизительно такое же определение дает российский культуролог К. Разлогов: «Массовая культура обычно определяется как культурная продукция (в самом широком смысле слова – от произведения искусства до потребительских товаров и кулинарии), создаваемая и распространяемая профессионалами в расчете на потребление на коммерческой основе широкими массами людей вне зависимости от социального положения, пола, возраста, национальности и т.д.» [5, с. 6].

Термин «массовая культура» появился в американской печати в конце 30-х годов XX века и закрепился в 1944 году после выхода в свет статьи Дуайта Макдональда «Теория популярной культуры». Большинство исследователей, характеризуя область художественной культуры, предназначенной для массового потребления, пользовались следующими понятиями: «массовое искусство», «популярное искусство», «бульварная, коммерческая, лубочная, тривиальная, низовая, рыночная культура», «индустрия культуры» (Т.А. Адорно), «индустрия сознания» (Г.М. Энциенбергер). Канадский социолог Маршалл Маклюэн представлял массовую культуру как «фольклор индустриального человека». Французские исследователи Морэн и Бюржелон называли ее первой в истории человечества «тотальной эстетической культурой». Возникновение массовой культуры означало не только введение еще одного типа и варианта культуры, но и изменение самого типа функционирования культуры. Своим содержанием и принципами функционирования массовая

культура тесно взаимодействует с другими сторонами социальной регуляции в обществе. Несмотря на полисемантику термина «массовая культура», исследователи были единодушны в определении её первичной функции – обеспечение социализации и витальности человека в условиях усложненной, изменчивой, неустойчивой и ненадежной среды обитания, способствование адаптации к новым социальным ролям и ценностям, а также регуляции своего поведения и деятельности в разнообразной обстановке. Другая функция массовой культуры – удовлетворение потребностей в рекреации, в желании уйти от повседневных проблем. Исследователи массовой культуры советского времени, делая акцент на буржуазной природе этого вида культуры, подчеркивали такую функциональную особенность, как отвлечение индивида от интенсивной гонки в сфере жизненных успехов.

Как правило, массовую культуру чаще всего соотносят с видами художественной культуры, рекламы, шоу-бизнеса, аудиовизуальной коммуникации [3, с. 141 – 256]. Гораздо реже эту культуру соотносят с печатной журналистикой. Между тем, именно в этом виде журналистики были основаны и апробированы самые различные формы массовой культуры [7, с. 85 – 121]. Одним из важных этапов в формировании культуры для массового потребления было время развития «литературной промышленности» и становления так называемой массовой прессы, которую, как правило, связывают с именами американцев Дж. Пулитцера и Р. Херста, англичан Дж. Ньюнеса и братьев Хамсуорсов. Не менее важную роль в придании журналистике развлекательного эффекта сыграл российский журнал «Библиотека для чтения», который издавал О. Сенковский, известный более как барон Брамбеус. Именно тогда, в XIX веке, в журналистике были заложены те принципы, которые считаются основополагающими в массовой культуре вообще: тиражируемость, привлечение массовой аудитории, извлечение массовой прибыли. Эти принципы популярны и в современной журналистике, независимо от направления, качества издания, учредителя. Один из бывших редакторов качественной американской газеты «Вашингтон пост» в свое время более категорично сформулировал масскультовую суть журналистики:

«Объективная журналистика – миф. Сенсация и «крестовые походы» – проклятие газетного ремесла» [2, с. 35].

В эпоху активизации глобалистских тенденций в медиасфере наиболее отчетливо проявляются процессы демократизации и либерализации, которые не имеют однозначной квалификации. Они не только изменили типологию периодических изданий, но заметно изменили и качество журналистских публикаций. В журналистике обозначились явления, которые свидетельствовали о выпадении некоторых СМИ из пространства культуры. Эти тенденции обнаружались в средствах массовой информации на территории всего постсоветского пространства. СМИ, как в зеркале, отражали процесс формирования определенного деструктивного поля. Информация уступила место развлечения. В конечном счете, это было связано с меняющимся на глазах социокультурным контекстом и концепцией человека. Этому процессу были присущи дегуманизация логосферы, игнорирование этических принципов, разрушение эстетических традиций, словесный беспредел, деформация общечеловеческих ценностей. Журналистика стала приспособляться к усредненному и, как правило, невзыскательным вкусам. Грань между качественными и таблоидными СМИ оказалась весьма зыбкой.

Сегодня, с учетом «маскультовой составляющей», типология современной прессы может выглядеть следующим образом: так называемая «желтая» пресса (кичевая), таблоидная пресса, маргинальная пресса, качественные издания с элементами массовой культуры. Расцвет кичевых изданий пришелся на 90-е годы XX века, в период кризиса государственной монополии на прессу и накопления частного капитала. В Беларуси это были, как правило, негосударственные коммерческие издания, которые условно можно определить как «криминально-детективные». Кичевые издания, будучи принципиально развлекательными, явились, по сути, аттракционной формой проявления коллективного бессознательного. Принципу «монтажа аттракционов» соответствовало как внешнее оформление изданий, так и нарративно-повествовательная суть самих публикаций. Издания таблоидного типа, появившиеся на постсоветском пространстве, это, как правило, издания, тянущие за собой определенный шлейф традиций, видеоизме-

ненных в условиях массового потребления. Например, газета «Комсомольская правда», освоившая такие формы, которые более всего отвечали массовым потребностям, имеющим отношение к понятию «массовое культурное бессознательное». По словам Д. Хендерсона, «культурное бессознательное означает область исторической памяти, лежащей между коллективным бессознательным и существующим образцом культуры» [10, с. 154]. «Комсомольскую правду» по всем параметрам можно квалифицировать как сервильное издание по отношению к доминирующему сегодня типу культуры – массовой.

Маскультовые «вставки» заметны и в тех современных изданиях, которые позиционируют себя как качественные. Это есть в России, это повсеместно встречается и в Беларуси. Например, в «Белорусской газете» на полосе «У телевизора с «БГ» публикуются авторские рекомендации по поводу просмотренных кинофильмов, транслируемых по телевидению. Авторство свелось к необычной организации текстов. Необычность состояла в очевидном и непосредственном представлении обывательских стереотипов. Когда на уровне «массового человека» идет пересказ фильма, то обычно говорят «про что кино», «кто снимался», «что интересно». На подобные вопросы дает ответы автор рекомендаций. Небольшой «авторский» текст поделен на небольшие абзацы с заголовками: «Что это?», «О чем кино», «Важный момент», «Любопытное обстоятельство», «Обратите внимание», «Главный козырь», «Пикантная подробность». По сути, формат таких публикаций, несомненно, сокращает дистанцию между газетой и читателем, потому как становится максимально доступным и представляет фильм (или кинопроцесс) в облегченном варианте. В таких текстах, несмотря на небольшой объем и лаконичную манеру изложения, заложен эффект, с одной стороны, шоу-представления, предполагающего клиповую ритмичность, а с другой стороны, некой рекламной кампании, предполагающей эффект зазывания, настойчивого уговаривания. К тому же такие тексты напоминают комиксы: в них заложен принцип «перелистывания картинок», быстрого просмотра, а не чтения.

Современные средства массовой коммуникации весьма активно формируют стереотипы массового сознания, штампуют взгляды и вкусы с установкой

на псевдореальность, на воспроизведение одномерной картины действительности, внедряя в массовое сознание ценности, соответствующие не столько истинной культуре, сколько «культуре поверхности» (термин Ж. Делёза). Как известно, основным методом изображения в массовой культуре является «иллюзионизм», когда потребителю (читателю) предлагается не знание и даже не информация о предмете, а некое субъективное мнение, представляющее иллюзию реальности и предмета. Понятие «иллюзия» вполне соотносится с другим понятием – «гиперреальность». Созданная в современных СМИ гиперреальность является гораздо более достоверным фактом, чем реальная действительность.

Принципы массовой культуры в полной мере используются современными средствами массовой информации, от качественных до таблоидных. Эскалация механизмов массовой культуры для придания любым элементам системы СМИ статуса «массового» идет по нескольким направлениям. Один из традиционных приемов – тематический подбор с явным развлекательным эффектом. Второе направление – жанрово-структурная организация текстов. Достаточно упомянуть новое жанровое образование, в основе которого есть информационная часть с обязательным развлекательным компонентом – инфотейнмент. Термин «инфотейнмент», впервые появившийся в американской журналистике в 70-х годах XX века, означает симбиоз информационного и развлекательного в газетно-журнальных текстах. Иногда этот термин переводится как «разыгрывание новости». В любом случае «инфотейнмент» означает игровые вариации, проделываемые с теми фактами, которые поставляет сама реальность, а значит с тем, что называется «правда жизни». Автор уподобляется режиссеру, выстраивающему свой спектакль, но не по авторской воле, а по потребностям массовой аудитории. Не случайно французский социолог Ги Дебор назвал общество потребителей такого рода информации «обществом спектакля», а весь процесс потребления – симуляцией, когда стирается различие между реальным и воспроизводимым. Российская исследовательница медиа-текстов С.И. Сметанина подтвердила, что произведения, созданные по законам массовой культуры, обращаются к современности, переживая её как «политическое шоу, как грандиозную рекламную кампанию, как теат-

ральное действо, где нет ни гениев, ни злодеев, а есть фантомы – симулякры, кажимости, не обладающие никакими референтами» [8, с. 3]. При использовании приемов жанра инфотейнмент допускается возможность вольного режиссерского манипулирования фактами.

В структуре журналистских текстов периода доминирования массовой культуры принципиально отсутствует то авторское начало, под которым некогда понималась личностная, эстетическая, нравственная доминанта. По сути, эта доминанта придавала текстам статус того авторского слова, которому можно доверять и которое приятно было читать. Известный философ В. Библер ввел понятие «мир впервые». По библеровской концепции, собственно культура, творчество – это творение «мира впервые», то есть взгляд на мир словно впервые, когда происходит откровение общечеловеческих ценностей как будто заново открытых, когда известные истины вновь обретают в сознании человека свой сокровенный смысл. Автор – тот, кто открывает, помогает обрести новый взгляд на мир, человека, ситуацию. Массультовая среда предполагает тексты, в которых авторство в этом смысле отсутствует. Нивелирование авторского начала, ориентация на уменьшение дистанции приводят к изменению содержательной и стилистической сущности текстов. При всем кажущемся разнообразии им в большей степени свойственны стандартность и унифицированность.

Один из наиболее заметных приемов массовой культуры, активно использующийся в современных СМИ, – обращение к «частному»: от частного лица, частный человек. В этой ситуации можно выделить несколько позиций: стилистическая, когда автор, используя специальные приемы интимизации, стремится выглядеть близким человеком, таким «своим парнем»; и сущностная, когда интерес к частному человеку, частной жизни становится определяющей приметой времени. Этот прием можно увидеть в самых разных текстах, на первый взгляд, не предполагающих выявления «частностей».

Массовая культура, все более активно завоевывающая медиaprостранство, обращается более всего не к логическо-рациональной сути социализированной личности, а к эмоциональной сфере потребителя. Эту общую особенность массовой культуры под-

метил в свое время К. Разлогов: «...Массовая культура базируется на универсальных психологических, даже психофизиологических механизмах восприятия, которые активизируются независимо от образования и степени подготовленности аудитории... Для того, чтобы ею по-настоящему наслаждаться, лучше быть художественно необразованным человеком. Художественная образованность здесь не стимул, а препятствие, потому что массовая культура, обращенная главным образом к эмоциональной сфере, по определению не требует никаких дополнительных знаний, мешающих по достоинству оценить произведения такого типа» [6, с. 141].

Ставка на развлекательность предполагает использование в журналистике самых разных форм массовой культуры: от архетипических кодов до создания новых мифологем, от разнообразных вариантов проявления авторского «я» до деконструкции стиля, от зрелищного визуального оформления до развлекательных форм журналистских жанров. Однако К. Разлогов, характеризуя массовую культуру, безусловно, говорил о мифологических образах, заложенных в нашем коллективном бессознательном психики, архетипах. С содержимым коллективного бессознательного, представленного архетипами, мы сталкиваемся всегда, когда имеем дело с массовыми феноменами. Архетипы, как образные коды коллективного бессознательного, являются основополагающим фундаментом любой культуры, и именно они, как подсознательные механизмы воздействия, используются и в деятельности средств массовой информации. Впервые откровенный принцип использования архетипических кодов был обозначен в отечественной журналистике в 90-х XX века, когда на газетный рынок в разных странах постсоветского пространства хлынули кичевые издания на криминальную тему. В Беларуси это были «Криминал. Обзорение. Дайджест», «Криминальное обзорение», «Частный детектив», «Детективная газета». По сути, эти издания были не чем иным, как аттракционной формой коллективного бессознательного. Почти все публикации были построены по мифосказательному принципу. В основе всех текстов – одна и та же драматургия повествования: пространство добра и зла, встреча и конфликт между героями, жертва, гибель темных сил, нравоучение. Главными героями чаще всего выступали женщины и

дети, которые соответствовали мифологическим архетипам «Предвечного младенца» и «Предвечной Девы».

Использование архетипических знаков становилось традицией и в изданиях другого типа, которые позиционировали себя исключительно как информационные. Например, газета «Аргументы и факты» (белорусский вариант «Аргументы и факты в Беларуси»), следуя принципу, обозначенному первым главным редактором В. Старковым – давать в краткой форме ответы на любые вопросы простого человека, по сути, воплотили все мифологические принципы. Темы и сюжеты почти всех публикаций в газете легко проецируются на те сюжеты, которые лежат в основе волшебных сказок, морфология которых замечательно раскрыта в трудах В. Проппа: начальная ситуация, запрет, усиленный обещаниями, нарушение запрета, отлучка, вредительство, сообщение о беде, появление испытателя, появление благодарного помощника, беспомощное состояние помощника, соблазн, жилище вредителя, облик вредителя, преодоление препятствий, погоня, спасение. Например, на полосе «Кумиры», как правило, публикуется информация о таких героях, которые уподобляются героям Олимпа. Подробно расписываются непростые перипетии их жизни, которые, естественно, сравниваются с непростой дорогой в заветное жилище небожителей. Сюжеты их непростого «жизненного пути» вполне можно спроецировать на те сказочные сюжеты, которые, по определению В. Проппа, называются «соблазн» либо «преодоление». Самой личности нет, есть перечисление побед. На полосах «Социум», «Власть», «Экономика», как правило, предлагаются публикации, суть которых соотносилась бы с таким сказочным «ходом», как «появление вредителя» либо «появление помощника». Мифологическая основа проявляется в разных изданиях: как в откровенно маскультовых типа «Комсомольской правды в Беларуси» до качественных «Известий», от пропрезидентских республиканских, каковой является, например, в Беларуси «СБ. Беларусь сегодня» до районных и многотиражных. «Медиа-мифология» – понятие многозначное. Оно означает не только использование образов классической мифологии, но и откровенное паразитирование на них, создавая тем самым некое

амбивалентное восприятие темы, героя, публикации (-й), издания в целом.

Медиаперенасыщенное общество более всего подвергается таким процессам, которые культурологи определяют как «фрагментация» или «кастомизация» (термин М. Кастельса – одного из теоретиков информационного общества). Одной из предпочитаемых кастовых единиц сегодня является субкультура. Процесс формирования глобальных субкультур с особой очевидностью обозначился в XX веке. На этот процесс повлияло немало факторов, основные из которых – расширение сетей вещательных СМИ (BBC, CNN, Foxnews) и появление мировых вещательных корпораций; доступ многочисленной глобальной аудитории к информации о новейших тенденциях во всех областях жизни; дальнейшее распространение поп-культуры в ее различных видах. Глобализацию понимают как объективный процесс формирования кардинально новой человеческой общности, основанной на интеграции и транснационализации экономической, информационной, политической и социокультурной деятельности различных стран и этнорегиональных комплексов в мировом сообществе. Многие исследователи этого феномена особое внимание уделяют культурному аспекту. Например, известный американский политолог Иммануил Валлерштайн понимает процесс культурной глобализации как результат распространения культуры центра на периферию, а позже – ее распад на локальные фрагменты, которые сохраняют элементы культуры центра [13, Р. 59]. Такие специфические образования и есть глобальные субкультуры. Они представляют собой объединения в контексте общей

культуры того или иного общества, похожие или идентичные по наполнению в различных культурах многих стран мира. На нынешнем этапе исторического развития особое развитие и распространение получают, например, молодежные глобальные субкультуры, субкультуры определенной сексуальной ориентации, субкультуры по культурным интересам.

Принцип разделения общества на большое количество субкультур уподобляется принципу организации массовой культуры по горизонтали. В этом смысле между понятиями «медиакратия» и «массовая культура» можно поставить знак тождества. Множественность субкультурных сообществ особенно учитывается в современном медиaprостранстве. (Например, в Западной Европе весьма популярны молодежные журналы современной культуры, издаваемые с расчетом на определенную субкультурную категорию потребителей.) Субкультурный подход к аудитории учитывается и при подготовке публикаций. В предлагаемых массмедийных текстах делается ставка на субкультуру так называемого массового либо среднего человека. Ставка на аудиторию массового среднего человека, возведенная в один из основополагающих принципов, способствовала определению некоторых изданий как маргинальных.

Современная медиапалитра весьма неоднозначна. Совершенно очевидно, что на ее сущностные и формальные характеристики заметное влияние оказывают процессы глобализации, которые, с одной стороны, ее еще более унифицируют и стандартизируют, а с другой – делают более разнообразной. Такова и функциональная суть визитной карточки глобализации – массовой культуры.

1. Кириллова, Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну [Текст] / Н.Б. Кириллова. – М., 2005.

2. Кукаркин, А.В. Буржуазная массовая культура [Текст] / А.В. Кукаркин. М., 1978.

3. Массовая культура: учебное пособие [Текст]. – М., 2004.

4. Можейко, М.А. Модерн – постмодерн – пост-постмодерн: коммуникативная парадигма в современной философии искусства [Текст] / М.А. Можейко // Актуальные проблемы мировой художественной культуры: материалы межд. научн. конф. (Гродно, 23-24 марта 2006 г.) в 2 ч. – Ч. 1. – Гродно, 2006.

5. Разлогов, К. Глобальная и/или массовая? [Текст] / К. Разлогов // Киноведческие записки. – 2000. – № 45.

6. Разлогов, К. Феномен массовой культуры [Текст] / К. Разлогов // Культура, традиции, образование. – М., 1990.

7. Саенкова, Л.П. Массовая культура. Эволюция зрелищных форм [Текст]/Л.П. Саенкова. – Мн., 2003.

8. Сметанина, С.И. Медиа-текст в системе культуры [Текст] / С.И. Сметанина. – СПб., 2002.

9. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества [Текст]/ Ф. Уэбстер. – М., 2004.

10. Хендерсон, Д. Психологический анализ культурных установок [Текст]/ Д. Хендерсон. – М., 1997.

11. Castells, Manuel. End of Millennium [Text] / Manuel Castells. – Oxford. Blackwell. 2nd edition, 2000.

12. Friedman, J. Enseignement et culture de mass [Text] / J. Friedman // Communications. – 1962. – № 1.

13. Wallerstein, I. The Decline of American Power: The U.S. in a Chaotic World [Text] / I. Wallerstein. – New York, 2003.

КОНЦЕПТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

УДК: 61 (091): 101. 1

И.А. ТРУШИНА

*Непосредственной данности нет, а есть интуиция:
интуиция – Слово, создавшее мир.*

Андрей Белый

Подобно тому, как в важные часы судьбы перед взором человека пролетает вся его жизнь, есть эпохи, когда перед духовным взором современников проносится вся история человечества. Это время переходных состояний общества, когда устойчивые признаки определенного типа культуры разрушаются, а признаки возникающего нового типа проявляют себя смутно, лишь в тенденции. В это время начинается процесс самоанализа, самокритики, в результате которого выявляется ценностное содержание клонящейся к закату культуры. Таким периодом в России стал Серебряный век.

Серебряный век – это сложное идейно-эстетическое образование, в чем-то противоречивая, но пронизанная неким единством система. Он сложился в определенных конкретно-исторических условиях, вызвавших к жизни уникальное, неповторимое миропонимание, которое содержало в себе и возрождение духовного опыта Средневековья, и, одновременно, открытость в будущее, поиск новых форм и способов организации бытия. «Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму» [5]. В противовес предыдущей эпохи, в которой преобладал позитивизм, ориентация на рационализм, науку, в мировоззрении Серебряного века важное место заняли религия и искусство. Главной составляющей в формировании нового типа культуры выступила вера, а не разум, ибо в России искали не просто новые ценности и новые идеалы, а ценности «вечные» – «абсолютное добро», «вечную и нетленную красоту». Осмысливая многовековую историю России и Запада, представители религиозного возрождения критично оценивали западный путь развития. Они счи-

тали, что принятая за идеал европейская модель стала причиной того, что в России оборвалась традиция древнерусской культуры, закреплённая в литературных, философских, богословских источниках, в иконописи, орнаменте, храмовом зодчестве. В результате того, что было отдано явное предпочтение цивилизации в ущерб культуре, внутренний мир, душа человека оказались в забвении и запустении. Таким образом, культурная парадигма прозападной ориентации была признана исчерпанной, начался поиск новых источников в языке, религии, философии, литературе, в том числе, и через возрождение русской средневековой традиции. Спасение России виделось в восстановлении идей христианства как фундамента всей культуры, в возрождении и утверждении ценностей религиозного гуманизма, истоки которого искали в русском Средневековье.

Обращение к Средневековью не являлось случайным – для кризисного мироощущения конца XIX – начала XX века многие концепты этой культуры были близки и понятны. Так, характерна для Средневековья эсхатология, вот этот промежуток «внутренне противоречивого уже-но-еще-не, между тайным преодолением мира и явным концом мира был сродни культуре Серебряного века» [1]. Во многом, именно он стал идейной предпосылкой репрезентативно-символического мировоззрения этих эпох. «Вся средневековая культура аллегорична и символична» – писал С. Аверинцев [1]. Мир, в котором существовал средневековый человек, осознавался им как символический, как некая иносказательная фигура. Средневековая христианская культура сделала аллегорию и символ основой понимания и описания тварного мира. Аллегория в средневековых текстах позволяла обнаружить и вывести на передний план какую-либо неочевидную идею или некий скрытый смысл через их косвенное описание. Так, мастера толкований эпических, религиозных, философских и художественных текстов способны

были создавать целые гирлянды аллегорий, не только украшающих их тексты, но и проливающие дополнительный свет на присутствующие в них глубинные смыслы [2]. Аллегория является ключевым понятием средневековой философии, особенно восточной патристики. Аллегореза в произведениях патристических авторов выступает, фактически, в качестве специфического философского метода. Отцы Церкви продолжили античную традицию использования аллегорической интерпретации, но уже по отношению к тексту Библии. Эти тенденции нашли свое продолжение в русской средневековой культуре, многие концепты которой стали источниками вдохновения русского ренессанса конца XIX – начала XX веков.

Древнерусская богословско-философская мысль стала предметом пристального внимания представителей культуры Серебряного века и одним из наиболее важных открытий этого периода. Ведь в русском Средневековье был выработан совершенно новый тип философии – и по форме, и по содержанию. В патристике саму христианскую жизнь и мысль Отцы Церкви называли и понимали как философию, но не просто как любовь к мудрости, а любомудрие по Христу, то есть теоретическое развитие и практическое воплощение принципов божественного Откровения Нового Завета, воплотившегося Логоса и Премудрости (Софии) Божией. Именно такое понимание философии и нашло свое продолжение в русской культуре. Для отечественной философии характерен аллегоризм и рассредоточение ее во всем контексте культуры, тяготение к живому, яркому слову, отказ от нагромождения тяжеловесных конструкций, особый интерес к нравственной, антропологической, исторической тематике. Благодаря аллегоризму средневековой русской философии ей удалось избежать абстрактности, схоластичности, стремления к получению чистого философского знания. Философ в русской средневековой традиции есть не удалившийся от мира высокопрофессиональный интеллект, но, прежде всего, просветитель, подвижник, исповедник, несущий в мир не отвлеченные теоретические схемы, но вырабатывающий открытое для всех жизнестроительное учение [7].

Не менее важное влияние на характер русской философии оказал тот факт,

что ее источниками в равной степени были не только тексты, но и другие виды искусства: иконопись, храмовое зодчество, произведения пластики. Именно такой подход и дал возможность в начале XX века иначе взглянуть на русскую культуру. Впервые в таком ключе о языке древнерусской культуры начал писать во втором десятилетии прошлого века Е.Н. Трубецкой [13]. Чуть позже говорил о семантике иконописного языка в знаменитом трактате «Иконостас» Павел Флоренский [14].

В 1913 году в Москве в Деловом дворе на Варварской площади была открыта грандиозная выставка древнерусского искусства, которая явила взорам зрителей весь этот прекрасный, сияющий яркими красочными тонами «умный космос» чистых идей, лишенных тяжести плоти. Это был период, когда русская икона была заново открыта, ибо по-настоящему, в начале XX века средневековая иконопись была еще мало знакома. Тот же Е.Н. Трубецкой писал: «Икона остается у нас сплошь да рядом предметом того поверхностного эстетического любования, которое не проникает в ее духовный смысл... Открытие иконы... на наших глазах, можно сказать, только начинается. Когда мы расшифруем непонятный доселе и все еще темный для нас язык этих символических образов, нам придется писать заново не только историю русского искусства, но и историю всей древнерусской культуры» [13]. Именно в древней русской иконописи Е.Н. Трубецкой искал новые неведомые пласты истории и культуры России, которые являлись источникам, питавшим духовную жизнь народа.

Древнерусская средневековая философия, которая формировалась и выражалась в святоотеческой письменности, имела еще одну особенность, роднившую ее с культурой Серебряного века, – она само слово сделала текстом. Словесная ткань средневекового произведения, в силу его аллегоричности, была многомерной. Столкновение многих значений потенциально многозначного слова-аллегии создавало необходимую художественную глубину целостного текста, который как бы рождался непосредственно в тексте, переходя в символ, и вместе с тем возникало нетривиальное прочтение символа, который и сегодня может варьировать в широких

пределах смысла. Контекстное совмещение прямого значения слова с переносным создавало символический смысл формулы в целом, аллегория переходила в символ. Так, например, древнерусский мыслитель Епифаний Премудрый – превосходный мастер символического и аллегорического толкования притч, сплетал слова в их горизонтальном и вертикальном соответствии; горизонтальная последовательность слов дана как традиционная формула, а вертикальное их наложение образовывало новые смежности» [10]. В текстах не менее выдающегося мыслителя Св. Кирилла Туровского читаются и горизонтальные, и вертикальные ряды слов в их взаимном соответствии, позволяя выявлять все новые признаки высказывания. Выход на «вертикаль» словесного плетения позволяла преодолеть ограничения линейного членения традиционных формул. Возможностей прочтения было множество, особенно учитывая многозначность древнерусского слова. Здесь неизбежно актуализировалась проблема «иерархий» смыслов, а «плетение словес» обнаруживало свою прямую, непосредственную связь с постижением Текста (ибо буквально слово «текст» и означает «плетение») [10]. Это «приращение смысла» в поэтической формуле А.А. Потенба называл символическим уподоблением.

Вот эти неведомые, едва уцелевшие пласты древнерусской культуры и стали предметом пристального внимания философов и литераторов Серебряного века. В древнерусской письменности, иконописи, во взаимосвязи религии, философии и искусства, средневековом аллегоризме, а также в возможности дальнейшего его углубления и переходе к символизму искался ответ на вопрос о построении нового мировоззрения, новой философии, нового искусства. Именно в таком типе осмысления реальности, в таком типе философствования открывался богатейший источник создания нового языка, который бы соответствовал новому мировоззрению, интерес к которому был четко обозначен в творчестве мыслителей Серебряного века.

Для Серебряного века в целом был характерен огромный интерес к проблеме языка. Именно этот период религиозной жизни России связан с имяславием. В этом

движении в учении богословов, философов слово поднимается не невиданную до этого высоту. С философским осмыслением идей имяславия связано творчество А.Ф. Лосева, С.Н. Булгакова, П. Флоренского. Но особенно полно интерес к слову был представлен в творчестве символистов, и, особенно, младосимволистов, которые ставили перед собой задачу создания языка, который мог бы достоверно выразить то новое мироощущение, новое сознание, которое возникает в период рубежа эпох. В этом языке должно было найти свое выражение не только человеческое, но и божественное измерение бытия. В поисках прообраза такого языка символисты обращаются к эпохе русского Средневековья, древнерусской письменности, аллегорезе и религиозной символической. Это поразительный случай в гуманитарном знании, когда теоретические вопросы языкознания нашли применение в художественном творчестве поэтов и писателей. Философия языка, считали символисты, вскрывает тот символический потенциал, который позволяет естественному языку играть роль мирозозидающей силы. У А. Белого одним из основных концептов становится тезис о языковой относительности: язык – это нечто относительно самостоятельное по отношению к умственной деятельности, исторически независимое от нее, формы творчества в языке во многом отличны от форм умственного творчества вообще. Изменение языка со временем, считал А. Белый, отражается на образе мышления, а появление нового языка, будет прямым свидетельством нового мировоззрения. Младосимволисты провозгласили «культ слова», и «слово-аллегория», «слово-символ» обрело значение магической силы и последней надежды человечества: «Мы еще живы – но мы живы потому, что держимся за слова», – писал Андрей Белый [3]. Русский философ и поэт серебряного века Вяч. Иванов видел в символизме искусства упреждение той предполагаемой, собственно религиозной эпохи языка, где господствуют две раздельных речи – речь об эмпирических вещах и отношениях и иератическая речь пророчеств о предметах и отношениях высшего порядка [8].

Для Серебряного века суть искусства состояла в выражении смысла бытия, а для этого оно должно было стать рели-

гиозным по содержанию и символическим по форме, каким оно, по сути, и было в Средневековье. Его главной функцией признавалась творчески-преображающая, так как «в искусстве человечеству через посредство феномена гения даны законы преобразования жизни в процессе софийно-теургического творчества. Личное, индивидуальное творчество может активно способствовать преобразованию мира, если оно органично вписано в структуру соборного сознания человечества, питается им и питает его своей энергией» [6]. В этом контексте искусство представляло как результат боговдохновенного творчества, а художник – как Богом избранный глашатай и проводник духовных образов, выражаемых исключительно в аллегорической и символической форме, как теург, действиями которого руководят божественные силы. Так в начале XX века усилиями русской религиозной философии возрождается понятие «Слова-Софии». Религиозное творчество представлялось идеальной парадигмой, на основе которой должна не только строиться человеческая жизнь и культура будущего, но и «завершаться процесс творения мира усилиями художников-творцов-теургов под непосредственным руководством Софии» [6]. Поэтому сущностным ядром философских построений этого периода была теургическая эстетика и софиология как «учение

о креативно-творческой роли и функциях Премудрости Божией, полисемантического личностно-безличностного феномена, объединяющего трансцендентный и имманентный уровни бытия» [6]. В образе Софии ярко проявились особенности русского религиозного сознания, порождением которого явилась, созданная в Средневековье, стройная картина «Софийного космоса», расположенного между миром земным и миром божественным.

Диалог древнерусского и символистского концептов по-разному звучит в творчестве многих писателей Серебряного века, но он, безусловно, стал одним из основных источников, в котором черпали свои идеи и вдохновение художники и мыслители рубежа веков. Идеи и концепты древнерусской культуры в этот период не просто обретали вторую жизнь, но получали свое развитие на новом историческом уровне. Представителями религиозного возрождения восстанавливалась культурная традиция, уходящая своими корнями в глубокую древность, давая совершенно иное измерение всем существующим формам мировоззрения, открывая новые горизонты для будущего развития. А обращение к концептам русской средневековой культуры помогло выработать культуре Серебряного века свои собственные характеристики, делающих ее неповторимой и уникальной.

1. Аверинцев, С. Символика раннего Средневековья. (К постановке вопроса) [Текст] / С. Аверинцев. – Семiotика и художественное творчество: сб. ст. – М.: «Наука», 1977. – С. 337.
2. Бачинин, В.А. Постмодернизм и христианство [Текст] / В.А. Бачинин // Общественные науки и современность. – 2007. – № 4. – С. 162–171.
3. Белый, А. Символизм как миропонимание [Текст] / А. Белый. – М.: Республика, 1994. – С. 528.
4. Белов, В.Н. Философия: Зарождение русской философской мысли и ее особенности [Текст] / В.Н. Белов // Саратов. Православие и современность. – 2009. – С.51–56.
5. Бердяев, Н. Самопознание [Текст] / Н. Бердяев. – М., 1990. – С. 129, 153.
6. Бычков, В.В. Эстетика Серебряного века [Текст] / В.В. Бычков // Вопросы философии. – 2007. – № 8.
7. Громов, М.Н. Необходимость новой методологии исследования [Текст] / М.Н. Громов / История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. – М.: Греко-латинский кабинет, 1995. – С. 449 – 450.
8. Иванов, В.И. Родное и вселенское [Текст] / В.И. Иванов. – М.: Республика, 1994. – С. 206 – 207.
9. Киселёва, М.С. Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности [Текст] / М.С. Киселева. – М., 2000. – С. 256.
10. Колесов, В.В. Средневековый текст как единство поэтических средств языка [Текст] / В.В. Колесов // ТОДРЛ. – 1996. – Т. 50. – С. 94.
11. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф [Текст] / А.Ф. Лосев. – М., 1982. – С. 480.
12. Неретина, С.С. История, миф, время, загадка [Текст] / С.С. Неретина. – М., 1994. – С. 154.
13. Трубецкой, Евг. «Три очерка о русской иконе» [Текст] / Е. Трубецкой. – Новосибирск, 1991. – С. 98.
14. Флоренский, П. Иконостас [Текст] / П. Флоренский // Богословские труды. Т. XI. М., 1972. – С. 192.
15. Хоружий, С.С. После перерыва. Пути русской философии [Текст] / С.С. Хоружий // Синергия. – СПб., 1994. – С. 33–50.

К ВОПРОСУ О РЕАГИРОВАНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПАТОЛОГИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

УДК 257-258, 316.624.2-3

С.И. КУБИЦКИЙ, А.В. ВЛАСОВА

На протяжении всех времен Русская Православная Церковь была обеспокоена нравственным обликом народа. В III Государственной Думе в 1908 году действовала «Комиссия о мерах борьбы с народным пьянством, принявшим размеры, угрожающие вырождением русской нации». Фактически со второй половины XIX века пьянство было признано бедой государственного масштаба. В.Ф. Дерюжинский в учебнике полицейского права отмечал в 1903 году, что пьянство в России являлось причиной 40% психических заболеваний. «Пьянство является одним из значительных факторов смертности. По сведениям за 1879 – 1884 гг. среднее годовое число умерших от опоя в России составляло 5.603 случая, или около 2 смертей на 1000 общей годичной смертности. В общем количестве так называемых «случайных смертей» пьянство занимает у нас первенствующее место. Особенно заметно это в центральной и восточной полосах России: в центральной на долю пьянства приходится от 20% до 34%, а в восточной – даже до 40% общего числа случайных смертей» [5].

В 1909 – 1910 гг. в Санкт-Петербурге открылся I Всероссийский съезд по борьбе с пьянством. Он проходил 28 декабря по 6 января 1910 года и был организован Комиссией по вопросу об алкоголизме, состоявшей при Обществе охранения народного здоровья. Особо следует указать на вывод, к которому единодушно пришли делегаты съезда, сформулировав его в резолюции: «Приходские общества трезвости при современном состоянии приходской жизни, суть необходимые учреждения в каждом приходе и являются нравственно-обязательным пастырским делом каждого священника» [11].

Церковно-приходские общества трезвости стали быстро возникать по всему

обширному пространству России. Согласно отчету 1909 года, общества трезвости в России имели 9 библиотек-читален, из них в Екатеринбургской епархии – 1, в Оренбургской – 1, в Пермской – 2. Всего было 39 профильных библиотек, в фонде которых находилась «трезвенническая» литература и периодическая печать. В Екатеринбургской епархии таких библиотек было 4, в Оренбургской – 2, в Пермской – 2 [2]. К началу 1911 года по статистическим сведениям, приведенным в «Первом антиалкогольном адрес-календаре», всех церковных обществ трезвости, значилось в Российской Империи 1767. Из этого общего числа обществ трезвости 461 (25%) открыты в разное время до 1900 года. В период времени с 1900 по 1905 года учреждено 309 обществ. В последующее время открыто: в 1906 г. – 64, в 1907 г. – 84, в 1908 г. – 140, в 1909 г. – 251 и в 1910 г. – 458 обществ трезвости. Следовательно, с 1906 по 1910 гг. открылось 997 обществ (против 770 за все предыдущее время), из них более 75% (709) учреждено в 1909 и 1910 гг. [7].

Для более успешной борьбы с пьянством в России стали создаваться кружки «Христианской трезвой молодежи», был утвержден Всероссийский Трудовой Союз христиан-трезвенников под покровительством Его Императорского Высочества великого князя Константина Константиновича. Союз должен был способствовать открытию в средних и низших учебных заведениях кружков, проведению лекций и т.п. Целью Союза являлась борьба с пьянством на основе христианской любви и взаимопомощи, проповедование безупречной трезвости особенно среди детей и подрастающего поколения.

В Пермской епархии рост численности обществ приходится на более поздний период. В 1909 году насчитывалось 5 обществ трезвости по 200 членов

в каждом; в 1910 году – 12, в 1911 – 61, в 1912 году – 143, в 1914 – 170 обществ трезвости [8]. Кроме того, в Перми действовал оперный театр, и при содействии комитета обществ трезвости на некоторые театральные постановки раздавались билеты по общедоступным ценам. Здесь же был найден еще один способ отвлечения населения от спиртных напитков – организация народных хоров. Член губернского комитета попечительства о народной трезвости Александр Дмитриевич Городцов на рубеже XIX – XX вв. создал десятки реально существующих коллективов хорового пения, объединивших сотни энтузиастов. Развитие хорового пения одна из главных заслуг Пермского губернского комитета попечительства о народной трезвости [9].

Кружки и общества трезвенников существовали и в других городских приходах на Среднем Урале. Например, в ноябре 1910 г. на собрании Симеоновского церковно-приходского попечительства в Екатеринбурге по предложению его председателя был положительно решен вопрос об открытии общества трезвости. После соответствующего разрешения и утверждения устава этого общества оно приступило к работе. Его руководителем и председателем был священник Александр Лукин. Первоначально желающих записаться в новое общество было немного, а сама деятельность общества «далее записи в книгу трезвенников и дачи ими пред иконой Св. Праведного Симеона обета воздержания от спиртных напитков не шла». В Екатеринбургской епархии работа православной церкви по пропаганде трезвого образа жизни наиболее активно велась в период пребывания на кафедре епископа Митрофана, с 1910 по 1914 гг. По всей Екатеринбургской епархии при горячей поддержке епископа Митрофана в 1910-1913 гг. открывались одно за другим общества трезвости [4].

В Оренбургской епархии к 1909 году было 9 обществ трезвости: в четырех участвовало до 500 человек, а в пяти – до 200 человек в каждом [2]. Так, одно сельское общество Оренбургской губернии, руководимое старостой-трезвенником, ввиду приближения «съезжего пировочного» праздника (Дня Святой Троицы) единогласно постановило: под угрозой трехрублевого штрафа не пить в этот праздник вина самим и не угощать других [1].

В отчете о деятельности Оренбургского епархиального комитета православного миссионерского общества за 1911, приводится характеристика религиозно-нравственной жизни новокрещенных: «Буйство и разлад в семье и обществе, обман и пьянство» [6]. Последняя черта развита особенно активно, поскольку «выпивкой сопровождается семейная радость, всякая удача в продаже земли без ведома миссионера, всякая другая сделка и пр.».

Церковь продолжала проявлять заботу о моральном состоянии граждан. 10 ноября 1899 г. за № 219 епископом Оренбургским и Уральским Макарием было издано обращение ко всем жителям г. Оренбурга. В нем Преосвященный призывал начальника губернии, полицию принять меры к прекращению в городе проституции [3]. Священникам же предписывалось, употребляя дар слова, «увещевать содержателей домов терпимости оставить свой бог противный промысел и добывать себе кусок хлеба только честным трудом». Таким образом, пастырское слово, по мнению епископа Феофана, должно было пробудить и вразумить грешников, потому что через него открывается истина Божия (Георгий (Тертышников) [10].

В рассматриваемый период наблюдалось и увеличение уровня преступности, особенно детской. Одной из причин этого являлось небрежное отношение к религиозно-нравственному воспитанию детей в семье и школе. Местом содержания провинившихся были монастыри. Сюда ссылались дети в возрасте от 10 до 14 лет, совершившие преступление «с разумением».

2 июня 1897 г. был принят закон об изменении в судопроизводстве по делам о несовершеннолетних преступниках и о мерах их наказания. Было установлено, что в местностях, где отсутствуют приюты и колонии для несовершеннолетних преступников или в них мало мест, малолетние преступники с 10 до 14 лет могут отбывать наказание «в монастыре их вероисповедания» – даже в случае тяжких преступлений. Если же преступление совершено «без разумения», то в монастыре мог оказаться и 17-летний правонарушитель. «Избрание православных монастырей для помещения в них малолетних, –

отмечалось в законе, – производится по предварительному сношении с местными архиереями». Такими «исправительными» монастырями, по решению местного архиерея, были назначены: в 1901 г. – Уральский Николаевский мужской и Уральский Покровский женский; в 1902 г. – Оренбургский Успенский мужской и Орский Покровский женский; в 1903 г. – Уральский Николаевский мужской и Уральский Покровский женский; в 1905 г. – Уральский единоверческий Николаевский мужской и Уральский единоверческий Покровский женский. Во избежание расстройств иноческой жизни, средства на содержание малолетних заключенных поступали из казны. Данное решение было установлено циркулярным указом Священного Синода от 26 июня 1901 г. Срок наказания зависел от степени вины подсудимого. Например, за поджог 12-летний крестьянин Верхнеуральского уезда Макар Засов заключался в монастырь на 3 года и 4 месяца. Помещение в монашескую среду нарушивших закон имело целью «духовное врачевание» последних. Малолетние и несовершеннолетние преступники должны были подчиняться всем правилам монашеской жизни и поручались руководству опытных в духовной жизни старцев [3].

В действовавшем тогда законодательстве существовали и такие меры наказания, как церковное покаяние – епитимья и отсылка к духовному начальству для «назидания» и «вразумления». Они назначались за отступление от православия, уклонение от исповеди и причастия, нечаянное убийство, незаконное сожи-

тельство, жестокое обращение мужа с женой, а также за покушение на самоубийство. Последнее явление к началу XX века в пределах Оренбургской епархии приобрело небывалый размах. Одной из причин, вызывающих суицидальные настроения, стала атмосфера гражданской апатии. В Государственном архиве Оренбургской области хранятся указы Оренбургской духовной консистории о предписании всем священникам епархии «тщательно назидать и вразумлять» лиц, покушавшихся на свою жизнь [3, Л. 50].

Приведенные данные свидетельствовали о том, что проблема алкоголизма не была преувеличена, но не была и решена.

В начале XX века на Урале была создана крупная сеть обществ трезвости, учредивших большое количество чайных, библиотек-читален, театров, народных хоров. Многие из этих учреждений оставили заметный след в истории Урала. В то же время приходится констатировать, что учреждения народной трезвости, создававшиеся государством, церковью и общественностью, не смогли переломить отношения народа к потреблению алкоголя. Причины неуспеха нужно искать в непоследовательной деятельности государства, а также в нелегкой общественно-политической обстановке. На начало века пришлось несколько войн, экономический кризис и затяжная депрессия (1900 – 1909), революции. В этих условиях вести борьбу с пьянством было чрезвычайно сложно. А к середине 1918 года практически все общества трезвости, особенно губернские и уездные комитеты, были ликвидированы.

1. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год [Текст]. – Пг., 1915. – С.208.

2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1908-1909 годы [Текст]. – СПб., 1911. – С.402.

3. ГАОО. Ф. 173. Д. 7261. Оп. 4.

4. ГАСО. Ф.6. Оп.4. Д.336. Л. 13, 30, 33, 132.

5. Дерюжинский В.Ф. Полицейское право: Пособие для студентов [Электронный ресурс] / В.Ф. Дерюжинский. – СПб. 1903. – С. 63. – Режим доступа: URL <http://www.allpravo.ru/library/doc76p/instrum3732/item3906.html>.

6. Отчет о деятельности Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1911 год [Текст] // Оренбургские епархиальные ведомости. Отдел офиц. – 1912. – 17 ноября. – № 45. – С.475.

7. Первый антиалкогольный адрес-календарь [Текст] / составитель: Ф.С. Перебийнос. – СПб., 1912. – С. 1–3.

8. Пермские ведомости [Текст]. – 1917. – № 9. – 12 января; № 14. – 18 января. – С. 8.

9. Пермские губернские ведомости [Текст]. – 1906. – № 13. – 17 января. С. 3.

10. По творениям святителя Феофана Затворника [Текст] // Альфа и Омега. – 1997. – № 3 (14). – С. 262.

11. Церковные ведомости [Текст]. 27 августа 1912. – № 34. – С. 1368.

СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕРВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ЯДЕРНОГО РЕАКТОРА ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ПЛУТОНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

УДК 621.039

В.Н. НОВОСЕЛОВ

В середине марта 1947 года на площадку приехал А.Н. Комаровский. Отметив отставание разработки котлована от правительственных сроков более чем на три месяца, он приказал установить ежесуточную норму выемки грунта в объеме 1200 м³. Неимоверными усилиями коллектив справился с поставленной задачей и достиг заданной глубины сорок четыре метра. Однако на этом испытания не закончились. Проектировщики забыли, что для шахты реактора котлован следовало углубить еще на десять метров.

Учитывая очень тяжелые условия труда на дне котлована, руководство стройки объявило запись добровольцев. Десятки строителей-добровольцев, попеременно сменяя друг друга, ни на минуту не останавливая работу, звеньями по четыре-шесть человек в рекордно короткие сроки поставили окончательную точку в работах на котловане. Под бетонирование его полностью подготовили в начале мая 1947 года.

Однако чертежи на бетонные работы запаздывали и, поэтому, даже общее представление о части здания, предназначенном для ядерного реактора, строители получили в августе 1947 года. По свидетельству Г.И. Турова: «Надземную часть сооружения...мы увидели в чертежах спустя два месяца (т.е. в конце сентября 1947 года – авт.)» [5, с. 76].

Бетонирование котлована реактора началось с монтажа арматуры и установки опалубки. Подача арматуры, деталей лесов и опалубки осуществлялась при помощи двух кабельных кранов. История появления их на стройке по своему примечательна. Как пишет Г.И. Туров, «применять

его (кабельный кран – авт.) именно в строительстве впервые стали в Краснодаре, и сообщение об этом появилось в какой-то газете. На следующий же день (благо, у начальника строительства свой «Дуглас»), в Краснодар был направлен инженер Ложкин А.И. Менее чем через две недели кабель-краны уже были изготовлены и установлены на котловане. Они ускорили ход работы в полтора раза...» [2, л. 217].

Крайне сложные условия формирования строительной площадки плутониевого комбината привели к отставанию сооружения ядерного реактора от первоначально утвержденного в Москве не слишком реального срока – ноябрь 1947 года.

С инспекторской проверкой в середине июня 1947 года на стройку приехал Е.П. Славский, в то время заместитель начальника ПГУ. Ознакомившись на месте с состоянием строительно-монтажных работ по заводу № 817, в докладной записке на имя Л.П. Берия от 21 июня он пришел к выводу, что темпы работ на всех основных производственных объектах и на жилищном строительстве крайне слабые и не соответствуют требованиям, вытекающим из сроков пуска завода, установленных Постановлением Совета Министров СССР [1, с. 676].

Несмотря на большое отставание, писал Е.П. Славский, «есть полная возможность резко поднять темп строительства и построить все основные промышленные объекты и жилье в текущем году» [1, с. 678]. Вывод Л.П. Берия по материалам представленного донесения был однозначен: «Надо срочно укрепить руководство строительства завода 817. Т. Рапопорта

* Продолжение. Начало в № 3, 2010.

освободить от работы по состоянию здоровья. Выдвинуть в качестве начальника строительства Царевского... т. Чернышова командировать на 2–3 месяца для принятия на месте всех необходимых мер по обеспечению окончания строительно-монтажных работ в установленные Правительством сроки» [1, с. 678].

Иллюзии по поводу возможного пуска первой очереди плутониевого комбината еще до конца 1947 года проявились в постановлении Совета Министров СССР № 2145-567сс «О мероприятиях по обеспечению строительно-монтажных работ завода по проекту № 1859» от 19 июня 1947 года [1, с. 214-220].

Для принятия решительных мер Л.П. Берия направил на строительство комбината правительственную комиссию во главе с начальником ПГУ Б.Л. Ванниковым. Новым начальником лагеря и строительства № 859 был назначен генерал-майор инженерно-технической службы Михаил Михайлович Царевский.

Бетонирование котлована и возведение здания под первый ядерный реактор после прихода Царевского продолжались до октября 1947 года. После этого начался новый ответственный этап – монтаж конструкций ядерного реактора. На стройплощадке было образовано Управление монтажных работ, которое в должности заместителя начальника стройуправления № 859 МВД СССР по монтажу возглавил подполковник П.К. Георгиевский с оставлением в должности заместителя начальника Главпромстроя МВД СССР.

Для увязки строительных и монтажных работ по объектам стройуправления № 859 Георгиевскому подчинили в оперативном отношении шефмонтажную организацию Министерства машиностроения и приборостроения и все специализированные монтажные организации, работавшие на объектах плутониевого комбината.

Высокий уровень сложности монтажа ядерного реактора определялся новизной, уникальностью и большими размерами конструкций, что требовало концентрации большого количества людей и техники на чрезвычайно малой площадке. Трудоемкость сочеталась с большим объемом монтажа. Только на ядерной реакторной установке за короткий срок было смонтировано 1500 тонн металлоконструкций,

3500 тонн оборудования, 230 километров труб различного диаметра, 26 кранов и кран-балок, 5745 единиц запорно-регулирующей аппаратуры, 3777 приборов, 182 пульта управления, щитов и штативов. Уложено, разделано и подключено 165 километров электрического кабеля, произведена металлизация десятков тысяч квадратных метров поверхностей [6, с. 43].

Сроки выполнения работ были настолько сжаты, что монтажники зачастую работали параллельно со строителями, выхватывая у них фронт работ буквально из рук. Рабочий день никаким временем не ограничивался. Каждый работал столько, сколько было необходимо для выполнения задания – и двенадцать, и шестнадцать часов, а в целом работа велась круглосуточно.

Вспоминая обстановку того периода, бывший начальник монтажного управления № 11 треста «Союзпромонтаж» Ю.Д. Цвелодуб рассказал: «Я имел семнадцатилетний опыт производства монтажных работ, но здесь на строительной площадке впервые столкнулся с монтажом нового для меня уникального оборудования и материалов, а также высоким требованием к качеству монтажных работ» [4, с. 86].

Несмотря на героические усилия строителей и монтажников, отставание от правительственных сроков монтажа реактора преодолеть не удавалось. В сентябре 1947 года приехал И.В. Курчатov. Он ежедневно приходил на стройплощадку ядерного реактора, внимательно следил за ходом работ, на месте принимал решения по обеспечению максимальной их эффективности. Пятого октября 1947 года И.В. Курчатov собрал совещание, единственным вопросом которого было состояние строительно-монтажных работ по комплексу реакторного производства. В Управление строительства съехались А.П. Александров, В.В. Чернышов, М.М. Царевский, В.А. Сапрыкин, П.К. Георгиевский и другие руководители.

Совещание пришло к выводу: закончить строительство реактора к 7 ноября не удастся. В связи с этим в середине ноября 1947 года стройку посетил министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов. Цель его приезда была очевидной – выяснить реальность пуска комбината к началу 1948 года.

Самым слабым звеном в иерархии руководителей сооружения комбината оказался Е.П. Славский. Директором комбината стал Б.Г. Музруков, всю войну возглавлявший знаменитый Уралмаш.

М.М. Царевский остался начальником стройки и вместе с другими руководителями прилагал огромные усилия по ускорению темпов строительного-монтажных работ. И они действительно нарастали. За первое полугодие 1947 года было освоено 31,5 процента годовых объемов капиталовложений, а во втором полугодии – в два раза больше. Столь стремительный рост объемов выполненных работ в первую очередь был связан с увеличением во втором полугодии потока проектной документации и разрешением ряда проблем по обеспечению поставки оборудования и ряда дефицитных материалов, а главное – завершение процесса формирования работоспособных коллективов монтажных организаций.

В конце февраля 1948 года на монтаже реактора наступил наиболее ответственный момент. Началась укладка в корпус реактора пятисот тонн сверхчистого графита. Малейшее загрязнение графита примесями сделало бы невозможной работу реактора. Были предприняты особые меры предосторожности. Над корпусом реактора соорудили купол, который предотвращал попадание в графитовую кладку инородных тел и пыли. Под него закачивали теплый воздух и отсасывали запыленный. Рядом с этим куполом построили специальное здание – типовой барак с улучшенной внутри отделкой. От него шла герметически закрытая галерея в реакторный зал, под купол.

Самое большое напряжение на строительстве реакторного производства возникло в конце апреля, на счету

была буквально каждая минута. Простой монтажников в течение четырех часов 20 апреля был воспринят как чрезвычайное происшествие, его виновников сняли с работы. После этого случая оперативный штаб собирался ежедневно, а иногда по два раза в день. Когда возник дефицит специальных труб, на оперативном штабе решили направить в Челябинский аэропорт весь автотранспорт, приспособленный к такого рода перевозкам [3, л. 13].

Работы велись круглосуточно. Чаше стали применять уже испытанный метод повышения эффективности труда: если сменная задача не выполнена или не подготовлено всё к следующей смене, если появлялась какая-то экстренная работа, то у прораба или десятника изымался пропуск, ночлег предоставлялся в оборудованной для этого комнате на объекте.

К середине мая послеоперационные, отделочные, планировочные работы и благоустройство территории реакторного производства были завершены. Забетонированы дороги, тротуары, расставлены скамейки. Из сада, оставшегося бесхозным после выселения из зоны отчуждения колхоза «Коммунар», привезли и высадили вдоль дорог яблони и другие деревья. Здание ядерного реактора утопало в зелени.

В начале июня 1948 года последние группы строителей и монтажников покинули площадку ядерного реактора. За двадцать два месяца невероятно напряженной работы был построен первый в Евразии, уникальный по сложности и объёму работы промышленный ядерный реактор. 18 июня реактор начал нарабатывать плутоний в промышленных масштабах. Первая в ряду самая сложных задач Атомного проекта была решена.

1. Атомный проект СССР Т. II. Кн. 3.

2. АЮУС Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 217.

3. АЮУС Ф. 2. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.

4. Творцы ядерного щита [Текст] / отв. ред. П.И. Трякин. – Озерск, 1998.

5. Черников, В.С. За завесой секретности или строительство № 859 [Текст] / В.С. Черников. – Озерск, 1995.

6. Шевченко, В.И. Первый реакторный завод [Текст] / В.И. Шевченко. – Озерск, 1998.

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНЕЗИСА ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА СССР В ДОКУМЕНТАХ ОБЪЕДИНЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

УДК 355.24 (470.5)+093

Л.В. ШУБАРИНА

Возрастание интереса к региональной истории в последние годы в значительной степени обогащает содержание общего дискурса по проблемам истории нашего Отечества. Во многом это является следствием работы вневедомственных комиссий при губернаторах, благодаря которой в региональных архивах открывается доступ к документам, еще не рассекреченным в центральных государственных архивохранилищах. В итоге значительно расширяется источниковая база исследований, что дает возможность по-новому взглянуть на, казалось бы, известные события. В наибольшей степени это относится к истории Оборонно-промышленного комплекса (ОПК) Советского Союза, фундаментом которого стала атомная промышленность.

Плодотворность деятельности комиссии при губернаторе Челябинской области по рассекречиванию архивных документов доказывает тот факт, что с каждым годом на Урале публикуется все больше монографий, статей, защищаются диссертаций по истории атомной промышленности, в которых, на основе введения в научный оборот новых пластов информации, уточняются многие важные аспекты, казалось бы, хрестоматийно известных исторических процессов, в научный оборот вводится большое количество новых фактов, способствующих развенчанию многочисленных мифов. А между тем, в Москве, кроме продолжающейся публикации сборника документов «Атомный проект СССР» [1], основанного на материалах архива Президента РФ, сотни тысяч других документов по этой теме остаются недосягаемыми.

Изучение материалов, хранящихся в центральных и региональных архивах, заставляет еще раз обратиться к содержанию важнейших этапов истории ОПК. Не претендуя на освещение всего комплекса вопросов, связанных с развитием Оборонно-промышленного комплекса СССР, в данной статье

автор, на основе рассекреченного массива документов Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), обращается к проблеме его генезиса.

В исторической литературе по этому вопросу единая точка зрения отсутствует. В монографии Н.С. Симонова указывается, что зарождение ОПК следует отнести к «военной тревоге» 1927 года [8, с. 59–64]. В фундаментальном исследовании И.В. Быстровой доказывается тезис о принятии курса на перевооружение Красной Армии, который «неизбежно должен был повлечь за собой скачок в развитии оборонной промышленности» в промежутке между 1930 и 1932 годами [2, с. 67–68].

Материалы ОГАЧО свидетельствуют о том, что зарождение самой идеи о немедленном наращивании военных приготовлений в промышленности произошло в регионе в начале 1927 года. На заседании секретариата Уралобкома ВКП(б) 22 марта 1927 года было принято постановление по докладу командующего войсками Приволжского военного округа, в котором подчеркивалось: «Мероприятия по созданию действительной обороноспособности приобретают особое значение в уральских условиях. Наличие значительного партийного и рабочего ядра, широко развитая крупная промышленность союзного значения, географическое положение Урала и реальные природные возможности для организации на Урале военной промышленности (химической, снарядной, по постройке самолетов, автомобилей и танков) – создают на Урале мощную опорную базу обороны Союза. В силу этих данных считать необходимым поставить теперь же перед центром вопрос о целесообразности сосредоточения военной промышленности Союза на территории Уральской области» [3, л. 106].

На закрытом заседании бюро Уралобкома ВКП(б) 8 июля 1927 года была утверждена Мобилизационная комиссия

во главе с секретарем обкома Н.М. Шверником. Главной задачей комиссии являлась военная мобилизация всех ресурсов региона [3, л. 116].

Правительство пошло навстречу предложению уральцев. Одним из крупнейших центров оборонной промышленности страны предстояло стать Челябинску. В городе, население которого едва насчитывало 60 тысяч человек, намечалось построить 19 (!) крупных предприятий. Большинство из них имело военное или двойное назначение. Тракторный, ферросплавный, цинковый, снарядный, автомобильный, авиационный и другие заводы выступали дублерами аналогичных предприятий, расположенных в западных районах СССР [4, л. 382].

Еще в середине 1920-х гг. участие Уральской области в развитии оборонной промышленности предполагалось свести к роли поставщика специальных черных, цветных металлов и сплавов на базе старых предприятий горнозаводской зоны и новых гигантов Урало-Кузбасского металлургического комбината. Такой подход отвечал сложившейся к тому времени специализации региона в народном хозяйстве страны [9, с. 191].

Недостаточно развитое машиностроение Урала, основанное на оборудовании не только начала 20 века, но и значительно более раннего времени, казалось, навсегда отстало от традиционных машиностроительных центров России. Но, благодаря значительным усилиям руководства и самоотверженному труду населения, ситуация изменилась: началось строительство предприятий. Одним из значимых новых машиностроительных заводов оборонного профиля стал Челябинский станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе (№ 78), который, в кооперации со снарядательным заводом № 114 города Копейска, стал специализироваться на массовом производстве снарядов разных калибров. В условиях дефицита всех видов ресурсов оба предприятия возводились с огромным трудом. Несмотря на постоянную помощь со стороны областных властей и Наркомата боеприпасов, эти заводы к началу войны так и не достигли проектной мощности [5, л. 258].

Крупной промышленной базой производства боеприпасов в предвоенный период стал город Златоуст. Комбинат № 259, объединивший в одну технологическую цепочку производство качественного металла, а также изготовление из него корпусов снарядов и мин различного

калибра, был флагманом оборонной промышленности всего Урала.

С середины 1930-х годов в 12 км от Златоуста началось строительство заводов № 54 и № 385, предназначенных для производства стрелкового оружия. Однако до войны их строительство так и не было завершено. Из-за дефицита ресурсов не вошел в строй завод № 25 в Чебаркуле, остановлено строительство снарядательного завода в Миассе [6, л. 52].

За десять месяцев до войны ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР 21 августа 1940 года приняли постановление «О производстве танков типа KB». Этим решением Челябинскому тракторному заводу и заводу № 78 поручалось в кратчайшие сроки организовать выпуск тяжелых танков. Задание правительства осталось невыполненным, производственная база для массового выпуска танка KB не подготовлена и, прежде всего, из-за неразворотливости Наркомата боеприпасов и острого недостатка кадров [7, л. 78]. Амбициозные планы Сталина и его окружения по системному развитию оборонной промышленности, воплощение которых началось в 1929–1930 гг. остались не реализованными. Из девятнадцати запланированных заводов в Челябинске на проектную мощность работали только два, два действовали на половину расчетной производительности, еще два построили в годы войны на базе эвакуированных предприятий, а тринадцать остались на уровне котлованов или вообще на бумаге. Аналогично ситуация развивалась и в других областях Урала.

Несмотря на невыполнение графика ввода в строй ряда предприятий оборонной промышленности, широкая география их строительства, создание основного ядра производственных коллективов, развитие инфраструктуры имели положительное значение. С началом войны именно эти предприятия стали базой развертывания многих десятков эвакуированных заводов, что позволило резко сократить сроки организации на них массового производства вооружения и боеприпасов.

Таким образом, к лету 1941 года Уральский экономический район являлся крупнейшим производителем черных и цветных металлов, монополистом по выпуску специальных сталей, без которых было невозможно наладить массовый выпуск оборонной продукции. В то же время промышленность вооружений и боеприпасов находилась в стадии становления. Производимый на Урале металл в большей своей

части не использовался на месте, а направлялся на оборонные предприятия центральных и западных регионов страны.

Вследствие того, что на Урале в 1930-е годы в целом так и не была создана полноценная оборонная промышленность как законченный комплекс, уже первые недели войны привели производство вооружений и боеприпасов СССР к серьезному кризису. К июню 1941 года более 80% военных предприятий по-прежнему размещалось на территории так называемого военно-промышленного пояса, расположенного в европейской части СССР в прямоугольнике между линиями Ленинград-Киев – на западе и Ярославль-Воронеж-Донбасс – на востоке. Здесь находилось 85% мощностей авиационной промышленности, все танковые заводы, 97% предприятий Наркомата вооружения, 85% – Наркомата боеприпасов [10, с. 267].

Отказ правительства от тотальной милитаризации Урала, следование накатанному и более быстрому пути расширения уже действующих военных заводов в европейской части страны поставили СССР на грань военной катастрофы, в том числе и потому, что оборонно-промышленный комплекс до 1941 года так и не был сформирован. Данный вывод является следствием нашего убеждения в том, что важнейшим критерием наличия ОПК является системность. Основу системности составляют развитые фундаментальная и прикладная науки, достижения которых реализуются в новейших технологиях, что позволяет обеспечивать выпуск военной продукции на уровне лучших мировых образцов. Исходя из этого методологического посыла, можно заключить, что тотальная милитаризация народного хозяйства, в том числе уральской промышленности, в годы Великой Отечественной войны не означала его автоматическую трансформацию в ОПК, не смотря на эффективную систему

управления, отлаженное взаимодействие предприятий, оптимизацию технологических процессов за счет внутренних резервов и т.д. Иными словами, достигнутые в 1941–1945 гг. успехи не привели и не могли привести к образованию ОПК. Сложившийся во время войны экономический механизм по своим параметрам оказался механизмом одноразового действия и после Победы мгновенно рассыпался.

Начавшаяся холодная война потребовала развития оборонной промышленности на качественно ином уровне. Необходимость создания ядерного оружия заставила последовательно развивать фундаментальную и прикладную науку, создавать экспериментальную технологию, готовить кадры высшей квалификации по ранее не существовавшим специальностям.

Документы архивов Свердловской и Челябинской областей содержат уникальную информацию по всем этим вопросам. Изучение их позволяет сделать вывод о том, что заданный уровень системности, комплексное развитие науки и производства постепенно охватывало одну отрасль оборонной промышленности за другой: атомную, ракетную, металлургическую, радиотехническую, пока к середине 1960-х годов не охватила все без исключения. Начиная с 1970-х гг. предприятия развитого ОПК Советского Союза стали существовать в форме производственных объединений – организаций, осуществляющих научные исследования и разработки наряду с их производственным освоением и выпуском продукции.

Генезис советского ОПК занял около сорока лет. Данный процесс перехода от ассиметричной оборонной промышленности к оборонно-промышленному комплексу лежал через военную научно-техническую революцию. Документы Уральских архивов убедительно и последовательно это доказывают.

1. Атомный проект СССР. Документы и материалы: в 3 т. [Текст] / под общ. ред. Л.Д. Рябева. – М.: Наука. Физматлит, 1998–2009.

2. Быстрова, И.В. Советский Военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). [Текст] / И.В. Быстрова. – М.: [ИРИ РАН], 2006.

3. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-75. Оп. 1. Д. 393.

4. ОГАЧО Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 2479.

5. ОГАЧО Ф. П-288. Оп. 42. Д. 13.

6. ОГАЧО Ф. П-288. Оп. 42. Д. 14.

7. ОГАЧО Ф. П-288. Оп. 42. Д. 17.

8. Симонов, Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1930-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. [Текст] / Н.С. Симонов. – М.: 1996.

9. Челябинская область. В 3 т. [Текст] / сост. Н.Е. Борисов. – Челябинск: Чел. обл. изд-во, 1939. Т. 1.

10. Урал в панораме XX века [Текст] / под общ. ред. В.В. Алексеева. – Екатеринбург: СВ-96, 2000.

XVIII УРАЛЬСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

УДК 316.4

С 1976 года в Уральском регионе по инициативе доктора философских наук, профессора Льва Наумовича Когана раз в два года проводятся Уральские социологические чтения. Начало этому процессу было положено в тот момент, когда социологи Свердловска, Перми, Уфы, Челябинска, Ижевска, Оренбурга, Тюмени и Кургана осознали необходимость в систематическом научном общении, в знакомстве с прикладными конкретно-социологическими исследованиями своих коллег из уральских городов.

В настоящее время мы можем наблюдать значительные перемены в содержании социологического пространства, которые диктует глобализация, информатизация и разразившийся в 2008 году мировой финансово-экономический кризис. Поэтому неслучаен выбор темы очередных XVIII Уральских социологических чтений «Управление социальным развитием регионов в условиях выхода из кризиса в современной России и странах СНГ», которые состоялись 28-29 октября 2010 года.

Челябинск принимал наиболее авторитетных специалистов в области теоретической и прикладной социологии, а также смежных гуманитарных наук – политологии, экономики, философии, права, государственного и муниципального управления, менеджмента для совместного обсуждения важнейших вопросов социального развития Уральского региона.

В частности, о проблемах регионализма и провинциализма в мировой социологической науке рассуждал президент Российского общества социологов, член Президиума Европейской Социологической ассоциации, доктор философских наук, профессор института социологии Российской академии наук – В.А. Мансу-

ров. Проблемы теоретического обоснования прикладных исследований в социологии анализировал декан факультета политологии и социологии, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького доктор философских наук, профессор А.В. Меренков.

Челябинцы предложили гостям конференции результаты прикладных социологических исследований. Социально-экономическое самочувствие и ожидания населения Челябинской области как посткризисный синдром наглядно продемонстрировал директор Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы доктор политических наук С.Г. Зырянов. Генетический метод социологического анализа на примере решения проблемы демографической ситуации представил заведующий кафедрой социологии Челябинского государственного университета доктор социологических наук, профессор А.А. Тараданов.

Неоднозначные темы, вызвавшие дискуссию, представили ученые: профессор кафедры теории и социологии управления Уральской академии государственной службы доктор социологических наук доцент А.С. Ваторопин – «Православные фашисты как социально-политическое движение: генезис и перспективы»; заведующий отделом философии Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, доктор политических наук, профессор О.Ф. Русакова – «Социетальные ресурсы политической власти»; профессор Челябинской государственной академии культуры и искусств доктор философских наук, профессор В.С. Цукерман – «Советская цивилизация: территориальный и временной аспекты».

Обменяться мнениями и сверить векторы движения ученые смогли во время работы секций:

- Теория, методология, история социологии.
- Социальное пространство регионов как социологический феномен.
- Социальные институты и процессы в современном обществе: методология, опыт эмпирического исследования.
- Социально-экономические и политические проблемы развития российских регионов.
- Культура, молодежь, образование в меняющемся мире.

Несомненным украшением конференции стали лекции и мастер-классы для молодых социологов, которые прошли во второй день форума параллельно с работой секций. В частности, на двух площадках вузов Челябинска с молодыми учеными, аспирантами и студентами-старшекурсниками общались:

- Файзуллин Фаниль Саитович, доктор философских наук, профессор, академик АН РБ и РАН, заведующий кафедрой философии Уфимского государственного авиационного технического университета, который прочел лекцию на тему «Регулирование межнациональных отношений»;

- Вишневский Юрий Рудольфович, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, вице-президент РОС, доктор философских наук, профессор, г. Екатеринбург, который организовал мастер-класс по теме «Социальные технологии».

Накопление, систематизация и анализ результатов прикладных и теоретических исследований социологов России, Украины, Белоруссии, Польши, Литвы позволили в рамках конференции более масштабно и адекватно оценить состояние социальной сферы и перспективы развития не только Уральского региона, но и в целом социальной политики Российского руководства и стран ближнего и дальнего зарубежья. Именно в этом состоит смысл научно-исследовательской и информационной деятельности Уральского сообщества социологов, о чем они и рассказали на пресс-конференции, прошедшей в рамках научного форума. Подводя итоги конференции, челябинские социологи передали эстафету – и право провести очередные XIX Уральские социологические чтения сейчас оспаривают сразу несколько крупных научных центров Большого Урала.

До новых встреч!

С. Зырянов

КУДА ПОЙДЕТ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО?

УДК 311.41

В 2009 году НП «Институт экономических стратегий» провел исследование на тему «Краткосрочное сценарное прогнозирование развития гражданского общества в России» (<http://www.inop.ru/page143/page799/page611/>). С практической точки зрения по результатам проведенного прогнозирования нашла подтверждение гипотеза о том, что в настоящий период российское гражданское общество находится в точке, из которой с примерно равными вероятностями его развитие может пойти по нескольким, существенно различным направлениям.

На основании обнаруженных в исследовании взаимосвязей, указывается в отчете, можно предположить, что если государство не будет помогать гражданскому обществу, то при росте социальной активности граждан (особенно молодежи) с высокой вероятностью его развитие пойдет по конфронтационному сценарию. Если государство не хочет такого сценария – оно обязано вести с гражданским обществом диалог и оказывать ему поддержку, прежде всего, законодательную и финансовую, облегчающую конструктив-

тов прошедшего в 2010 году IV конкурса президентских грантов (<http://beketov-p.livejournal.com/>).

На проведение конкурса в этом году был выделен 1 миллиард рублей. По его итогам лучшие социальные проекты отмечались грантами президента страны. Таким образом, государственную поддержку получают институты гражданского общества. Статистический анализ проводился по целому ряду показателей, в том числе и по уровню поддержки государством организаций гражданского общества в различных регионах страны.

В контексте контрастных сценариев он может быть высоким, низким, а также высоким для близких государству организаций, и низким для остальных (Табл. 1). Из одного миллиарда, выделенного по распоряжению президента, на поддержку столичных ННО пришлось 612 470 887 рублей. Анализ распределения оставшейся суммы позволил нам построить диаграмму плотности распределения этих средств по федеральным округам России (Рис.1).

Таблица 1.

Статистический анализ контрастных сценариев

Характеристики контрастных сценариев	Контрастные сценарии			
	Партнерский	Государственный	Конфронтационный	Гражданский
Уровень гражданской активности в обществе	Высокий	Низкий	Высокий для активистов, низкий для остальных	Высокий
Уровень воздействия государства на гражданское общество	Сильный	Сильный	Сильный	Слабый
Уровень поддержки государством организаций гражданского общества	Высокий	Высокий для близких, низкий для остальных	Высокий для близких, низкий для остальных	Низкий
Уровень финансирования зарубежными организациями гражданского общества	Любой от низкого до высокого	Низкий	Низкий	Высокий

ные проявления гражданской активности.

Для удобства сопоставления контрастных сценариев ниже приводится сравнительная таблица значений их основных характеристик.

Намерения государства в отношении развития того или иного сценария можно оценить по итогам открытого конкурса проектов некоммерческих неправительственных организаций (ННО), проводящегося ежегодно по распоряжению Президента РФ. С этой целью АНО «Челябинская академия дополнительного образования» провела статистический анализ результа-

Поддавляющее преимущество столичных ННО не оставляет сомнений в том, что они являются наиболее близкими для федеральной власти, а также в том, что государство остановило свой выбор на одном из двух возможных в этом случае сценариев – государственническом или конфронтационном. Можно сказать и более определенно, выбирая государственный сценарий, власть готова и ко вполне вероятному конфронтационному сценарию.

Предельно ясно выразила свою точку зрения депутат ГД, заместитель председа-

теля Комитета по делам молодежи, член Конкурсной Комиссии фонда «Государственный клуб» Алина Кабаева: «Мы привыкли жаловаться на то, что государство не дает свободу гражданскому обществу. Но на сегодняшний момент, прочитав эти заявки, я поняла, что такому гражданскому обществу я бы вообще не дала никакой свободы» (<http://www.izvestia.ru/media-center/conference1303/index.html>).

Следует заметить, что именно в этом году наблюдается заметный рост (более 10% по сравнению с прошлым годом) доли столичных ННО в распределении выделенного фонда (Рис.2). И что, в отличие от прошлых лет, в распоряжении Президента о выделении субсидий некоммерческим неправительственным организациям отсутствует положение о возложении обязанностей контроля над целевым использованием средств на полномочных представителей в федеральных округах.

В заключение приведем из отчета Института экономических стратегий характеристики партнерского и конфронтационного сценариев.

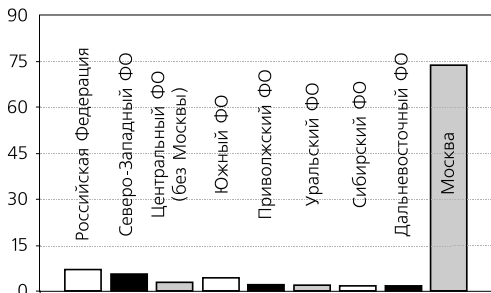

Рисунок 1. Плотность распределения средств президентского гранта (руб./чел.)

Партнерский сценарий

Развитие гражданского общества существенно определяется как деятельностью государства, так и деятельностью граждан. И государство, и граждане заинтересованы в развитии организаций гражданского общества, осуществляют для этой цели соответствующие их ресурсам и другим возможностям социально-политические действия.

Органы власти способствуют развитию организаций гражданского общества, осуществляют финансирование их деятельности. Организации гражданского общества в большинстве случаев осуществляют свою деятельность в партнерстве с органами власти, в конфронтации с органами государственной власти находится очень небольшое число общественных организаций.

И государством, и организациями гражданского общества поддерживается и развивается межсекторное партнерство между гражданским обществом и государством с возможностью подключения бизнеса. Такое партнерство оказывается выгодным его участникам для решений как собственных, так и общественных проблем.

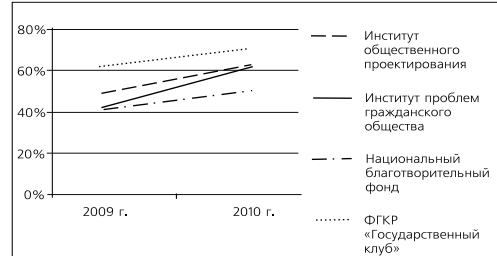

Рисунок 2. Рост составляющей столичных ННО в распределении фонда президентских грантов за последний год

Конфронтационный сценарий

Уровень гражданской и социальной активности в обществе является высоким для сравнительно небольшой доли гражданских активистов и политизированных граждан, но низким для большинства других граждан. Активность заметного числа независимых от государства организаций гражданского общества приводит их к конфронтации с органами государственной власти.

В ответ органы государственной власти стремятся не допустить развития таких организаций гражданского общества и практически прекращают финансово и материально поддерживать любые независимые от государства организации гражданского общества. Одновременно государство не запрещает полностью финансирование организаций гражданского общества из-за рубежа, но допускает его только от очень ограниченного списка зарубежных организаций. Поэтому финансирование организаций гражданского общества зарубежными фондами находится на низком уровне.

Органы власти организуют свое взаимодействие с политическими партиями, поддерживающими политику государства, и организациями граждан, созданными этими партиями или органами власти для целей поддержки своих инициатив. Практически только такие близкие к органам власти общественные организации получают государственное финансирование, которое обеспечивает активность его членов.

За прошедший год вероятность второго сценария стала заметно выше, чем вероятность первого.

П. Бекетов

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК «МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ: МЕХАНИЗМЫ ВЛАСТИ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ. СВОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЗАОЧНОЙ ДИСКУССИИ»

Под общей редакцией д-ра ист. наук А.Е. Загребина и д-ра ист. наук С.В. Любичанковского. Екатеринбург-Ижевск. Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 2010. 496 с.

Динамичная модернизация государственной сферы начала XXI в. обуславливает высокую актуальность осмысления и усвоения исторического опыта государственного управления в России. В стране и за ее пределами сложился устойчивый интерес к истории регионального управления Российской империи, вниманием ученых охвачены трансформации структур и практик местных государственных учреждений в периоды XVIII – начала XX вв., в научный оборот систематически вовлекаются массивы оригинальных источников, продолжается процесс накопления разнообразного фактического материала. Высокопрофессиональный уровень и достигнутые результаты конкретных исследований объективно свидетельствует о необходимости конституирования изучения вопросов истории местного управления в качестве самостоятельного научного направления.

В сентябре 2008 г. Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (Ижевск) и Поволжский филиал Института Российской истории РАН (Самара) инициировали проведение заочной дискуссии по теме «Местное управление Российской империи и ее Урало-Поволжского региона в пореформенный период: механизмы власти и их эффективность». Целью проекта, продлившегося до сентября 2009 г., являлось объединение специалистов в области истории регионального управления пореформенной России и ориентирование группы тематически, хронологически и методологически разобщенных исследований на интегральную картину развития местного управления

Российской империи в Урало-Поволжском регионе. Модератор дискуссии (С.В. Любичанковский) определил центральный объект коллективного исследования (эффективность функционирования системы), выделил «равновесную» парадигму (структурно-функциональный подход) как обладающую наибольшим эвристическим потенциалом при разработке заявленной научной проблемы и составил актуальный вопросник, предложенный вниманию коллег в России и СНГ, а также размещенный на ряде научно-информационных сайтов в Интернете.

Дискуссия закономерно переросла запланированные региональные рамки, затронув комплекс общероссийски значимых проблем, и побудила оргкомитет проекта скорректировать изначально заданную тему. Наряду с российскими учеными из Белгорода, Ижевска, Казани, Калуги, Кирова, Кургана, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Оренбурга, Орла, Перми, Самары, Саратова, Стерлитамака, Сургута, Ульяновска, Челябинска и Ярославля, активное участие в дискуссии приняли представители научных центров зарубежных стран – Берлина, Вены, Киева, Нью-Джерси, Оттавы, Саппоро, Филадельфии и Хельсинки.

В обсуждении каждого из 15 вопросов, предложенных модератором, приняло участие от 5 до 19 специалистов. Наибольший интерес участников дискуссии вызвали теоретико-методологические аспекты темы, вопросы о взаимосвязи эффективности функционирования системы управления с социокультурным обликом местных служащих и личными характерис-

тиками региональных руководителей (4 и 5), реальных лидерах правительственной администрации и устоявшихся механизмов осуществления власти и управления в губернии (6 и 10), эффективности взаимодействия коронной администрации и органов самоуправления (9), наконец, управленческой специфики отдельных областей империи в пореформенный период (14).

Таким образом, авторы, прежде всего, сформулировали подходы к проблеме соотношения базовых понятий – «местное управление» и «местное самоуправление». Одна группа исследователей рассматривает местное управление как наиболее широкое понятие, обозначающее систему всех органов управления территорией, другая группа предлагает считать названные понятия институционально разделенными. Особое мнение (Н.Л. Семенова) касалось различного употребления данных понятий в организационном и функциональном контекстах. Участники предложили альтернативные иерархии понятий, связывающих воедино отдельные уровни вертикали власти в губерниях. К использованию рекомендованы два новых понятия, позволяющие существенно уточнить принципы организации местной власти в пореформенный период: «выборная служба» (В.А. Воропанов) и «система губернской власти» (С.В. Любичанковский).

При анализе эффективности местного управления было обращено внимание на важность учета приоритетности интересов верховной или региональной власти или населения территории (О.В. Ищенко), уровня политико-правового развития региона (В.А. Воропанов). На основе конкретно-исторических материалов авторы указали среди критериев эффективности умение разрешать социальные конфликты и содействие прогрессу территорий (В.М. Марасанова, И.Т. Шатохин), степень решенности хозяйственных проблем (Е.П. Барина), своевременное рассмотрение дел (Н.Л. Семенова, Р.И. Кантимирова), соотношение результата и затрат, результата и целей, результата и ценностей (Д.А. Старков), уровень развития внутреннего кризиса власти (С.В. Любичанковский), достоверность полученной в центре с мест информации (Е.А. Съемщиков), взыскания и поощрения в послужных

списках чиновников как косвенный критерий (В.А. Воропанов), для земских и городских органов – финансовый критерий формирования бюджета (С.А. Андреев, Г.Э. Емалетдинова). С.В. Любичанковский определил мерилom ослабления эффективности аппарата управления развитие в нем внутреннего кризиса и обосновал дробную критериальную систему, предполагающую оценки функционирования системы управления как «высокоэффективное», «эффективное», «малоэффективное» и «неэффективное».

Большинство дискуссионтов признали и аргументировано показали рост общей образованности и квалифицированности как позитивные тенденции в среде губернских чиновников, однако в вопросе о зависимости эффективности местного управления от профессионализации служащих позиции исследователей разделились на противоположные. В то же время авторы единодушно признали отсутствие в пореформенный период снижения уровня коррупции и волокиты в системе местного управления. Прозвучали мнения как о том, что гипертрофированный бюрократизм и формализм касался только коронной администрации (М.Ю. Мартынов), так и об усложнении форм и методов злоупотреблений в связи с введением органов самоуправления (Н.Г. Поврозник, А.Б. Гуларян). Дискуссия выявила формирование и активное развитие нетрадиционного для историографии подхода к оценке статуса и власти пореформенного губернатора, лишённого абсолютного влияния на систему. Ученые сошлись на идее неоптимальности пореформенной структуры вертикали власти в губернии, влекущей закономерное продуцирование конфликтов в среде местного руководства. Оценивая взаимодействие органов губернской администрации и земско-городского самоуправления, исследователи высказались как о системной предопределенности конфликтов, так и, напротив, об их стремлении к сосуществованию.

Среди популярных механизмов власти дискуссионты отметили «письменные технологии» (А.В. Ремнев), совокупность принципов единоначалия и коллегиальности в решении дел и развитости неформальных средств воздействия (Д.А. Старков), микрополити-

ку в земствах как социальный феномен реализации с помощью организационной власти личных интересов в соперничестве с конкурирующими интересами (А.Б. Гуларян). Авторы признали роль канцелярских чиновников в реализации механизмов местного управления самостоятельным и значимым фактором пореформенной действительности. Качество «обратной связи» местной администрации с населением оценивается критически, отмечается росшее неуважение населения к местным чиновникам и, как следствие, антибюрократическая направленность российских революций начала XX в.

Обсуждение проблемы эффективности в контексте региональной управленческой специфики было связано с определением структуры империи в региональном плане и динамики ее развития (С. Беккер, А. Каппелер, А.В. Ремнев, Л.Е. Горизонтов, Д.В. Васильев), базовых механизмов имперского управления периферией (А. Каппелер, И. Баберовски, Л.Е. Горизонтов, Д.В. Васильев, С.В. Любичанковский), а также с обращением к опыту управления Урало-Каспийским и Урало-Поволжским макрорегионами и рядом составляющих их субрегионов (К. Мацузато, Л.Е. Горизонтов, И.К. Загидуллин, Д.А. Старков, Н.Л. Семенова). С. Беккер и А. Каппелер констатировали неосуществимость в конкретно-исторических условиях пореформенной России планов полной интеграции имперских периферий с центром. А.В. Ремнев и Д.В. Васильев настаивают на использовании в науке понятия «внутренней периферии» как промежуточной формы между «ядром» и «окраинами», свидетельствующей о более сложной и гибкой структуре Российской империи. Ученые

уделили особое внимание взаимодействию центра и местных элит как ключевому элементу механизма имперского управления периферией (А. Каппелер, Л.Е. Горизонтов, И. Баберовски, С.В. Любичанковский, Д.В. Васильев). Дискутанты раскрыли объективные причины уклонений от имперских стандартов и спецификации региональных систем управления, непосредственно влиявшие на эффективность реализации властных полномочий.

Таким образом, рецензируемый сборник материалов стал знаменательным событием в научной жизни. Заочный диалог ученых продемонстрировал пути достижения консенсусной позиции, выявил сущность методологических разногласий и способствовал выстраиванию основных подходов к решению ключевых задач проблематики. Как справедливо отметил проф. С.В. Любичанковский, дискуссия не только позволила зафиксировать наличный уровень представлений о местном управлении пореформенной России, но и представила продуктивный опыт организационного объединения усилий ученых, ориентировала исследователей на теоретическое осмысление и системное освоение предметной области научного направления. Опубликованные материалы свидетельствуют об успешном становлении изучения эффективности местного управления имперской России в качестве самостоятельной и перспективной отрасли научных знаний, развитие которой приближает общество к пониманию особенностей, закономерностей и характера эволюции российской государственности.

В. Воропанов

СОЦИУМ

Сагатовский В.Н. Новый взгляд на историю. В статье рассматриваются фундаментальные проблемы философии истории. Осуществляется сравнение и обоснованное противопоставление монокаузалистского понимания общества и подхода с позиций целостного взаимодействия. Последний подход раскрывается как системная онтолого-методологическая схема жизнедеятельности общества, в которой показывается взаимная дополнительность его базовых категориальных характеристик.

Ключевые слова: социально-антропологическая целостность, целостное взаимодействие, взаимодополнительность атрибутов человеческой жизнедеятельности.

Зборовский Г.Е. Региональное социальное пространство как социологический феномен. Рассматривается соотношение понятий «регион» и «региональное социальное пространство». Показывается изменение содержания понятия «регион» под влиянием определенных политических решений. Обращается внимание на необходимость изучения региона как пространства взаимодействия социальных общностей, дается их трактовка. Ставится вопрос о разработке специальной социологической теории региона.

Ключевые слова: регион, региональное социальное пространство, региональное сообщество, социальные общности.

Зерчанинова Т.Е. Процедура социального аудита деятельности органов местного самоуправления. Статья посвящена методологии социального аудита, который включает социальную диагностику, оценку и проектирование. В работе приводятся результаты социологических опросов населения городов, посвященных оценке социальной эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Ключевые слова: социальная эффективность, социальный аудит, диагностика, оценка, проектирование.

Зерчанинова Т.Е. Процедура социального аудита деятельности органов местного самоуправления. Статья посвящена методологии социального аудита, который включает социальную диагностику, оценку и проектирование. В работе приводятся результаты социологических опросов населения городов, посвященных оценке социальной эффективности деятельности органов местного самоуправления.

Ключевые слова: социальная эффективность, социальный аудит, диагностика, оценка, проектирование.

ВЛАСТЬ

Жуковский Д.А. Эволюция политологической концепции А.А. Зиновьева. Статья посвящена анализу политических взглядов и учения А.А. Зиновьева, актуальность которых возросла в условиях смены политического курса России после распада СССР и попытки построения демократического общества. Рассматривается становление концепции А.А. Зиновьева и исследуются вопросы ее влияния на развитие политической партии.

Ключевые слова: революция, коммунистическое общество, сталинизм, политическая партия, политический процесс.

Черных О.П. Онтология политики в контексте информационной парадигмы М. Мак-Люэна. В статье представлен опыт анализа онтологических оснований политики на материале книги М.Мак-Люэна «Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры» (1962). Анализируя информационную концепцию развития общества, автор выделяет основные черты политического сознания и политической власти на каждом этапе информационной культуры.

Ключевые слова: философия политики, онтология политической власти, информационные технологии, Маршалл Мак-Люэн.

Далаева Ю.Д. Феномен «гибкой» информационной власти: потенциал и проблема развития. Статья посвящена исследованию информационной власти в России. В данной работе описывается коммуникативная природа данного вида власти, дается попытка доказать ее нарастающую значимость в системе массмедиа, в развитии «гибкой» власти в политике государства.

Ключевые слова: информация, информационная власть, гибкая власть, информационное общество, коммуникативная природа.

SOCIUM

Sagatovskiy V.N. A new view to the history. The fundamental problems of philosophy of history, a comparison and grounded opposition monocausal and whole-interaction approaches to a society are examined here. The author considers whole-interaction approach as the ontological systematic scheme of social life in which its principal characters mutually add to each other.

Key words: social anthropological whole, whole interaction, complementarity of attributes of human life activity.

Zborovsky G.E. The regional social space as a sociological phenomenon. The correlation between the notions «region» and «regional social space» is examined. The change in the notion meaning under the influence of certain political decisions is shown. The attention is paid to the necessity of examining the region as the area for the interaction of social communities, their interpretation is given. The question of the special sociological region theory is raised.

Key words: region, regional social space, regional community, social communities.

Zertchaninova T.E. The procedure of the social audit of the local government activity. This article discusses the social audit methodology, which include social diagnostics, evaluation and projection. This paper uses a survey of citizens to analyze social efficiency of local government activities.

Key words: social efficiency, social audit, diagnostics, evaluation, projection.

POWER

Zhukovsky D.A. Evolution of the conception of A.A. Zinoviev of political science. The article is devoted to the analysis of political beliefs and the teachings of A.A. Zinoviev, whose relevance has increased in the change of political course of Russia after the collapse of the Soviet Union and attempts to build a democratic society. We consider the concepts of A.A. Zinoviev and investigate questions of its effect on the development of a political party.

Key words: Revolution, communist society, Stalinism, political party, political process.

Chernykh O.P. Ontology of a policy in a context of McLuhan's informational paradigm. This article presents an experience of analysis of the ontological bases of policy on the material of the M. McLuhan's book (1962) «The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man». Analyzing the informational conception of development of society, the author marks out the basic lines of political consciousness and the political power at each stage of informational culture.

Key words: philosophy of policy, ontology of political power, informational technology, Marshall McLuhan.

Dalaeva Yu.D. Phenomenon of the "soft" information power: potential and a development problem. The article is dedicated to research of the information power in Russia. In this research the communicative nature of the power is described, attempt to prove more and more growing importance and a role of the "soft" information power in the information policy of the state is given.

Key words: information, information power, soft power, information society, communicative nature.

Коган Е.В. Коммуникативные и социальные аспекты возрастания роли репутации в современном российском политическом процессе. Статья посвящена анализу актуальности понятий «репутация» и «репутационный менеджмент» в условиях современной российской политической реальности. Автор пытается определить позиции репутационных коммуникаций в политическом пространстве России, целью которых является формирование социального доверия, лежащего в основе сильного гражданского общества. Ключевые слова: репутация, репутационный менеджмент, социальное доверие, гражданское общество.

Денисова И.В. Участие в выборах как фактор политической социализации в современном российском обществе. Политическое участие (political participation) рассматривается в качестве одного из факторов процесса политической социализации в современном российском обществе. Показателем, определяющим тенденции процесса политической социализации, по мнению автора, выступают выборы. Победа на выборах определенной политической силы и ее устойчивое закрепление на политической арене способно создать прецедент формирования доминирующих моделей политической социализации. Ключевые слова: политическое участие, социализация, политический процесс в России.

Горчакова О.Г. Анализ трендов избирательной явки за период с 1979 по 2009 годы на примере выборов в Европейский Парламент. В данной статье анализируются тренды в избирательной явке в Европейский Парламент за период с 1979 по 2009 год. За 30 лет средняя явка упала на 20%, что ставит под сомнение легитимность Европейских выборов. Однако сравнительный анализ национальных и Европейских выборов показывает, что средние значения избирательной явки в ЕП скрывают более разнонаправленные тренды внутри самих стран ЕС. Ключевые слова: выборы, избирательная явка, Европейский Парламент, тренды.

Нежданов Д.В. «Политический рынок» современной России: модель «В.О.П.А.Д.» как инструмент ретроспективного анализа особенностей становления политических партий в 1993–2003 гг. На основании применения предлагаемой автором исследовательской модели делаются выводы о результативности партий, слабых местах структурно-функционального развития партий и приводится рейтинг наиболее развитых политических структур по результатам первой декады партийного строительства в демократической России в условиях избирательной системы «смешанного» типа. Ключевые слова: политический рынок, партийный дизайн, политические партии, политический анализ.

Павленко Э.В. Базовые проблемы повышения эффективности осуществления в регионах России политического руководства социально-экономическим развитием. В статье проводится идея преимущества принципа субсидиарности в федеральной и региональной социально-экономической политике над принципом дополнительности. В этих рамках сформулированы принципы региональной социально-экономической политики, обозначены этапы формирования этой политики в постсоветский период. Ключевые слова: эффективность управления, модернизация; управленческие дисфункции; принципы региональной социально-экономической политики.

Яровая С.В. Трансформация политического дискурса в ювенальной сфере в контексте современных тенденций развития семьи. Статья посвящена проблемам политического управления ювенальными процессами. Демографический кризис в Российской Федерации детерминировал необходимость трансформации демографической политики направленной не только на увеличение рождаемости, но и защиты прав и свобод граждан. Ключевые слова: политический процесс, демографическая политика, политический дискурс, ювенальная юстиция, правовое государство.

Kogan E.V. Communicative and social aspects of the increasing role of the reputation in modern Russian political process. The article is devoted to analysis of concepts "reputation" and "reputation management" in conditions of modern Russian political reality. The author tries to determine positions of reputation communications in political sphere of Russia, which have a goal of social trust (base of strong civil society) development.

Key words: reputation, reputation management, social trust, civil society.

Denisova I.V. Participation in elections as a factor of political socialization in modern Russian society. The political participation has been considering as a factor of the social activity and socialization in modern Russian society. According to the point of view of the author, just election process tendencies are the main index of population social activity. The electoral victory of the determined political force and its further securing at the political arena could be able to create a precedent to form the predominant patterns of forming the future procedures of social activity and socialization in the country.

Key words: political participation, socialization, political process in Russia.

Gorchakova O.G. The turnout trends analysis from 1979 to 2009 on the example of the elections to the European Parliament. This article analyses trends in turnout in European Parliament elections from 1979 till 2009 years. The average turnout has decreased by 20 percents in 30 years, which undermines a legitimacy of the European elections. However, the comparative analyses of the national and the European elections shows that the average European turnout figures in fact camouflage different trends within each member-state.

Key words: elections, turnout, European Parliament, trends.

Nezhdanov D.V. The political market of modern Russia: V.O.P.A.D. model as the retrospective analysis instrument of political parties development peculiarities in 1993–2003 period. On the base of the researching model described by the author there are some conclusions made about political parties results, weak points of their structures. In the article you may find the comparative analysis of the Russian parties characteristics based on the results of political parties development in conditions of «mixed» electoral system in democratic Russia.

Key words: political market, political design, political parties, political analysis.

Pavlenko E.V. Basic problems of increasing the political administration effectiveness of the socio-economic development in the regions of Russia. In the article the idea of subsidiarity principle advantage in federal and regional socio-economic policy over complementarity principle is illustrated. Within these scopes the principles of regional socio-economic policy are stated, the stages of policy formulation in post-Soviet period are emphasized.

Key words: management efficiency, modernization, managerial dysfunction, principles of regional socio-economic policy.

Yarovaya S.V. Transformation of political discourse in the juvenile field in the context of modern tendency of the development of family. The article is devoted to the problems of political governance of juvenile processes. In the Russian Federation the demographic crisis determined the need to transform the population policy aimed not only at increasing the birth rate, but also at protecting the rights and freedoms of citizens. Key words: political process, population policy, political discourse, juvenile justice, jural state.

Пиптыук А.Н. Передача органами местного самоуправления осуществления части своих полномочий в сфере земельных отношений. Статья посвящена вопросам правового регулирования передачи органами местного самоуправления осуществления части своих полномочий в сфере земельных отношений. Раскрывается порядок передачи данных полномочий, основные требования к содержанию соглашений о передаче полномочий, заключаемых органами местного самоуправления, а также на основе анализа действующего законодательства формулируются рекомендации по совершенствованию их правового регулирования. Ключевые слова: органы местного самоуправления, передача полномочий, земельных отношений.

Воропанов В.А. Изменения в организации и юрисдикции местной имперской администрации в Восточном Казахстане в 1840-х – первой половине 1860-х гг. Статья посвящена вопросам судебно-правовой политики Российской империи в Казахстане в 1840-х–1860-х гг. Ключевые слова: империя, национальные регионы, организация суда.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Лавров И.В. Перспектива как модель будущего в экономике счастья – новой нормативной теории благосостояния. В статье предлагается новое видение проблемы разработки институтов, определяющих формирование гражданского общества, дается типология благосостояния и возможная формализация критерия его роста. Особое место в исследовании социальной эволюции человека и общества занимает институт перспективы, теория справедливости Дж. Ролза и эволюционная этика Ф. Хайека. Ключевые слова: теория благосостояния, институт перспективы, экономика счастья.

Норекян М.С. Возможности сотрудничества государства и рынка на основе государственно-частного партнерства. Государственно-частное партнерство приобретает все большее значение и, вместе с тем, растет и количество голосов, высказывающихся как против подобного партнерства, так и за его углубление. ГЧП уже настолько однозначно заняло свое место в экономической жизни общества, что необходимо переосмысление государственного подхода в решении этой проблемы. Ключевые слова: государственно-частное партнерство, неолиберализм, неосоциализм, эффективность, критика.

Черкасова Т.П. Денежно-кредитный инструментарий государственной политики инициализации посткризисного роста. Обосновано, что усиление кризисных явлений конца 2008 г. в России было обусловлено накопленными в период форсированного количественного экономического роста 2000-2008 гг. системными и структурными проблемами. Автором предложена система инструментов денежно-кредитной политики, способная обеспечить инициализацию устойчивого посткризисного роста. Ключевые слова: государственная политика, денежно-кредитные инструменты, кризис, экономический рост.

Шарков Д.В. Диалектические противоречия в развитии малого и среднего бизнеса в современной России. Анализируется ряд диалектических противоречий в условиях становления и развития малого предпринимательства как сложной и многофункциональной экономической системы. Рассматриваются проблемы обеспечения эффективной деятельности малого бизнеса. Отмечено, что объем государственной поддержки отстает от запросов малого предпринимательства. Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство; противоречия в развитии; эволюция малого бизнеса; эффективная деятельность; государственная поддержка.

Piptyuk A.N. Transmission by the local government of the realization of a part of their power in the sphere of the ground relations. The article is devoted to the questions of the legal regulation of the transmission by the local government of the realization of a part of their power in the sphere of the ground relations. The order of the transmission of the given powers and the main demands to maintenance of the agreements about the transmission of powers which are made between the institutions of the local government, and also on the basis of the analysis of the current legislation recommendations on the perfection of their legal regulation are formulated. Key words: institutions of local government, transmission of powers, ground relations.

Voropanov V.A. Changes in the organization and jurisdiction of the local imperial administration in the East Kazakhstan in 1840 – first half 1860th. The article is devoted to the questions of the judicial-legal policy of the Russian empire in Kazakhstan in 1840 – first half 1860th years. Key words: empire, national regions, the court organization.

ECONOMIC POLICY AND MANAGEMENT

Lavrov I.V. Prospect as a model of the future in the happiness economy – new normative theory of well-being. In the article the new vision of the problem of working out the institutes defining the civil society formation is offered, the typology of well-being and possible formalisation of criterion of its growth is given. The special place in research of the social evolution of the person and the society is occupied with the prospect institute, the theory of justice of J.B. Rawls and F.Hayek's evolutionary ethics. Key words: the well-being theory, prospect institute, happiness economy.

Norekian M.S. The possibility of the state and market cooperation on the basis of the state-private partnership. The state-private partnership acquires bigger significance, and at the same time the number of the voices both for and against such partnership is increasing. SPP has profoundly taken its place in the economical life of the society, so it is necessary to make the reconsideration of the state approach to this problem.

Key words: state-privat partnership, neoliberalism, neosocialism, effectiveness, critics.

Cherkasova T.P. Monetary-credit instruments of the state policy of the postcrisis growth initialization. The article concerns the fact that the intensification of the 2008 Russian crisis situation was the result of the accelerated quantitative economic growth of 2000-2008 systematic and structural problems. The author suggests the system of monetary policy instruments that can provide postcrisis growth initialization.

Key words: public policy, monetary instruments, crisis, economic growth.

Sharkov D.V. Dialectical contradictions in the development of small and medium businesses in modern Russia. The series of the dialectical contradictions in the conditions of formation and development of small business as a complex and multi-functional economic system is analyzed. The problems of the efficient operation of small businesses are considered in the article. The fact that the level of state support lags behind the requests of small business is noted. Key words: small and medium enterprise; contradictions in the development; evolution of small business; effective action; government support.

Моточенкова Я.Ю. Объективность и субъективность как необходимые условия оценки продукции. Статья посвящена проблемам применения тех или иных способов оценки незавершенной и готовой продукции. При формировании стоимости рассматриваемых активов необходимо разработать классификацию производственных затрат, обосновать экономически целесообразную базу распределения и перераспределения косвенных затрат, выбрать способ оценки. Автором предложен инновационный вариант оценки, приемлемый для машиностроения.
Ключевые слова: способы оценки, калькулирование себестоимости, финансовый результат, полуфабрикаты.

КУЛЬТУРА

Саенкова Л.П. Особенности современной медиакультуры в условиях глобализации. В статье анализируется важная часть информационного общества периода глобализации – медиакультура. Исследуются особенности влияния на медиасферу такой неотъемлемой составляющей глобализационных процессов, как массовая культура. Рассматриваются изменения типологических характеристик медиаландшафта: взаимодействие и взаимовлияние разных типов печатных средств массовой информации, приоритет развлекательных форм в журналистике, процессы кастомизации и ориентация на аудиторию субкультур.

Ключевые слова: медиакультура, массовая культура, инфотейнмент, мифоснова, субкультура.

Трушина И.А. Концепты Средневековья в культуре Серебряного века. В статье исследуются социокультурные и философские основания культуры Серебряного века, феномен которого связан с возрождением в ней русской средневековой традиции. Автор прослеживает взаимосвязь концептов Средневековья и русского возрождения начала конца XIX – начала XX веков.

Ключевые слова: аллегореза, теургия, символизация, софиология.

ИСТОРИЯ

Кубицкий С.И., Власова А.В. К вопросу о реагировании Русской Православной Церкви на проблемы социальных патологий в начале XX века. В представленной статье авторы рассматривают особенности деятельности и участия Русской Православной Церкви на Урале в решении проблем, вызванных ростом социальных патологий в первое десятилетие XX века: пьянства, преступности, в т.ч. детской, проституции, суицидов. Основное внимание в статье уделено одному из основных явлений социальной патологии – алкогольной девиации.

Ключевые слова: социальная деятельность, Русская Православная Церковь, начало XX века, социальные патологии, Урал.

Новоселов В.Н. Строительство первого промышленного ядерного реактора для производства плутония на Южном Урале. В статье рассказывается об этапах сооружения в 1945-1948 годах первого предприятия атомной промышленности СССР – ядерного реактора комбината № 817. Рассмотрены вопросы организации строительства уникального промышленного объекта, показаны методы стимулирования труда заключенных ГУЛАГа, военных строителей и спецпереселенцев в экстремальных условиях.

Ключевые слова: Атомный проект, Спецкомитет, генеральный план, организация строительства плутониевого завода, промышленный ядерный реактор, строительный район, спецпереселенцы.

Motochenkova Ya.Yu. Objectivity and subjectivity as necessary conditions of the product valuation.

The article is dedicated to the problems of the application of various kinds of the evaluation of unfinished and final goods. While forming the costs of the assets under consideration, it is necessary to build up the classification of manufacturing expenses, to prove the economically justifiable base of the indirect expenses allocation and reallocation, to choose the method of valuation. The author has suggested the innovative method of the valuation, applicable to machinery manufacturing.

Key words: methods of valuation, calculation of self-cost, financial result, semi-finished product.

CULTURE

Sayenkova L.P. The peculiarities of the modern media culture in the globalization society. This article analyzes a very important part of the information society during the globalization – the media culture. The peculiarities of the mass culture influence on the media sphere are investigated in the article. The modifications of the typological features of the media landscape are given: the interactions of different types of the print mass media, journalistic entertainment forms, processes of customizations and orientation on the subculture audience.

Key words: media culture, mass culture, infotainment, mythology principle, subculture.

Trushina I.A. The Medieval concepts of the Silver Age culture. The article is dedicated to the philosophical and culturological problems of the Silver age and Russian Medieval tradition reincarnated in it. The major concepts of these cultures are the subject of the author's investigations.

Key words: allegory, symbolism, teurgy, sophiology.

HISTORY

Kubitski S.I., Vlasova A.V. To the problem of the Russian Orthodox Church reaction to the social pathologies in the beginning of the XX century. The authors examine the peculiarities of the Russian Orthodox Church activity in the Ural region and its participation in solving problems caused by the growth of social pathologies in the first decade of the XX century: drinking, criminality, juvenile delinquency, prostitution, suicides. The primary attention is paid to the basic social phenomenon – alcoholic deviation.

Key words: social activity, Russian Orthodox Church, beginning of the XX century, social pathologies, the Ural region.

Novoselov V.N. The construction of the first industrial nuclear reactor for the plutonium production in the South Urals. The article discloses the stages of the construction of the first enterprise of the atomic industry in the USSR in 1945-1948 – the nuclear reactor of the enterprise № 817. The issues of the construction organization of the unique industrial object are examined, the methods used to stimulate the work of the Gulag prisoners, military builders and the settlers in the extreme conditions are shown.

Key words: atomic project, special committee, general plan, organization of the construction of the plutonium plant, the industrial nuclear reactor, building area, settlers.

Шубарина Л.В. Отражение генезиса Оборонно-промышленного комплекса СССР в документах Объединенного государственного архива Челябинской области. В статье рассмотрена проблема зарождения оборонно-промышленного комплекса СССР на базе строительства промышленных предприятий в городах Урала, показана роль документов регионального архива в уточнении фактов данного процесса.

Ключевые слова: региональный архив, вневедомственные комиссии при губернаторах, региональная историко-научная база исследований, генезис ОПК СССР, предприятия ОПК Урала.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XVIII Уральские социологические чтения. В статье представлен отчет о проведении Всероссийской научно-практической конференции «Управление социальным развитием регионов в условиях выхода из кризиса в современной России и странах СНГ», которая состоялась 28-29 октября 2010 года в Челябинском институте (филиале) Уральского академии государственной службы. Ключевые слова: конференция, управление социальным развитием регионов.

Куда пойдет гражданское общество? Для определения наиболее вероятного сценария развития гражданского общества рассматривается статистика итогов IV президентского конкурса для ННО в контексте исследования «Краткосрочное сценарное прогнозирование развития гражданского общества в России», проведенного Институтом экономических стратегий в 2009 году.

Ключевые слова: контрастные сценарии, конфронтационный сценарий, конкурс ННО, уровень государственной поддержки, плотность распределения.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на сборник «Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность». Сводные материалы заочной дискуссии. Сборник содержит материалы заочной дискуссии по истории местного управления в пореформенной России. Дискуссия состоялась в 2008–2009 гг. под эгидой РАН. Дискуссия стала международной площадкой для обсуждения вопросов модернизации и динамики эффективности пореформенной российской государственности, специфики управления различными регионами Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, местное управление, эффективность.

Shubarina L.V. The reflection of the genesis of the USSR defense-industrial complex in the documents of the United State Archives in the Chelyabinsk region.

The article analyzes the problem of the origin of the USSR defense-industrial complex on the basis of the industrial enterprises construction in the Ural region cities. The function of the documents in the regional archives in precisising the fact og this process is shown.

Key words: reginal archives, non-departmental governor commitees, regional source research base, the USSR DIC origin, Ural DIC enterprises.

SCIENTIFIC LIFE

XVIII Ural sociological reading. In the article the report on the All-Russian theoretical and practical conference «Managing the social development of the regions during the withdrawal from the crisis in modern Russia and CIS countries» held on 28-29th of October 2010 in the Chelyabinsk institue (branch) of the Ural Academy of Public Administration is presented.

Key words: coference, managing the social development of the regions.

What is the civil society heading for? The total sum statistics of the IV Presidential SSC contest in «The short-term scenario prognostication of the civil society development in Russia» reserch held by the Institute for Economic Strategies in 2009 is exmined for pointing out the most probable scenario of the civil society development.

Key words: contrasting scenarios, confrontation scenario, state support level, distribution density.

CRITICS AND REVIEWS SCIENTIFIC LIFE

The review of the article collection «Local mangement in the post-reform Russia: the power mechanisms and their effectiveness». The summary of the correspondence discussion». The collection contains the materials of the correspondence discussion devoted to the history of the local management in Russia after the reforms. The discussion took place in 2008-2009 under the aegis of the Russian Academy of Sciences. The discussion became the international platform for discussing the questions of modernization and dynamics of efficiency of the Russian statehood, specificity of management of various regions of the Russian empire.

Key words: the Russian empire, local management, efficiency.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ» В 2010 ГОДУ

СОЦИУМ

Белых Т.В. Особенности восприятия образа власти гражданами в зрелом возрасте. **№ 2.**
Васильева Е.И. Актуальная структура мотивации государственных гражданских служащих Свердловской области. **№ 2.**

Воронина М.С. Социальные условия формирования и развития связей с общественностью в системе органов внутренних дел. **№ 2.**

Евстифеев Р.В. Государство и общество в XXI веке: метафоры глобализации и глобализация метафор. **№ 1.**

Зборовский Г.Е. Региональное социальное пространство как социологический феномен. **№ 4.**

Зерчанинова Т.Е. Процедура социального аудита деятельности органов местного самоуправления. **№ 4.**

Игнатов В.Г. Факторы и приоритеты государственного воздействия на уровень жизни населения Российской Федерации. **№ 3.**

Козловская Н.В. Изучение влияния профессиональной направленности электората на восприятие избирательной кампании. **№ 2.**

Куштым Е.А. «Гуманистический радикализм» Эриха Фромма – фундаментальный подход к созиданию социума. **№ 1.**

Попов В.Д. Духовно-информационная природа и сила эгрегора. **№ 2, 3.**

Рябова Е.Л. Исследование основных аспектов культуры конфликтного взаимодействия в современном российском социуме. **№ 2.**

Сагатовский В.Н. Новый взгляд на историю. **№ 3, 4.**

Серова А.А. Современные проблемы охраны здоровья населения и ресурсного обеспечения здравоохранения. **№ 2.**

Сорокин Г.Г. Глобальное старение как демографический мейнстрим современности. **№ 1.**

Табачков Е.В., Савиновских А.Г., Черный В.И. Социально-техническая система, ее место и роль в социуме. **№ 1.**

Терещук Е.А. Особенности корпоративной культуры государственных служащих в оценках экспертов. **№ 1.**

Яркова Е.Н. Человек и общество: социокультурные универсалии и специфика России. **№ 1.**

ВЛАСТЬ

Айвазян Г.А. Политическая идентичность – аналитический инструмент политологии. **№ 3.**

Арчаков М.К. Политический миф как идейная основа экстремистской деятельности. **№ 2.**

Безбородов М.И. Международная деятельность Русской Православной Церкви: внешне-политические позиции и сотрудничество с государством. **№ 3.**

Борисенков А.А. Политическое влияние как способ осуществления назначения политики. **№ 3.**

Ведерников П.В. Гражданское лидерство как объект политологического исследования. **№ 3.**

Висинбаев А.Р. Особенности формирования нормативной базы функционирования местного самоуправления в Чеченской Республике в условиях социально-политической стабилизации. **№ 2.**

-
- Воронина Л.И.* Использование маркетинга в деятельности органов власти. № 1.
- Голубева Т.Г.* О некоторых проблемах становления местного самоуправления в России в современных условиях. № 2.
- Горчакова О.Г.* Анализ трендов избирательной явки за период с 1979 по 2009 годы на примере выборов в Европейский Парламент. № 4.
- Гриценко Н.П.* Региональные политические элиты в современной России: ресурсы влияния на политический процесс. № 1.
- Гурарий Е.М.* Соотношение управленческих и политических компонентов в политическом поле реализации приоритетных национальных проектов. № 3.
- Далаева Ю.Д.* Феномен «гибкой» информационной власти: потенциал и проблема развития. № 4.
- Денисова И.В.* Участие в выборах как фактор политической социализации в современном российском обществе. № 4.
- Жуковский Д.А.* Эволюция политологической концепции А.А. Зиновьева. № 4.
- Казарезов И.В.* Функции и технологии общественно-государственного управления образовательной деятельностью казачьих обществ (на материалах Ростовской области). № 2.
- Кирдяшкин И.В.* К проблеме участия молодежи в воспроизводстве идеологических компонентов политической коммуникации. № 1.
- Коган Е.В.* Коммуникативные и социальные аспекты возрастания роли репутации в современном российском политическом процессе. № 4.
- Лактионов Г.А.* Молодежные парламенты в России: проблемы институционализации и политические процессы. № 3.
- Леонов И.Н.* Политические аспекты функционирования судебной системы современной России. № 3.
- Макаренко А.А.* Политические решения и демократические реформы в России. № 2.
- Малькевич А.А.* «Культурное смещение» «безразличных граждан»: к вопросу о современных концепциях политического участия молодежи. № 1.
- Назамутдинова М.Х.* Политика тэтчеризма и ее влияние на трансформацию британской прессы (на примере газеты «Таймс»). № 1.
- Нежданов Д.В.* «Политический рынок» современной России: модель «В.О.П.А.Д.» как инструмент ретроспективного анализа особенностей становления политических партий в 1993–2003 гг. № 4.
- Павленко Э.В.* Базовые проблемы повышения эффективности осуществления в регионах России политического руководства социально-экономическим развитием. № 4.
- Пильщикова И.Ю.* Проблема политического влияния в стратегии инновационного развития России. № 2.
- Рудой В.В., Понделков А.В., Старстин А.М., Лысенко В.Д.* Социологический профиль региональных политических элит Юга России (конкретно-социологическая интерпретация). № 1.
- Самсонов А.А.* Антикоррупционная политика современной России: международный аспект. № 2.
- Славянский А.В.* Современные технологии регионального информационного лоббизма (на материалах Ростовской области). № 3.
- Старостенко К.В.* Политический плюрализм и политическое многообразие: некоторые проблемы политической теории. № 1.
- Старостин А.А.* Политическая идентичность современных россиян: проблемы формирования. № 2.
- Табалов А.В.* Внутрипартийная фракционность: угроза единству партии или условие ее выживания. № 3.
- Толмачева М.В.* Современная молодежная политика: опыт и проблемы (на материале Ростовской области). № 3.
- Файзрахманов Р.Х.* Понятие вооруженного насилия в политико-правовой мысли Древнего Востока и современность. № 3.
- Фишман Л.Г.* Политическое значение отказа от общественных благ. № 1.
-

Ханмагомедов А.С. Портал повышения компетентности госслужащих – управленческая новация. **№ 3.**

Чегодаева Т.А. Участие профсоюзов в политической жизни и формировании гражданского общества: социологический анализ. **№ 3.**

Чернов Г.Ю. Политико-ориентированный подход к социально-массовым явлениям: философский анализ. **№ 3.**

Черных О.П. Онтология политики в контексте информационной парадигмы М. Мак-Люэна. **№ 4.**

Яровая С.В. Трансформация политического дискурса в ювенальной сфере в контексте современных тенденций развития семьи. **№ 4.**

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Воропанов В.А. Изменения в организации и юрисдикции местной имперской администрации в Восточном Казахстане в 1840-х – первой половине 1860-х гг. **№ 4.**

Ильиных А.В., Охохонин Е.М., Шабуров А.С. Проблемные вопросы формирования основ социального государства на территории Российской Федерации. **№ 2.**

Пиптюк А.Н. Передача органами местно самоуправления осуществления части своих полномочий в сфере земельных отношений. **№ 4.**

Тараборин Р.С., Тараборина Ю.В. Наполеон Бонапарт и составление Гражданского кодекса французов 1804 г. **№ 1.**

Томазова О.Е. Правовые проблемы организации единой системы органов исполнительной власти, осуществляющих государственный надзор и контроль в финансовой области. **№ 3.**

Янбухтин Н.Р. Правовое регулирование резервирования земель для государственных и муниципальных нужд. **№ 2.**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Артемова О.В., Абрамкина С.Р. Развитие регионов Российской Федерации в условиях усиления открытости национальной экономики. **№ 2.**

Зубов А.Г. Управление дебиторской задолженностью производственно-коммерческого предприятия в период финансового кризиса. **№ 2.**

Коротина Н.Ю., Овчинникова И.А. Механизм социально-экономического развития мясо-продуктового кластера на основе эколого-ориентированного подхода. **№ 1.**

Лавров И.В. Перспектива как модель будущего в экономике счастья – новой нормативной теории благосостояния. **№ 4.**

Моточенкова Я.Ю. Объективность и субъективность как необходимые условия оценки незавершенной и готовой продукции. **№ 4.**

Норекян М.С. Возможности сотрудничества государства и рынка на основе государственно-частного партнерства. **№ 4.**

Рушанин Д.В. Антикризисная стратегия реструктуризации предприятия на основе реинжиниринга бизнес-процессов (на примере Челябинского филиала ОАО «ЛУКОЙЛ-ИнтерКадр»). **№ 1.**

Торгай Н.З. Возможности социальной адаптации домохозяйств в условиях транзитивной экономики. **№ 3.**

Черкасова Т.П. Денежно-кредитный инструментарий государственной политики инициализации посткризисного роста. **№ 4.**

Шарков Д.В. Диалектические противоречия в развитии малого и среднего бизнеса в современной России. **№ 4.**

КУЛЬТУРА

Борисов Н.А. Образ России в Кыргызстане: устойчивость позитивных стереотипов. **№ 1.**

Павильч А.А. Развитие представлений о коммуникативной культуре в проблемном поле межкультурных взаимодействий. **№ 1.**

Саенкова Л.П. Особенности современной медиакультуры в условиях глобализации. **№ 4.**

Трушина И.А. Концепты Средневековья в культуре Серебряного века. № 4.
Уваров П.Б. Феномен «общественного мнения» как специфическая сторона процесса институционализации интеллигенции в эпоху Нового времени. № 2.
Фан И.Б. В поисках достоинства и ценности жизни российского гражданина. № 1.
Чупров А.С. Априоризм в социальном познании. № 2.
Шкурко Н.С. Социокультурные истоки отечественного имперского мифа. № 3.

ИСТОРИЯ

Воропанов В.А. Низшие суды в системе правосудия Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. (на примере губерний Урала и Западной Сибири). № 1.
Воропанов В.А. Становление местной имперской администрации в областях Казахской степи: проекты и реализация судебных реформ 1820-х гг. № 2.
Кубицкий С.И., Власова А.В. К вопросу реагирования Русской Православной Церкви на проблемы социальных патологий в начале XX века. № 4.
Новоселов В.Н. Строительство первого промышленного ядерного реактора для производства плутония на Южном Урале. № 3, 4.
Смирнов С.С., Власова А.В. Социальная работа Русской Православной Церкви Урала в до-революционные военные годы. № 3.
Смирнов Г.С., Смирнов С.С. Организация специального межевания в России. № 1.
Шубарина Л.В. Отражение генезиса оборонно-промышленного комплекса СССР в документах регионального архива. № 4.
Шубарина Л.В. Развитие оборонно-промышленного комплекса на Урале (1945 – 1965 гг.). № 2.

ПЕРСОНА

Интервью-беседа профессора С.С. Загребина с начальником Управления по делам образования Администрации города Челябинска А.И. Кузнецовым. № 1.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XVIII Уральские социологические чтения. № 4.
Кризис и политическая ситуация в регионах России (Материалы выступлений участников заседания Клуба уральских политологов). № 2, 3.
Куда пойдет гражданское общество? № 4.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на сборник «Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии». № 4.
Россия и Сибирь: порядок управления Рецензия на монографию Н.И. Краснякова ««Сибирский формат» регионального управления в Российской империи (XVIII – начало XX вв.)». № 1.

АВТОРЫ НОМЕРА

Бекетов П.А., директор АНО «Челябинская академия дополнительного образования». E-mail: bekotov_p@rambler.ru

Власова А.В., кандидат исторических наук, доцент Уральского социально-экономического института Академии труда и социальных отношений, г. Челябинск. E-mail: avlasova74@mail.ru

Воропанов В.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, доцент. E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Горчакова О.Г., соискатель Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: lelya98@inbox.ru

Далаева Ю.Д., аспирант Российской академии государственной службы, г. Москва. E-mail: dalai84@list.ru

Денисова И.В., старший преподаватель кафедры политологии Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии, г. Омск. E-mail: diwa55@mail.ru

Жуковский Д.А., аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopobr@skags.ru

Зборовский Г.Е., декан социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Гуманитарного университета города Екатеринбурга, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор. E-mail: garoldzborovsky@gmail.com

Зерчанинова Т.Е., кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Уральской академии государственной службы, г. Екатеринбург. E-mail: Tatiana_Z@uara.ru

Зырянов С.Г., директор Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, доктор политических наук. E-mail: director@urags-chel.ru

Коган Е.В., аспирант кафедры политического консалтинга и избирательных технологий факультета прикладной политологии Государственного университета – Высшей школы экономики, г. Москва. E-mail: elena.kogan@gmail.com

Кубицкий С.И., ректор Уральского социально-экономического института Академии труда и социальных отношений, доктор социологических наук, профессор, г. Челябинск. E-mail: rect@ursei.ac.ru

Лавров И.В., кандидат философских наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы. E-mail: lavrovnauka@mail.ru

Моточенкова Я.Ю., преподаватель кафедры бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института в г. Челябинске. E-mail: yana74m@mail.ru

Нежданов Д.В., директор Центра организационного и политического консультирования «ПРИОРИТЕТ», г. Екатеринбург. E-mail: ndv123@yandex.ru

Новоселов В.Н., заведующий кафедрой истории и философии Челябинского института (филиала) Уральского академии государственной службы, доктор исторических наук, профессор. E-mail: svkr1977@mail.ru

Норекян М.С., доктор экономических и социальных наук, ФРГ. E-mail: dr.norekian@norekian.de

Павленко Э.В., аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopobr@skags.ru

Пиптюк А.Н., аспирант кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: Piptyuk@yandex.ru

Сагатовский В.Н., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Санкт-Петербург. E-mail: vn-sagat@yandex.ru

Саенкова Л.П., заведующая кафедрой литературно-художественной критики Института журналистики Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент, г. Минск, Республика Беларусь. E-mail: sayenkova@gmail.com

Трушина И.А., старший преподаватель кафедры культурологии и русского языка Северо-Западной академии государственной службы, г. Санкт-Петербург. E-mail: irina-tia@yandex.ru

Черкасова Т.П., кандидат экономических наук, доцент Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: nauka@skags.ru

Черных О.П., кандидат философских наук, доцент кафедры философии Магнитогорского государственного университета. E-mail: cherry-100@yandex.ru

Шарков Д.В., аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopobr@skags.ru

Шубарина Л.В., кандидат исторических наук, доцент Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: shubarina2009@mail.ru

Яровая С.В., соискатель Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopobr@skags.ru

Требования к оформлению статей и сообщений, предоставляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи в электронном варианте.

2. Текст статьи предоставляется на русском языке объемом 19.100 знаков без пробелов, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон – 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 28]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке на русском и английском языках. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в библиографическом списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (до 300 печатных знаков) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия и словосочетания (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта, новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Предоставляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@urags-chel.ru.

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.